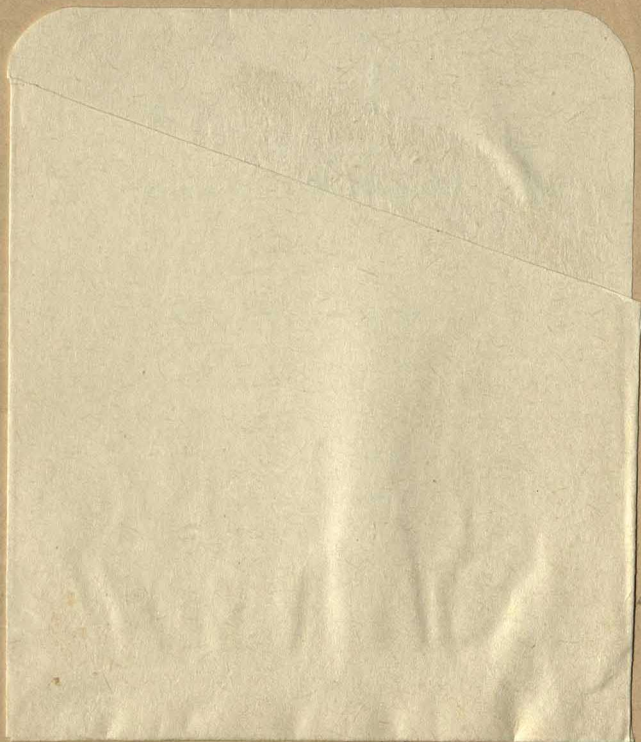


M 43
115

✓

М 43
115.



с. 115

180
Д. Г. ЛЬЮИСЪ

ИЗУЧЕНІЕ ПСИХОЛОГІИ

ЕЯ ПРЕДМЕТЪ, ОБЛАСТЬ И МЕТОДЪ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ „ВОПРОСОВЪ О ЖИЗНИ И ДУХЪ“)

РЕДАКЦІЯ ПЕРЕВОДА И ЭТЮДЪ

„ЛЬЮИСЪ, КАКЪ ПСИХОЛОГЪ“

П. Д. Боборыкина

МОСКВА

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. ЛАНГЪ

1880



Г. П. ДАВЫДОВ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПЕЧАТНИ

В ПЕРВОМ ТОМѢ

МОСКВА

1864

Д. Г. ЛЬЮИСЪ

ИЗУЧЕНІЕ ПСИХОЛОГІИ

ЕЯ ПРЕДМЕТЪ, ОБЛАСТЬ И МЕТОДЪ

«ПРОДОЛЖЕНІЕ „ВОПРОСОВЪ О ЖИЗНИ И ДУХѢ“)

РЕДАКЦІЯ ПЕРЕВОДА И ЭТЮДЪ

„ЛЬЮИСЪ, КАКЪ ПСИХОЛОГЪ“

П. Д. Боборыкина

МОСКВА

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. ЛАНГЪ

1880

Дозволено цензурою. Москва, 22 Мая 1880 года.

№ 366/79.

42217-0



2007334418



Типографія Т. Рись, на Садовой, у Яузской части,
домъ Медынцевой.



КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Этотъ «вопросъ» выпущенъ въ свѣтъ, согласно желанію автора, отдѣльной книжкой; въ рукописи измѣненія сдѣланы только такія, которыя конечно были бы одобрены самимъ авторомъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

	СТРАН.
ПРЕДМЕТЪ	1
(Отношеніе психологіи къ физиологіи).	8
(Духъ и тѣло).	17
(Отправленіе и способность).	25
(Механизмъ и опытъ).	28

ГЛАВА II.

МОТИВЪ.	38
-----------------	----

ГЛАВА III.

ПОЛОЖЕНІЕ НАУКИ.	46
(Объективные и субъективные законы).	49
(Взгляды Конта, Милля и Спенсера).	53

ГЛАВА IV.

СОЦІАЛЬНЫЙ ФАКТОРЪ.	70
-----------------------------	----

ГЛАВА V.

СУБЪЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗЪ И МЕТОДЪ ВНУТРЕННЯГО НАБЛЮДЕНІЯ (ИНТРО-СПЕКЦІЯ).	81
---	----

ГЛАВА VI.

ОГРАНИЧЕНІЯ МЕТОДА САМОНАБЛЮДЕНІЯ	90
---	----

ГЛАВА VII.

СВОБОДА ВОЛИ.	102
-----------------------	-----

ГЛАВА VIII.

	СТРАН.
ОБЪЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗЪ	114
<i>(Психологія животныхъ)</i>	121
<i>(Различія между животнымъ и человеческимъ)</i>	132
<i>(Нравственное чувство)</i>	149
<i>(Исторія)</i>	157

ГЛАВА IX.

ОВЦІЙ ДУХЪ	165
----------------------	-----

ГЛАВА X.

ФОРМЫ МЫШЛЕНІЯ	178
--------------------------	-----

ГЛАВА XI.

АНАЛИЗЪ И СИНТЕЗЪ	186
-----------------------------	-----

„Ψυχῆς οὖν φύσιν ἀξίως λόγου κατανοῆσαι οἷε δυνατόν εἶναι ἄνευ τῆς τοῦ οἴου φύσεως;“

PLATO : *Phædrus*.

„Kaum giebt es eine Wissenschaft, über deren Standpunkt und Entwicklungsstufe grössere Zweifel und Widersprüche herrschen, als die Wissenschaft der Seele. Während den Einen die Psychologie längst ausgelebt, keiner erheblichen Weiterbildung mehr fähig scheint, sind Andere der Meinung, dass sie kaum erst in den Anfängen ihrer Entwicklung begriffen sei.“

WUNDT : *Vorlesungen über die Menschen und Thierseele*,

1863, i. 1.

ОТЪ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА.

Всякому извѣстно, что психологическій, и вообще философскій, языкъ у насъ далеко не установленъ. Правда, есть въ русской литературѣ два-три оригинальныхъ сочиненія, написанныхъ очень хорошимъ, своеобразнымъ и возможно-точнымъ языкомъ, и, какъ разъ, по исторіи психологіи и ея догматическимъ вопросамъ. Въ нихъ авторамъ не было надобности такъ часто употреблять тѣ слова и выраженія, которыя неизбѣжны въ переводѣ, гдѣ необходимо передавать не только содержаніе, но и форму текста. Въ нашемъ языкѣ есть, къ сожалѣнію, слова и термины — всего чаще-встрѣчающіеся въ психологіи — съ двоякимъ, и даже многообразнымъ, смысломъ. Стоитъ только припомнить слово „чувство“. Оно значитъ: и одинъ изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, и ощущеніе, и всякій душевный аффектъ, и совокупность всей чувствительности психическаго характера. По русски можно однакожъ замѣнить слово чувство словомъ чувствованіе. Въ переводѣ книги Льюиса мы держимся, главнымъ образомъ, послѣдняго термина, и для выраженія того, что называется въ текстѣ „sentiment“, и для передачи всей области чувства, обозначаемой, у Льюиса, словомъ „sentience“. Обращаемъ на это вниманіе потому именно, что Льюисъ сводитъ всю психическую жизнь къ чувствованію. И другіе англійскіе термины могутъ быть, при пере-

водѣ, передаваемы различно, какъ на примѣръ, самое частое и общее слово „mind“. Нѣкоторые переводятъ его: умъ, разумъ, мышленіе. Но намъ кажется, что ни одно изъ этихъ выраженій не можетъ быть употреблено въ большинствѣ случаевъ, гдѣ „mind“ значить душа или духъ, т. е. совокупность душевной жизни человѣка, куда входятъ: и мышленіе, и эмоціи, и воля. Въ книгѣ Льюиса есть цѣлая глава, посвященная характеристикѣ собирательной душевной жизни развитаго человѣчества или отдѣльной расы. Глава эта называется „The general mind“. Мы перевели ее: „Общій духъ“. Это можетъ показаться нѣсколько страннымъ, но терминъ mind нужно было непременно передать выраженіями духъ или душевная жизнь. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой главы можно было замѣнить слово духъ словомъ мышленіе, потому что тамъ авторъ прямо говоритъ о чисто интеллектуальныхъ процессахъ. Само собою разумѣется, что переводя такъ терминъ „general mind“, мы не вдаемся въ какой спиритуализмъ, оставаясь на научной почвѣ. Точно также, и другіе термины не вполне выражаются по русски, или требуютъ дополнительныхъ словъ. А терминъ „experience“, передаваемый словомъ опытъ, употребляется Льюисомъ очень часто въ смыслѣ душевнаго развитія отдѣльной личности и цѣлой расы — всей исторіи ихъ духа.

Переводъ сдѣланъ безъ стилистическихъ уклоненій отъ подлинника. Отъ этого онъ выходитъ менѣе гладкимъ; но за то даетъ и самую форму авторской мысли. Выполняло его не одно лицо, почему редакціи и нужно было придать языку единство склада и колорита. Редакторъ самъ не переводилъ; а ограничился только редижированіемъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, ставя на первый планъ вѣрность подлиннику.

ЛЬЮИСЪ, КАКЪ ПСИХОЛОГЪ.

(Посвящается Джоржу Эліоту).

I.

Никто изъ англійскихъ мыслителей нашего вѣка, за исключеніемъ Джона Стюарта Милля, не сдѣлался у насъ, въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, на столько *своимъ* человѣкомъ, какъ недавно умершій Д. Г. Льюисъ. Переводы двухъ его сочиненій — «Физиологія обыденной жизни» и «Исторія философіи» — заставили массу публики заинтересоваться такими вопросами, которые до тѣхъ поръ были достояніемъ небольшихъ кружковъ, или читателей-спеціалистовъ. Тоже самое произошло и въ Англіи съ «Исторіей философіи» Льюиса. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ публицистовъ, постоянный сотрудникъ «Fortnightly Review», журнала основаннаго Льюисомъ, Фредерикъ Гаррисонъ, говоритъ въ статьѣ, посвященной Льюису: до какой степени умъ, талантъ и изложеніе покойнаго мыслителя повліяли даже на чопорную англійскую публику и заставили ее читать разборъ философскихъ системъ, казавшихся ей прежде чѣмъ-то ужасающимъ, по своей суши и запутанности.

Да, Льюисъ и былъ именно такимъ человѣкомъ! Все, чего онъ ни касался, принимало у него живую характерную форму, во всемъ сквозилъ пытливый, смѣлый, обширный умъ, не страдающій той наклонностью къ компромисамъ, какая дается англій-

скимъ воспитаніемъ. Кто лично знавалъ Льюиса, тотъ, конечно, согласится, что въ этомъ человѣкѣ общеевропейецъ преобладалъ надъ англичаниномъ. Онъ даже и по внѣшности не имѣлъ британскаго типа. Выраженіе лица, голосъ, манера говорить, жесты, умственные привычки, идеи, общественныя симпатіи, вкусы—все это было скорѣе континентальное, а уже никакъ не чисто-англійское. Этой живой натурѣ, этому всеобъемлющему пытливому уму душно было въ Англіи. Политическая свобода страны не давала удовлетворенія его преобладающимъ душевнымъ потребностямъ: свободѣ мышленія, нравственной свободѣ, социальнымъ симпатіямъ. И то, и другое, и третье сталкивалось, на каждомъ шагу, съ старыми англійскими идеями, порядками и нравами. Такому человѣку, какъ Льюисъ, всего тяжелѣе было видѣть, какъ англійское общество охвачено тѣмъ, что называется по англійски «cant», т. е. лицемерными обычаями, англиканскимъ и свѣтскимъ фарисействомъ, боязнью всего, что отзывается смѣлостью мысли, свѣжими общественными идеалами. Поэтому онъ и долженъ былъ жить въ тѣсномъ кружкѣ своихъ единомышленниковъ. Его домъ посѣщали только свободные мыслители и политическіе радикалы. Да можно сказать прямо, что и до сихъ поръ ни англійское общество, ни англійская интеллигенція вполне не оцѣнили еще Льюиса, какъ мыслителя и литературнаго дѣятеля. Біографическія статьи и замѣтки, явившіяся тотчасъ послѣ его смерти, даже и очень сочувственные покойному, не показывали полного пониманія. Въ томъ журналѣ, который созданъ былъ Льюисомъ, въ «Fortnightly Review», некрологъ былъ составленъ его близкимъ пріятелемъ — романистомъ Троллопомъ — наскоро, безъ должной оцѣнки многообразныхъ сторонъ натуры и умственного труда Льюиса. Пройдетъ не мало времени, пока консервативная и ортодоксальная Англія пойметъ: какого человѣка лишилась она, уяснить себѣ значеніе той освободительной борьбы, которую Льюисъ велъ неустанно и горячо, во имя положительнаго знанія и научнаго мышленія. Да не только «респектабельное» общество — и учено-литературный міръ Лондона не любилъ Льюиса, слишкомъ искренняго и рѣзкаго въ своихъ отзывахъ,

не умѣвшего золотить пилюли въ тѣхъ статьяхъ, которыя ему приходилось писать или печатать, когда онъ былъ редакторомъ «Fortnightly Review».

Некрологи и біографическіе очерки познакомили и русскую публику съ характеромъ жизни и дѣятельности Льюиса. Рѣдкій изъ современныхъ мыслителей выказывалъ такую разносторонность. Личная судьба, заставившая Льюиса въ молодости перепробовать нѣсколько профессій, не позволила ему вдаться въ цеховую ученость, выработать изъ себя сухаго, кабинетнаго филистера. Онъ побывалъ и въ клеркахъ, и въ прикащикахъ, и въ актерахъ, и въ драматургахъ, прежде чѣмъ предался наукѣ. Продолжительная жизнь на континентѣ, изученіе нѣмецкой и французской литературы и исторіи, любовь къ природѣ, серьезная склонность къ естествознанію, ранняя философская пытливость — все это вошло въ его развитіе и обнаружилось цѣлыми изслѣдованіями, трактатами, книгами. Изучаетъ ли онъ судьбу и творчество Гете, предается ли онъ, на морскомъ берегу, работамъ естествоиспытателя, сидитъ ли онъ въ физиологическомъ кабинетѣ — вездѣ и во всемъ видимъ мы человѣка, преисполненнаго яркой жизненности, даровитой разносторонности. Но грунтъ его образованія былъ все-таки естествознаніе и, специально — физиологія. Его никоимъ образомъ нельзя считать диллетантомъ. Еслибъ не философскіе труды, взявшіе у него столько времени, онъ конечно составилъ бы себѣ громкое имя въ положительной наукѣ. Физиологическія работы шли у него рука объ руку съ философскимъ мышленіемъ. Еще очень молодымъ человѣкомъ, въ 1836 году, онъ уже задумалъ цѣлый трактатъ по психологіи, въ которомъ хотѣлъ дополнить физиологическими объясненіями доктрины шотландской школы: Риды, Стюарта и Брауна. Онъ уже стоялъ на твердой почвѣ положительнаго знанія. Но его міровоззрѣніе не было еще вполне установлено, въ смыслѣ философскомъ, и тогда, когда онъ выпустилъ въ свѣтъ первое изданіе своей «Біографической исторіи философіи», въ 1845 году, хотя весь духъ этой книги показываетъ, что и въ то время Льюисъ былъ уже склоненъ къ принятію позитивной доктрины.

Въ предисловіи къ новому изданію своей «Исторіи философіи», отъ 1867 года, онъ прямо говорить:

«Я присталъ къ положительной философіи въ 1846 году, и остаюсь до сихъ поръ ея послѣдователемъ. Мнѣ хотѣлось (онъ говоритъ о главѣ, посвященной Огюсту Конту) дать не подробное изложеніе, которое бы помогало лѣнивымъ людямъ, любящимъ пускаться въ ходъ учености изъ вторыхъ рукъ, а общія указанія, достаточныя для того, чтобы помочь тѣмъ, кто изучаетъ положительную философію, оцѣнить ея цѣль и значеніе, и съ знаніемъ дѣла руководиться сочиненіями Конта. Меня часто просили указать на какое нибудь «краткое изложеніе этой системы». Это были люди, желающіе воспользоваться трудами Конта (или просто узнать ихъ для разговора), но пугающіеся труда прочесть положенія, важность которыхъ они признаютъ. На это мой отвѣтъ таковъ: изучите сами «Позитивную философію», изучите ее терпѣливо и не спѣша, не ворчите на новую науку и на новый языкъ, и тогда—примете ли вы, отвергнете ли вы систему — вы всетаки найдете, что вашъ умственный горизонтъ навсегда будетъ разширенъ. «Но шесть толстыхъ томовъ!» восклицаетъ въ нерѣшительности желающій. Ну да, шесть томовъ, которые нужно не только прочесть, но и продумать. Знаю, что это очень долго для теперешняго занятого и суетнаго свѣта. Но подумайте только какъ легко прочесть шесть отдѣльныхъ томовъ философскаго содержанія въ продолженіе цѣлаго года, и попытка покажется вамъ менѣе ужасающею. Никто же не откажется, даже и больше, чѣмъ цѣною годового труда, пріобрѣсти доктрину громаднаго значенія, способную придать единство всему существованію».

Въ этихъ подлинныхъ словахъ мы видимъ убѣжденного послѣдователя Огюста Конта. Послѣ того Льюисъ нигдѣ не отрицался его. Но въ томъ сочиненіи, гдѣ онъ явился теоретикомъ философскаго мышленія, въ *Вопросахъ о жизни и духѣ*, Льюисъ сдѣлалъ шагъ въ сторону отъ строгаго позитивизма. Онъ призналъ возможнымъ заниматься отвлеченными вопросами, примѣняя къ нимъ положительный методъ, коснулся, стало-быть, области метафизики, которую онъ переименовалъ въ *метэмпи-*

рику. Мы увидимъ ниже, что и въ чисто-психологической сферѣ онъ не считаетъ всѣхъ положеній Огюста Конта состоятельными, оставаясь однако вѣрнымъ позитивной доктринѣ въ существенномъ взглядѣ на психологію. Поэтому-то критикъ его философскихъ воззрѣній, Рибо, и называетъ позитивизмъ Льюиса «*независимымъ*» *).

II.

Но какова бы ни была степень *независимости* Льюиса, какъ позитивиста, онъ, въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ, оставался неизмѣнно-вѣрнымъ научному методу. Не слѣдуетъ никогда забывать того, что Льюисъ былъ не диллетантъ естествознанія, а хорошій ученый, *физиологъ*, производившій самостоятельные опыты, человекъ, имѣвшій спеціальныя познанія по общей анатоміи и гистологіи. Въ немъ постоянно жила любовь къ точнымъ изысканіямъ. Мысль его направлялась, все больше и больше, въ сторону такихъ обобщеній, которыя подрываютъ ненаучные взгляды въ психологіи. До появленія его «Вопросовъ о жизни и духѣ» Льюисъ не дѣлалъ психологіи предметомъ особыхъ монографій. Но и въ «Исторіи Философіи», и въ «Физиологіи обыденной жизни» уже находятся задатки и предпосылки той психологической доктрины, какая задумана была имъ, когда онъ приступилъ къ «Вопросамъ о жизни и духѣ». Присоединяя два тома этого сочиненія, вышедшіе до смерти Льюиса, къ тѣмъ двумъ трудамъ, о которыхъ сейчасъ упомянуто, можно по нимъ составить себѣ понятіе о томъ: какихъ началъ и воззрѣній держался Льюисъ передъ тѣмъ, какъ пришелъ къ окончательному формулированію своей психологической доктрины, къ написанію книги «Изученіе психологіи», представляющей собою дальнѣйшій выпускъ тѣхъ же «Вопросовъ о жизни и духѣ».

*) La psychologie anglaise contemporaine, par Th. Ribot, deuxième édition. Paris, 1875, стр. 335.

Но прежде, чѣмъ я наброшу эту картину, не мѣшаетъ припомнить: до какихъ выводовъ дошли англійскіе психологи новѣйшей опытной школы. Льюисъ, не смотря на свой, болѣе рѣзко обозначенный, позитивизмъ, примыкаетъ къ цѣлому ряду англійскихъ психологовъ, каковы: Берклэй, Джемсъ Милль, Джонъ Стюартъ Милль, Гербертъ Спенсеръ, Александръ Бэнъ, Самуилъ Бэлэй. Въ изложеніи тѣхъ выводовъ, въ какихъ всѣ эти мыслители-психологи вполне или почти согласны между собой, я буду держаться талантливой и объективной книги Рибо, уже цитированной мною. На этомъ общемъ грунтѣ выдѣлятся болѣе ярко и взгляды, принадлежавшіе лично Льюису. Я ихъ приведу потомъ, особо.

Психологія, по ученію этой опытно-эволюціонной школы, занимается преимущественно фактами сознанія. Она изслѣдуетъ только явленія, а никакъ не *сущности*. Въ своемъ методѣ она опытна и не допускаетъ ни матеріализма, ни спиритуализма, какъ руководящихъ доктринъ. У ней—двойной методъ: явленія изучаются ею и субъективно, и объективно, т. е. съ одной стороны—сознаніемъ, памятью и размышленіемъ, а съ другой—при помощи внѣшнихъ фактовъ: знаговъ, мнѣній постороннихъ лицъ и дѣйствій, проявляющихъ ихъ душевныя состоянія. Психологія не можетъ ограничиваться сознаніемъ вполне развитаго человѣка. Она открываетъ зародыши душевной жизни, слѣдитъ за послѣдовательными моментами развитія, другими словами, занимается эмбриологіей души. Но этого мало: она употребляетъ и сравнительный методъ, пользуясь изученіемъ душевной жизни животныхъ, и самыхъ близкихъ къ человѣку, и низшихъ.

Сознаніе для этой школы служить общимъ выраженіемъ психической жизни человѣка. Оно представляетъ собою непрерывный токъ ощущеній, идей, чувствованій, актовъ воли и т. д. Первый основной актъ сознанія—воспріятіе разницы; второй—воспріятіе сходства. Ощущенія, какъ источникъ всего матеріала душевной жизни, идущаго извнѣ, чрезъ органы чувствъ, доставляются семью различными путями: мышечное чувство, чувство органическое, дающее намъ знать о состояніяхъ нашего тѣла, и пять специальныхъ органовъ чувствъ.

Самый общій законъ душевной жизни, обследованный всего лучше англійской школой, есть законъ ассоціаціи. Этихъ психологовъ даже называютъ *ассоціаціонистами*. Законъ ассоціаціи имѣетъ такую же важность для психологіи, какъ законъ тяготѣнія для космическихъ явленій. Ассоціаціи происходятъ и между однородными, и между разнородными фактами душевной жизни. Ощущенія могутъ сочетаться съ ощущеніями, или же съ актами воли и съ идеями, и на оборотъ. Самый процессъ ассоціаціи держится за два главныхъ факта воспріятія: сходство и сопредѣльность. Она производитъ послѣдовательные ряды душевныхъ представленій или одновременныя сосуществованія. Внѣшніе объекты, воспринимаемые нами, связываются въ нашемъ представленіи ассоціаціей одновременности. Воспріятіе внѣшняго міра не можетъ считаться вполнѣ пассивнымъ: оно является результатомъ взаимодействія субъекта и объекта, т. е. челоуѣка и внѣшняго міра. Этотъ внѣшній вещественный міръ не тождественъ съ нашими воспріятіями. Они только соотвѣтствуютъ ему, а не копируютъ его, и подобно водѣ, отличающейся отъ составныхъ своихъ частей, водорода и кислорода, разнятся отъ своихъ образовательныхъ элементовъ: объекта и субъекта. Эти термины: объектъ и субъектъ — обозначаютъ всего точнѣе противоположность личнаго сознанія и существованія, какъ челоуѣческаго организма, такъ и всего внѣшняго міра. Ихъ менѣе точные синонимы будутъ: матерія и духъ, внѣшнее и внутреннее. Основной и не сводимый уже, ни къ чему другому, опытъ, дающій понятіе о внѣшности, есть сопротивленіе. Факты сознанія, обладающіе свойствомъ продолжаться, оставлять слѣды въ душевномъ организмѣ челоуѣка и снова возникать, образуютъ память и воображеніе. Эти два душевныя отправленія не вполнѣ объясняются закономъ ассоціаціи, хотя онъ и лежитъ въ основѣ всѣхъ душевныхъ явленій.

Вопросъ объ увѣренности (вѣрѣ во что нибудь, положительной, точной, а не мистической) или утвержденіи трактуется въ нашей школѣ различно. Джемсъ Милль, отецъ Джона Стюарта, и Гербертъ Спенсеръ объясняютъ ихъ неразрывной ассоціаціей представленій и идей; Бэнъ и Джонъ Стюартъ Милль видятъ въ

нихъ форму дѣятельности воли. Размышленіе, обдумываніе чего нибудь идетъ отъ частнаго къ частному. Сопоставленіе частныхъ ведетъ къ индукціи. Всякое общее положеніе представляетъ собою процессъ упрощенія частныхъ. Отъ него отправляется уже выводъ или дедукція. Силлогизмъ, считавшійся и въ схоластикѣ, и въ метафизикѣ, великимъ орудіемъ и даже основой всякой умственной работы, не есть вовсе типъ мышленія. Онъ только способъ повѣрки общихъ положеній.

Происхожденіе идей школа объясняетъ самостоятельной дѣятельностью душевнаго организма и притомъ по своему, оригинально. Она не согласна ни съ сенсуалистами, ни съ кантіанцами. Сенсуалистамъ (послѣдователямъ Локка и Кондильяка), она возражаетъ, прямо отрицая основательность ихъ толкованій о *tabula rasa* и бездушнѣй статуй, которая оживляется по мѣрѣ воспріятія ощущеній. Еслибъ сенсуалисты были правы, то душевный складъ различныхъ людей, поставленныхъ въ одни и тѣ же условія, былъ бы тождественъ, чего далеко нѣтъ. Вдобавокъ опытъ показываетъ, на каждомъ шагѣ, какую роль играютъ въ душевной жизни прирожденность и наслѣдственность. Рационалистамъ (послѣдователямъ Декарта и Лейбница) школа ставитъ на видъ полную безсодержательность понятія объ идеѣ, которую не мыслить, въ данный моментъ, умъ человѣка, объ идеѣ, находящейся только въ возможности. Наконецъ кантіанцамъ она заявляетъ, что ихъ теорія готовыхъ формъ мышленія хороша только въ логическомъ смыслѣ. Но формы эти образовались путемъ *развитія*, съ помощью ощущеній, стало быть не явились готовыми въ душѣ человѣка. По ученію нашей школы душевный организмъ имѣетъ собственную самодѣятельность (или «спонтанность», какъ нынче пишутъ и по русски) для переработки матеріала извнѣ. Самодѣятельность эта сидитъ въ общемъ организмѣ человѣка, спеціально же въ нервной системѣ и развивается подъ вліяніемъ наслѣдственности.

Въ анализѣ отдѣльныхъ умственныхъ представленій выдѣляются два главныхъ отношенія, распознаваемыхъ умомъ человѣческимъ: послѣдовательность и одновременность. Первая — проще и основнѣе. Съ ней связано понятіе о причинѣ или о

послѣдованіи (sequence)— по терминологіи школы. Причина ея будетъ частнымъ фактомъ послѣдованія. Причинность же есть постоянная и однообразная послѣдовательность. Другими словами: неизмѣнное предшествующее есть причина; такое же послѣдующее — дѣйствіе, которое вульгарно называется и понимается, какъ слѣдствіе. Связь между ними — вымышленное осложненіе. Совокупность отношеній послѣдовательности мы называемъ временемъ, а такая же совокупность отношеній одновременности или сосуществованія есть пространство. Понятіе же безконечности объясняется ассоціаціей.

Чисто мыслительная сторона душевной жизни изучена англійской школой гораздо больше двухъ остальныхъ отдѣловъ психологіи — эмоцій и воли. Тутъ являются существенныя разногласія, и единомысліе заключается только въ нѣсколькихъ вопросахъ, которые я и приведу.

Двумя основными фактами эмоцій признаются удовольствіе и неудовольствіе, или скорбь, по номенклатурѣ нѣкоторыхъ психологовъ. Эмоціи и страсти бываютъ простыя и сложныя. Названія и число простыхъ съ точностью еще не установлены. Къ сложнымъ эмоціямъ причисляютъ эстетическое и нравственное чувство. Воля источникомъ своимъ имѣетъ, или органическую жизнь въ тѣсномъ смыслѣ, или инстинкты, душевные аппетиты и страсти. У взрослаго человѣка воля является руководящей силой. Она сложна. Акты ея подчинены закону причинности. Они — наше собственное дѣло, потому что вытекаютъ изъ совокупности сознательныхъ состояній, изъ которыхъ мы составляемъ наше «я». Вопросъ о свободѣ воли для научнаго психолога не понятный, *миимый* вопросъ; поэтому онъ и неразрѣшимъ такъ — какъ онъ ставится у метафизиковъ. Изъ психологіи надо вообще вычеркнуть слово «свобода» и замѣнить его словомъ «способность».

Психологія, понимаемая такимъ образомъ, должна составлять особую науку; но ее не слѣдуетъ отдѣлять совсѣмъ отъ физиологіи. Многія явленія принадлежать и той, и другой. Ее необходимо дополнить практической доктриной, этологіей, т. е. наукой объ образованіи личныхъ и національных характеровъ, —

мысль, развитая, главнымъ образомъ, Д. Стюартомъ Миллемъ.

III.

Теперь, укажемъ на тѣ спеціальные вопросы, въ области психологіи, которые обязаны Льюису своей самостоятельной обработкой, или, по крайней мѣрѣ, характеризуютъ его, какъ психолога.

По исторіи психологіи, Льюисъ давно уже, еще въ первомъ изданіи своей книги, обработалъ, съ точки зрѣнія болѣе научной: и доктрину сенсуалистовъ, и Канта, и шотландскую школу, которую онъ считаетъ «мертвою», совершенно недостаточною, ни по методу, ни по цѣли. Напротивъ, Кабанисъ и Галль комментированы имъ не только съ полной объективностью, но и съ сочувствіемъ ихъ основнымъ идеямъ. Защищая Кабаниса, Льюисъ возстановляетъ настоящій смыслъ его знаменитой фразы: «мозгъ выделяетъ мысль такъ, какъ печень—желчь». Онъ доказываетъ, что Кабанисъ употребилъ это сравненіе вовсе не въ прямомъ смыслѣ. Главная же его заслуга, по мнѣнію Льюиса, состоитъ въ томъ, что онъ впервые установилъ незыблемую связь, существующую между органическими и душевными явленіями. Льюисъ одобряетъ и Галля, руководившагося тою же идеею, хотя и показываетъ, конечно, ошибочность его локализациі способностей. Сочувствіе Кабанисту и Галлю, вмѣстѣ съ признаніемъ принциповъ положительной философіи, уже давно вели Льюиса къ установленію позитивнаго взгляда на психологію, какъ на отрасль біологіи. Онъ и защищаетъ, противъ Джона Стюарта Милля, то мѣсто, какое психологія должна занять въ іерархіи наукъ. Онъ давно признаетъ ее, слѣдуя въ этомъ Конту, *конкретной* наукой, зависимою отъ абстрактной біологіи. Но ни въ «Исторіи философіи», ни въ «Вопросахъ» мы не находимъ еще вполне твердаго формулированія позднѣйшей идеи Льюиса о социальномъ элементѣ въ психологіи.

Въ догматической части психологіи Льюисъ, разъ утвердившись на научно-философской почвѣ, очистилъ свой умъ отъ всякихъ

метафизическихъ сущностей. Организмъ, его отправленія, область чувствованія, нервная система, ея свойства: вотъ чего онъ сталъ держаться въ своихъ изслѣдованіяхъ и обобщеніяхъ. Одно изъ главныхъ основныхъ его положеній по біологіи, которое онъ защищалъ до самой смерти, это то, что нервная система вездѣ тождественна въ своихъ свойствахъ и строеніи. Извѣстно, что одностороннее воззрѣніе на рефлексы, усвоенное многими фізіологами, постоянно оспаривалось Льюисомъ. Онъ доказывалъ, что спинной мозгъ—главный центръ рефлекторныхъ движеній—способенъ также на сознательность, и что между рефлексами и мозговыми операціями, связанными съ сознаниемъ, нѣтъ никакой разницы, по существу. По вопросу о рефлексахъ Льюисъ вовсе не стоитъ особнякомъ; у него есть цѣлый рядъ предшественниковъ, имѣющихъ имя въ наукѣ, каковы: Уиттъ, Прохазка, Легаллуа, Уильсонъ, Филиппи, Лялеманъ, Кальмейль, Арнольдъ и другіе. Отстаиванье своего рода сознательности въ рефлекторныхъ актахъ нужно было Льюису для расширенія области психологіи, которую онъ, и до появленія своей посмертной книги, не хотѣлъ уже ограничивать сознательностью, въ тѣсномъ смыслѣ. По его опредѣленію, сознание есть масса постоянныхъ волнъ, образованныхъ отдѣльными волнами нервныхъ дрожаній. Онъ подкрѣпляетъ это опредѣленіе примѣромъ взволнованнаго озера. Ему же принадлежитъ и другое унодобленіе, такъ называемый *психическій спектръ*, состоящій изъ трехъ элементовъ: ощущенія, мысли и движенія. Этотъ спектръ находимъ мы, по толкованію Льюиса, во всѣхъ фактахъ душевной жизни: въ ощущеніи, въ воспріятіи, въ образахъ, въ пониманіи, въ эмоціи, въ желаніи, въ актахъ воли и т. д. Всякій психическій признакъ непремѣнно тройной. Льюисъ принимаетъ, въ вопросѣ сознанія, незамѣтные, или скрытые, воспріятія. Общее чувствилище представляетъ собою, по Льюису, сумму всѣхъ нервныхъ центровъ, а каждый центръ, въ отдѣльности, есть самъ по себѣ чувствилище. Чувствительность Льюисъ всегда выставлялъ, какъ основное психическое свойство, проявляющее собою органическую жизнь. Каждая часть организма имѣетъ, по его взгляду, самостоятельное бытіе; а сплетеніе органическихъ дѣятельностей и

есть жизнь, сказывающаяся въ чувствительности, въ которой, по мнѣнію Льюиса, нужно видѣть свойство *истологическое*, а не *морфологическое*. Поэтому для Льюиса устройство органа было всегда вопросомъ второстепеннымъ. Ощущеніе онъ сливаетъ въ одно съ воспріятіемъ и любитъ доказывать, что мы постоянно воспринимаемъ множество впечатлѣній отъ внѣшняго міра, отъ своего тѣла, безсознательно или нечувствительно. Но эти воспріятія принадлежать, безусловно, психической жизни, и Льюисъ не согласенъ съ тѣми, кто относитъ ихъ въ область чисто - органическую, злоупотребляя терминомъ «рефлексъ». Область же сознанія Льюисъ раздѣляетъ на три отдѣла: *системное* сознаніе (ощущенія внутреннихъ состояній тѣла), *чувственное* (отъ органовъ внѣшнихъ чувствъ) и *мыслительное*, въ тѣсномъ смыслѣ. Что такое мысль - Льюисъ считаетъ вопросомъ не разрѣшимымъ и ограничиваетъ знаніе изслѣдованіемъ однихъ законовъ мысли. Сонъ толкуется имъ, какъ продолженіе безсознательныхъ воспріятій и мыслей на яву. Онъ стоитъ за принципъ наслѣдственности и пользуется имъ, какъ однимъ изъ доводовъ, подготовляющихъ къ болѣе широкому взгляду на психологію, какъ на науку о душевной жизни всего человѣчества, а не индивидуальнаго человѣка.

Вотъ — характерные пункты психологическихъ воззрѣній Льюиса передъ появленіемъ его книги «Физическое основаніе духа» (The physical basis of mind), еще не переведенной до сихъ поръ по русски. Въ этомъ сочиненіи Льюисъ является уже съ большей самобытностью. Въ немъ онъ окончательно опредѣляетъ составные элементы психологической области. Онъ прямо говоритъ уже, что человѣческій духъ, какъ продуктъ, имѣетъ два рода корней: чловѣкъ не только животный организмъ, но и единица, входящая въ составъ соціального организма. Поэтому, психологію нужно изучать въ двухъ направленіяхъ. Эта мысль выражена была Льюисомъ и въ первыхъ томахъ «Вопросовъ о жизни и духѣ»; но, какъ мы замѣтили выше, не съ такой ясной опредѣленностью. Тутъ же онъ съ полнымъ убѣжденіемъ высказывается за необходимость признать то, что душевная жизнь чловѣка есть прямой продуктъ воздѣйствія біологическихъ и об-

~~существенных~~ факторовъ. Этотъ принципъ опредѣляетъ всего ярче мыслительную физиономію Льюиса, какъ психолога. Мы видѣли, что въ той школѣ, къ которой онъ причисляется, вопросъ этотъ не былъ разработанъ. Кромѣ того, ему же принадлежитъ главная инициатива въ постановкѣ вопросовъ о безсознательныхъ ощущеніяхъ, какъ прямомъ предметѣ психологіи и о замѣнѣ области сознанія (считавшейся характерной принадлежностью психологіи) — болѣе обширной областью чувствованія, выражаемаго у Льюиса англійскимъ словомъ: «sentience».

IV.

Въ чемъ же заключаются оригинальность и новизна психологическихъ взглядовъ, съ которыми Льюисъ выступаетъ въ своей посмертной книгѣ? Человѣкъ въ такія лѣта, послѣ продолжительной карьеры мыслителя и изслѣдователя, не можетъ выдумывать что нибудь за-ново: онъ непременно будетъ закруглять и доразвивать то, что постепенно зрѣло въ немъ. Точно также и въ «Изученіи психологіи», Льюисъ окончательно формулируетъ принципы, въ сторону которыхъ его все болѣе и болѣе подвигало предыдущее развитіе. Книга эта, представляя собою новый «вопросъ» и «задачу» въ цѣлой серіи «Вопросовъ о жизни и духѣ», служитъ какъ бы преддверіемъ къ большой монографіи по психологіи, тѣмъ, что когда-то въ университетахъ называли *пропедевтикой*. Здѣсь мы находимъ установленіе метода, объекта и цѣли психологіи, устраненіе всѣхъ крупныхъ недоразумѣній, разъясненіе самыхъ жгучихъ, спорныхъ пунктовъ. Но этимъ Льюисъ не ограничивается. Мы уже видѣли, что въ его предпоследнихъ изданіяхъ онъ указываетъ на необходимость ввести въ психологію *соціальный факторъ*. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ посмертнаго своего сочиненія говоритъ онъ, что на психологію нельзя уже смотрѣть какъ на науку объ индивидуальномъ человѣческомъ духѣ, чѣмъ до сихъ поръ ограничивались: и шотландская школа, и нѣмецкая метафизическая, и новѣйшая опытно-физиологическая, и даже та школа англійскихъ психоло-

говъ, къ которой причисляютъ самого Льюиса. Нигдѣ вы не найдете такой именно постановки вопроса объ объектѣ психологіи. Одинъ уже этотъ пунктъ указываетъ важность инициативы Льюиса. Его взглядъ расширяетъ предѣлы психологіи, устанавливаетъ ея связь съ социологіей, даетъ возможность наблюдать надъ цѣлыми рядами общественныхъ фактовъ съ цѣлью изслѣдованія проявленій коллективнаго ума, коллективнаго чувства и коллективной воли. Льюисъ не задумался даже посвятить цѣлую главу этой собирательной психологіи, подъ названіемъ «Общій духъ». До сихъ поръ и психологи научнаго направленія, пользуясь фактами историческаго развитія, произведеніями искусства, успѣхами науки, всей картиной умственнаго прогресса, всетаки занимались, почти исключительно, индивидуальной душой человѣка, слишкомъ выдѣляли и обособляли ее. Эта односторонность повела къ преувеличенію значенія, придаваемого теперь въ Германіи новыми послѣдователями Канта, въ такъ называемой *теоріи познанія*. Если довольствоваться одной психологіей индивида, то, какъ разъ, сдѣлаешь изъ нея краеугольный камень философскаго мышленія, къ чему новѣйшіе нѣмцы и наклонны. Между тѣмъ какъ, признавъ неразрывную связь психологіи съ социологіей, установивъ значеніе социальнаго фактора, мы этимъ самымъ сводимъ психологію съ ложнаго пути, не даемъ развиваться философскому заблужденію, въ силу котораго индивидуальная душевная жизнь становится основой философскаго міровоззрѣнія. Держась взгляда Льюиса, надо, по необходимости, усвоить строгій объективный методъ въ изслѣдованіи фактовъ собирательной психологіи и признать, что только отъ успѣховъ изученія законовъ социальнаго развитія должны зависеть и успѣхи психологіи единичнаго духа, отдѣльнаго человѣка — въ извѣстный моментъ культурнаго развитія.

Льюисъ, расширяя, такимъ образомъ, область психологіи, дѣлаетъ тоже и въ отношеніи тѣхъ функций, которыя характеризуютъ собою психическую жизнь. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы признать *чувствованіе* общимъ психическимъ фактомъ, а не ограничивать объектъ индивидуальной психологіи терминомъ «сознаніе». Кто согласится съ нимъ, что множество душевныхъ

фактовъ происходитъ внѣ нашего сознанія, а также и съ тѣмъ, что бессознательные психическіе факты несомнѣнно принадлежать къ области психологическаго изслѣдованія, тотъ, конечно, найдетъ замѣну термина *сознаніе* терминомъ *чувствованіе* весьма удачной. Безъ чувствованія нѣтъ душевной дѣятельности, но очень часто чувствованіе, по нѣкоторымъ физиологическимъ причинамъ, не доходитъ до нашего сознанія. Изъ совокупности чувствованій, какъ сознательныхъ, такъ и бессознательныхъ и того, что Льюисъ обозначаетъ терминомъ *опытъ*, и состоитъ вся душевная жизнь человѣка, взятаго единично и коллективно. Слову «опытъ» въ книгѣ Льюиса придается гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ дѣлалось до сихъ поръ. Подъ нимъ онъ разумѣетъ все историческое развитіе человѣчества или расы, племени, группы людей и каждой отдѣльной личности. Въ терминѣ *опытъ* заключается для Льюиса и социальный факторъ, потому что личный опытъ каждаго человѣка немислимъ безъ вліянія условій, накопленныхъ цѣлымъ рядомъ поколѣній, такихъ фактовъ, гдѣ сгустились и кристаллизовались идеи, желанія, привычки и дѣйствія, вошедшія въ опытъ цѣлой собирательной человѣческой единицы.

Расширивъ этимъ путемъ предѣлы и объектъ психологіи, Льюисъ остается вѣрнымъ принципу позитивнаго мышленія, по которому психологія должна считаться отраслью біологіи. Это онъ говоритъ ясно и опредѣленно, и не считаетъ вовсе признанія социальнаго фактора — необходимымъ дополненіемъ области психологіи — чѣмъ либо, противорѣчащимъ основному положенію позитивной іерархіи. Въ этомъ онъ остался вѣрнымъ послѣдователемъ Конта, и врядъ ли кто другой, изъ новѣйшихъ психологовъ, съ такой искренностью и съ такой убѣжденностью указываетъ вездѣ, гдѣ можно, на необходимость признавать біологическое начало психологіи, не вдаваясь въ ненаучный дуализмъ, толковать о томъ, что душевные явленія имѣютъ исходной точкой нѣчто иное, независимое отъ общаго строенія организма. Чувствованіе: вотъ сфера психологіи, а оно есть ничто иное, какъ отправленіе организма; его отличіе отъ всѣхъ остальныхъ біологическихъ фактовъ состоитъ въ томъ, что оно даетъ о себѣ

знать, кромѣ внѣшнихъ объективныхъ признаковъ, и путемъ субъективнымъ, переходить въ такъ называемую сознательность. Льюисъ, въ противоположность слишкомъ правовѣрнымъ послѣдователямъ Конта, не хочетъ отбрасывать субъективнаго изслѣдованія душевной жизни. Въ немъ самомъ вопросъ этотъ долго бродилъ и переходилъ черезъ разныя фазы. Подъ конецъ своей жизни, когда онъ писалъ свое «Изученіе психологіи», онъ могъ уже совершенно спокойно, безъ всякихъ колебаній, выразить окончательный свой взглядъ, который читатель и найдетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ полемизируетъ съ Контомъ, Миллемъ и Гербертомъ Спенсеромъ. Безусловно-отрицательное отношеніе Конта къ такъ называемому самонаблюденію — слишкомъ бесплодно и, въ добавокъ, основано на мало-научномъ различіи между умственными явленіями и эмоціями, что Льюисъ и показываетъ. Съ другой стороны, онъ не можетъ соглашаться съ Миллемъ и Спенсеромъ, которые чрезчуръ обособляютъ психическія явленія, недостаточно проникнуты біологическимъ возрѣніемъ на душевную жизнь человѣка. Интроспекція, или самонаблюденіе, поставлена Льюисомъ на настоящее мѣсто. Онъ, какъ научный умъ, нисколько не увлекается субъективнымъ методомъ, прекрасно знаетъ его слабыя стороны, его односторонность и очень часто его полную несостоятельность, но отрицать его, игнорировать его не можетъ. Тогда пришлось бы выкинуть изъ психологіи цѣлый отдѣлъ душевныхъ явленій, состоящихъ именно въ самочувствіи, какъ выражаются медики, въ сознательности, въ опредѣленіи такихъ оттѣнковъ, которые доступны только личному чувству и пониманію. Для фізіолога, для человѣка, работавашаго постоянно надъ вопросами чисто-біологическими — большое достоинство: признать такъ безповоротно, какъ дѣлаетъ это Льюисъ, что никакіе успѣхи фізіологіи — ни микроскопъ, ни скальпель, ни химическіе анализы — не дадутъ намъ никогда того знанія душевныхъ явленій, тѣсно связанныхъ съ субъективными ощущеніями, какое пріобрѣтается путемъ интроспекціи. Безъ нея мы не въ состояніи понять, что происходитъ въ душѣ другихъ, въ томъ или иномъ случаѣ, даже если бы точная наука и добилась своего, т. е. показала бы намъ: какія перемѣщенія про-

исходить въ молекулярныхъ частицахъ первнаго вещества, при томъ или другомъ душевномъ настроеніи, при той или иной мозговой дѣятельности. Слишкомъ ортодоксальные позитивисты недовольны за это Льюисомъ: они считаютъ такую уступку порядочной ересью. Но Льюисъ былъ бы еретикомъ, въ смыслѣ научномъ, еслибы онъ возлагалъ на субъективный методъ чрезвычайныя большія надежды, еслибы онъ не показывалъ его недостаточности и не выставялъ всѣхъ преимуществъ метода объективнаго, равно необходимаго для успѣховъ психологическаго знанія. Въдѣ такіе, слишкомъ ревнивые послѣдователи Конта, не считаютъ достаточнымъ и то направленіе, которое мы видимъ въ Германіи, въ психо-физиологической школѣ. И въ тоже время, во Франціи психологія совсѣмъ не разрабатывается тѣми, кто охраняетъ символъ вѣры позитивизма. А дѣло пошло бы гораздо лучше, еслибы вмѣсто пререканій о вопросахъ научной іерархіи, о томъ: какая наука абстрактная и какая конкретная, посмѣлѣе отнестись ко многимъ недомолвкамъ, ошибкамъ и, прямо, заблужденіямъ основателя школы и пойти, не на малодушные и непослѣдовательные компромиссы, а на соглашенія, въ родѣ тѣхъ взглядовъ, которые защищаетъ Льюисъ. Впрочемъ и изъ лагеря вѣрныхъ учениковъ Конта раздаются уже голоса, довольно сочувственные Льюису, какъ психологу. Мы читаемъ въ рецензіи, написанной позитивистомъ и посвященной книгѣ Льюиса, слѣдующія слова: «что цѣль и методъ необходимы — это поняли всѣ современные психологи, всѣ тѣ, по крайней мѣрѣ, которые имѣютъ хоть какое нибудь значеніе. Успѣхи естествознанія повліяли и на эту запоздалую отрасль научныхъ свѣдѣній. Но этого очевидно недостаточно. Остановиться на «изслѣдованіи мозговыхъ функцій» и на «экспериментаціи» значитъ остановиться на общихъ мѣстахъ, не ведущихъ ни къ чему ясному, осязательному, принимающему форму непреложныхъ законовъ. Отсюда проистекаетъ необходимость болѣе спеціальнаго разсмотрѣнія цѣли и болѣе подробнаго опредѣленія характера метода. Льюисъ понималъ это, онъ понималъ также — и въ этомъ его огромная заслуга, — что въ настоящее время съ имѣющимися отрывочными свѣдѣніями дальше этого въ психологіи идти нельзя,

не впадая въ мертвое пространство метафизики. Онъ слѣдовательно остановился на совершенно вѣрной точкѣ зрѣнія...» (См. «Критическое Обзорѣніе», статья г. Вырубова № 5, 1880 г., стр. 236). Критикъ Льюиса, не соглашаясь, конечно, признать самонаблюденіе необходимымъ дополненіемъ объективнаго метода, ничѣмъ однако не опровергаетъ простой, здравой и остроумной критики, какой Льюисъ устранилъ отрицательный взглядъ Конта на интроспекцію умственныхъ явленій. Сравнительно съ Миллемъ и Гербертомъ Спенсеромъ, по этому вопросу, Льюисъ является неизмѣримо болѣе послѣдовательнымъ, какъ человекъ научнаго направленія. Гербертъ Спенсеръ, въ силу своей наклонности къ оригинальнымъ обобщеніямъ и нѣсколько фрндерскаго отношенія къ позитивизму, и область психологіи раздѣлилъ по своему; а Джонъ Стюартъ Милль никогда не могъ стряхнуть съ себя той полунаучной двойственности, какая являлась у него во многихъ вопросахъ. Къ этому надо прибавить, что если Льюисъ и допустилъ, въ предъидущихъ томахъ своихъ «Вопросовъ», разрѣшеніе многихъ отвѣченныхъ задачъ путемъ индукціи, другими словами, призналъ какъ бы законность извѣстнаго рода метафизическихъ изслѣдованій, то это вовсе не помѣшало ему разработать основы психологіи методомъ чисто-научнаго мышленія.

Трезвость и тонкость анализа находимъ мы у Льюиса и по другимъ пунктамъ психологіи, представляющимъ большой интересъ въ смыслѣ сравнительнаго ея изученія. Таковъ, напри- мѣръ вопросъ о психологіи животныхъ и о томъ: въ какой степени можетъ онъ двигать впередъ сравнительную психологію. Было время, когда Льюисъ, вмѣстѣ со многими другими біологами и психологами, увлекался аналогіей между душевными явленіями человека и животныхъ, но пришелъ къ тому выводу, что сравнительная психологія не можетъ быть изучаема съ такимъ успѣхомъ, какъ напри- мѣръ сравнительная анатомія и фізіологія. Мы не станемъ здѣсь приводить его доводовъ: читатель найдетъ ихъ въ соотвѣтственной главѣ. Мы скажемъ только, что его оговорку трудно не признать. Нѣтъ ничего легче, какъ увлекаться антропоморфизмомъ, приписывать низшимъ животнымъ

такіе же мотивы и чувствованія, какіе имѣтъ, въ аналогическихъ случаяхъ, человѣкъ. Одному изъ своихъ критиковъ по этому вопросу, именно автору замѣтки, откуда мы цитировали сейчасъ, Льюисъ отвѣчаетъ весьма категорически, что принципъ — идти отъ менѣ сложнаго къ болѣе сложному — въ этомъ дѣлѣ очень мало примѣнимъ. Желая слѣдовать этому принципу, мы, въ изученіи психологіи животныхъ, идемъ не отъ менѣ сложнаго къ болѣе сложному, а отъ мало извѣстнаго къ неизвѣстному, особенно когда изучаемъ низшихъ животныхъ. Если держаться строго того принципа, что только при одинаковости строенія могутъ и функціи быть одинаковы, то Льюисъ совершенно правъ. Животное, у котораго нервная система устроена по другому, не можетъ ощущать такъ, какъ мы; стало быть, всѣ наши объясненія его душевныхъ состояній будутъ проникнуты человѣчнымъ элементомъ, антропоморфизмомъ. Льюисъ очень хорошо понимаетъ: почему въ новѣйшее время ученые стали увлекаться сравнительной психологіей. Это направленіе явилось реакціей прежнему метафизическому взгляду на душу животныхъ, идущему съ эпохи Декарта; но для каждаго ума, освободившаго себя отъ тенденціозности, ясно, что въ психологіи нельзя держаться такихъ наведеній, какія уместны въ менѣ сложныхъ отдѣлахъ знанія. И приходится по неволѣ признать противоположный принципъ, т. е., что человѣкъ, желая изучать душевную жизнь животныхъ, долженъ по необходимости идти отъ болѣе сложнаго къ менѣ сложному, т. е. быть въ постоянной зависимости отъ своего собственнаго я, отъ своихъ ощущеній, безъ которыхъ онъ не могъ бы составить себѣ и приблизительнаго понятія о томъ, что, въ данномъ случаѣ, должно чувствовать животное. Льюисъ, не увлекаясь этимъ направленіемъ, не перестаетъ быть все таки строго научнымъ и въ вопросѣ о душевной жизни животныхъ. Не желалъ онъ увлекаться и гипотезами физиологовъ, которые хотятъ, во что бы то ни стало, локализовать различныя душевныя направленія и способности человѣка. Льюисъ держится того основнаго взгляда, что нервная система на всемъ протяженіи имѣтъ у человѣка одни и тѣ же составные элементы. Извѣстные нерв-

ные центры могутъ точно также, какъ и отдѣльные нервы, исполнять тѣ или инныя функціи въ душевной жизни человѣка, но изъ этого не вытекаетъ, чтобы каждый видъ психической дѣятельности: представленія, ассоціаціи идей, эмоціи, акты воли имѣли непремѣнно свои особыя сѣдалища. Можетъ быть, Льюисъ въ этомъ смыслѣ нѣсколько болѣе скептиченъ, чѣмъ бы слѣдовало. Такъ, напримѣръ, онъ относится съ недоверіемъ даже къ такимъ фактамъ новѣйшей неврологіи и психіатріи, какъ зависимость способности рѣчи отъ состоянія третьей извилины мозговыхъ полушарій. Но его скептицизмъ объясняется нежеланіемъ вдаваться въ грубо-фізіологическую методу. Онъ не согласенъ признавать необходимость измѣненій въ строеніи нервной ткани для каждаго вида душевной дѣятельности, хотя, въ тоже время, онъ стоитъ за строгое соотвѣтствіе между біологическими и психическими фактами, почему онъ такъ сочувственно и относился къ доктринѣ Кабаниса и Галля, въ ихъ основной идеѣ. Ему кажутся чрезчуръ преувеличенными и даже смѣшноватыми мнѣнія тѣхъ изслѣдователей нервной жизни у животныхъ, которые наклонны приписывать особую душевную жизнь каждому отрѣзку животнаго, проявляющему какое нибудь рефлекторное дѣйствіе. Не могъ онъ имѣть увлеченія и въ сторону нѣмецкихъ доктринъ, признающихъ въ человѣческомъ организмѣ цѣлыя міриады отдѣльныхъ психическихъ единицъ, самочувственныхъ, самодѣятельныхъ душевныхъ ячеекъ. Онъ далекъ отъ подобной гипотезы. Во всемъ, что онъ устанавливаетъ, гораздо больше трезвости, осторожности и послѣдовательности.

V.

Остается сказать нѣсколько словъ о нашемъ русскомъ движеніи по психологіи. Интересъ къ философіи и къ изученію душевной жизни человѣка, до сихъ поръ, не сдѣлался еще такой же насущной потребностью развитой доли общества, и даже сплоченныхъ интеллигентныхъ кружковъ, какъ это было 40 и 50 лѣтъ тому назадъ. Но нельзя сказать, что бы русская мысль оста-

валась равнодушною — именно къ психологіи. Съ 60-ыхъ годовъ начали появляться переводы сочиненій: Льюиса, Герберта Спенсера, Вундта, Милля. Стало быть, въ сознание читающей массы проникло уже множество фактовъ, обобщеній, изслѣдованій западныхъ ученыхъ и мыслителей. Но это была все дѣятельность не оригинальная. Во второй половинѣ 60-ыхъ годовъ явилась и обработка психологическихъ доктринъ. Намъ стоитъ только упомянуть о докторской диссертации профессора Троицкаго, гдѣ обработанъ былъ огромный матеріалъ, и изслѣдованіе ученій по психологіи доведено до новѣйшаго времени. Уже въ этой книгѣ воззрѣнія на психологію очищены отъ метафизическаго прироста. Ненаучность, фантастичность нѣмецкихъ доктринъ показана съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ полной преданностью опытному началу. А исторія англійской психологіи представлена авторомъ въ параллель съ движеніемъ нѣмецкихъ метафизическихъ ученій, и всякій русскій читатель имѣетъ возможность привести въ связь каждый новый англійскій трудъ по психологіи со всѣмъ предшествующимъ движеніемъ этой науки на родинѣ Локка. Но должна была явиться также потребность въ постановкѣ *задачъ* психологіи. Въ началѣ 70-ыхъ годовъ стали печататься статьи К. Д. Кавелина, носящія это заглавіе, и вышли потомъ отдѣльной книгой. Авторъ, не выдавая себя за специалиста, сообщилъ публикѣ результатъ всѣхъ своихъ чтеній, думъ, всего своего критическаго анализа. Въ его этюдѣ мы находимъ весьма цѣнное признаніе, сдѣланное человекомъ, не освободившимся отъ налета метафизическихъ ученій — признаніе единства человѣческой организаціи. Если по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ психологіи, въ родѣ напримѣръ свободы воли, или самонаблюденія, г. Кавелинъ не могъ утвердиться на болѣе прочной почвѣ — онъ этимъ отдалъ дань односторонности своего развитія, а главнымъ образомъ, какъ намъ кажется, тому, что онъ недостаточно изучалъ труды англійскихъ психологовъ. Мы не видимъ почти нигдѣ, въ его книгѣ, слѣдовъ этого изученія: она вся отзывается знакомствомъ съ нѣмцами, отчасти съ французами и, быть можетъ, съ доктринами старыхъ англійскихъ психологовъ. Но, какъ фактъ нашей умственной

жизни, сочиненіе г. Кавелина до сихъ поръ — весьма знаменатель-
но. Въ немъ сказалось: неудержимое стремленіе образованнаго
человѣка, не считающаго себя философомъ, затронуть всѣ жгу-
чіе вопросы психической доктрины, разобраться въ разныхъ
направленіяхъ, высказать то, чего нельзя не признать каждому
свѣжему уму, если даже онъ и сохраняетъ слѣды метафизиче-
скихъ недоразумѣній. Но «Задачи психологіи» г. Кавелина,
какъ нельзя лучше показываютъ: какая пропасть, раздѣляетъ
двойственность возрѣній на психологію, неизбежную въ лю-
дяхъ безъ настоящаго положительнаго грунта, и ту гармонію,
ту цѣльность и широту, какія мы видимъ въ посмертной кни-
гѣ Льюиса. Десять лѣтъ тому назадъ, русскій писатель, трактую-
щій о задачахъ психологіи, не имѣлъ даже и представленія о
необходимости расширить ея область. Для него все сводится къ
индивидуальной душевной жизни человѣка: социальный факторъ
нигдѣ не считается основнымъ. Для него факты исторіи слу-
жатъ лишь иллюстраціей самостоятельности человѣческаго духа,
поддерживаютъ его взгляды на свободу воли и разные другіе
вопросы. Но эта односторонность оказалась и въ лагерѣ про-
тивниковъ г. Кавелина. Самый компетентный изъ нихъ, безспор-
но, профессоръ Сѣченовъ, появившійся съ цѣлымъ рядомъ статей
и изслѣдованій, которыя были изданы подъ общимъ заглавіемъ:
«Психологическіе этюды». Авторъ, какъ физиологъ, выступилъ
очень рѣзко съ той мыслию, что психологію нужно разрабаты-
вать не литератору, даже не философу по профессіи, а ученымъ
біологамъ. Его точка зрѣнія была, конечно, научная, Онъ при-
знавалъ, да и теперь признаетъ, психологію за отрасль біологіи.
Критика, которой онъ подвергаетъ разныя метафизическія поло-
женія, была обстоятельна и смѣла. Физиологическій принципъ
здѣсь торжествовалъ, но цѣльнаго взгляда на психологію мы не
найдемъ и у этого русскаго ученаго, по крайней мѣрѣ въ то
время, когда онъ выступалъ противъ г. Кавелина. И онъ не
говоритъ, въ смыслѣ доктрины Льюиса, о социальномъ факторѣ. На
методъ самонаблюденія смотритъ онъ отрицательно и стремится раз-
ложить каждое душевное явленіе на первичные физиологическіе
элементы, видя во всемъ рефлекторныя движенія. Какъ отпоръ

человѣка науки, статьи г. Сѣченова были отрезвляющимъ голосомъ изслѣдователя, несогласнаго — повторять измышленія метафизики; но область, методъ и цѣль психологіи все таки оставались необъясненными, не выработанными, не установленными на такую почву, гдѣ законы біологіи дополняются законами социальнаго развитія и гдѣ объективный методъ дополняется методомъ субъективнымъ. *)

Идея разширенія области психологіи нашла защитника въ одномъ изъ русскихъ позитивистовъ, книга котораго о социологіи вышла въ текущемъ году. Ея авторъ указываетъ на полную зависимость успѣховъ психологіи отъ успѣховъ социологіи. Мы видимъ на примѣрѣ этого автора, что позитивизмъ освобождается понемногу отъ односторонностей слишкомъ ортодоксальной доктрины. Постановка вопроса о психологіи русскаго автора — послѣдователя положительной философіи, — согласуется въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ книгѣ Льюиса. Для него важно, конечно, защитить то положеніе, что психологія должна быть конкретною, а не абстрактною наукою, т. е. наукою зависимою, а не самостоятельною. Это и есть, какъ разъ, пунктъ раздора между послѣдователями Конта и англійскими мыслителями, въ родѣ Милля и Герберта Спенсера, которые не согласны были на признаніе психологіи конкретною наукою. «Если, какъ мы думаемъ, говоритъ г. де Роберти, психологическія явленія суть скорѣе продукты совокупнаго дѣйствія біологическихъ условій и социальныхъ эволюцій, чѣмъ факторы и не сводимые далѣе элементы въ историческомъ развитіи, то эта наука будущаго, психологія, будетъ не абстрактною, а конкретною наукою. Она остается звѣномъ, тѣсно связующимъ біологію и социологію, но самая связь эта получить значеніе, такъ сказать, ретроспективной: она будетъ обусловливаться не тѣмъ, что психологія будетъ играть роль переходной ступени отъ біологіи къ социологіи, а скорѣе тѣмъ, что законы психическіе

*) Упомянемъ еще о попыткѣ доктора Зеленскаго, въ его педагогическомъ трактатѣ свести всѣ душевныя явленія къ игрѣ недоступныхъ нашимъ чувствамъ мозговыхъ ячеекъ.

явятся совокупнымъ продуктомъ законовъ біологическихъ и соціальныхъ». (См. «Соціологія» Евгенія де Роберти. С-П-Б, 1880 г. стр. 302). Автору извѣстно уже было изъ предпослѣдняго сочиненія Льюиса, «Физическая основа духа», что Льюисъ смотритъ на психологію именно съ той точки зрѣнія, которую онъ развилъ въ посмертномъ сочиненіи.

Для большинства русскихъ читателей узко-позитивныя тонкости могутъ затемнить вопросъ. Вѣрные послѣдователи ученія Огюста Конта ревниво защищаютъ то, какую науку, въ данномъ случаѣ, считать конкретною или абстрактною, для нихъ вопросъ системы, классификаціи — очень важенъ. Нельзя отрицать того, что и для каждаго человѣка, вырабатывающаго себѣ научное міровоззрѣніе, необходимо установить извѣстную іерархію знанія и опредѣлить: можетъ ли такая или иная наука претендовать на званіе самостоятельной доктрины, или она есть только отрасль другой, болѣе общей науки, или-же частный синтезъ двухъ самостоятельныхъ общихъ наукъ. Льюисъ, дѣйствительно, смотритъ на психологію, какъ позитивистъ, онъ обусловливаетъ ея успѣхи успѣхами біологіи и соціологіи и не желаетъ вовсе выставить ее чѣмъ-то основнымъ, точкой отправленія всякаго философскаго познанія, какъ это проповѣдуетъ нѣмецкая школа послѣдователей Канта.

Книга Льюиса является прямымъ отвѣтомъ на всѣ запросы, какіе и русскіе писатели предъявляли психологіи. Безъ всякаго уклоненія въ сторону эклектизма, она удовлетворитъ и фізіолога, (если только онъ не желаетъ впадать въ односторонность спеціалиста), и всякаго человѣка, преданнаго философскому мышленію. Она завершаетъ собою ту уметвенную эволюцію, которую русскіе читатели, и переводныхъ трактатовъ о психологіи, и оригинальныхъ статей и этюдовъ, пережили за послѣднія 15—20 лѣтъ. Именно Льюису суждено было: — посмертнымъ сочиненіемъ, вмѣстѣ съ прежними выпусками «Вопросовъ о жизни и духѣ», сказать свое слово русской публикѣ, жаждущей, въ дѣлѣ душевной жизни, чего нибудь простаго, широкаго, проясненнаго долгимъ опытомъ. Не всѣ, быть можетъ, найдутъ въ книгѣ Льюиса все то, чего они искали, не всѣ согласятся

съ ея принципами; но никто не дочтеть ее безъ признанія той трезвости и душевной гармоніи, которыя сказываются въ ней на каждой страницѣ, той умственной смѣлости, какая въ англичанинѣ должна цѣниться еще выше, чѣмъ во французѣ или нѣмцѣ. Кто такъ безповоротно заявляетъ и доказываетъ призрачность всякаго дуализма въ изученіи душевной жизни человека, кто не боится выступать и противъ поспѣшныхъ гипотезъ, какимъ бы научнымъ авторитетомъ онѣ ни прикрывались, тотъ, конечно, жилъ для одной истины, тотъ не зналъ никакой лучшей приманки и награды, кромѣ ясности своего духа, исполненія высшаго призванія человека: отыскивать незыблемую научную правду и служить ей.

П. Боборыкинъ.

Москва

31 Марта 1880 г.

ИЗУЧЕНІЕ ПСИХОЛОГІИ.

ГЛАВА I.

ПРЕДМЕТЪ.

1. Въ каждой наукѣ мы опредѣляемъ ея предметъ, мотивъ и задачу изслѣдованія и средства, путемъ которыхъ цѣль труда можетъ быть достигнута. Задача послѣдующихъ страницъ есть выясненіе того: что именно мы изучаемъ въ психологіи, зачѣмъ мы ее изучаемъ и какимъ образомъ мы должны ее изучать.

Взглядъ на литературу предмета раскрываетъ намъ полнѣйшее разногласіе въ основныхъ вопросахъ. Пониманіе предмета и объема науки — различно и ведетъ къ принятію противоположныхъ методовъ. Съ одной стороны, мы встрѣчаемъ старинное метѣмпирическое понимание такъ называемой *раціональной психологіи*, съ ея дедуктивнымъ методомъ онтологическаго изслѣдованія. Ея сторонники, и въ томъ даже случаѣ, когда нисходятъ къ тому, что они называютъ эмпирической психологіей, до того мало обращаютъ вниманія на данныя опыта, что находятся въ совершенномъ невѣдѣніи сложныхъ условій жизни организма и трактуютъ о духовныхъ фактахъ, просто какъ о проявленіяхъ какого-то психическаго начала, въ одно и тоже время непознаваемого и внутренне

познаннаго (intimately known) — таинственнаго начала, открывающагося нашей сознательности. Съ другой стороны, мы наталкиваемся на эмпирическую школу, провозглашающую, что она руководится одними лишь данными опыта и слѣдуетъ индуктивному методу, подрывая всячески онтологию и любезничая съ физиологіей. — Эта школа сохраняетъ однакожъ традицію о независимости психическаго начала отъ организма и о самонаблюденіи (introspection), какъ объ единственномъ методѣ изслѣдованія. За послѣдніе годы явились писатели, пытавшіеся устроить компромисъ, призывая данные физиологіи для объясненія одного класса предметовъ и обращаясь къ психическому началу, когда ощущается недостатокъ въ физиологическихъ данныхъ.

Развитіе науки шло тремя полосами. Локкъ, Берклей, Юмъ, Кондильякъ, Гартлей и Джемсъ Милль сдѣлали неоцѣнимые вклады во внутренній анализъ явленій, въ ихъ духовной формѣ (in their mental aspect). Кабанисъ, Галль и новѣйшіе физиологи выдвинули впередъ физическую сторону явленій, пояснивъ много біологическихъ фактовъ. Лотце, Вундтъ, Бэнъ, Спенсеръ и Тэнъ связываютъ и пополняютъ эти попытки субъективнаго и объективнаго изслѣдованія; они даютъ новый толчекъ наукѣ своимъ постояннымъ и строгимъ различеніемъ двоякаго вида явленій.

2. И все же постановка (constitution) науки еще должна быть произведена. Подъ постановкой науки подразумѣвается: 1-е, такое разграниченіе (circumscription) известнаго класса явленій, которое, показывая отношеніе его къ другимъ классамъ, опредѣляло бы его положеніе въ ряду наукъ и 2-е, такое обособленіе (specification) предмета и метода изслѣдованія, которое при помощи основныхъ индукцій, выведенныхъ изъ опыта, помогло-бы въ будущемъ,

всѣмъ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ слиться въ одно самостоятельное, продолжающееся научное развитіе. Въ наукѣ, такимъ образомъ установленной, сегодняшнія открытія расширяютъ, а не подрываютъ вчерашнія понятія. Каждый работникъ приноситъ своимъ трудомъ новый вкладъ въ общій фондъ, а не анархическое разстройство работъ своихъ предшественниковъ. Тогда является система, а не разнородныя системы; школы и профессора будутъ убѣждать насъ научными объясненіями, а не авторитетомъ своихъ именъ. Астрономія, напримѣръ, все развивается; но прогрессъ ея совершается посредствомъ эволюціи, а не революцій. И ученія ея не суть ученія Коперника, Лапласа или Ньютона, а астрономическія. Физика и химія быстрыми шагами подвигаются къ болѣе полной и точной оцѣнкѣ явленій, входящихъ въ ихъ области. Тоже самое можно сказать и про біологію, но никакъ не про психологію. До сихъ поръ приходится слышать объ интуитивной психологіи и о сенсуалистической школѣ; насъ отсылаютъ, то къ психологіи Канта и Гегеля, то къ Локку и Спенсеру, какъ будто наука психологіи до сихъ поръ остается субъективной оцѣнкой фактовъ,—оцѣнкой, гарантированной одной извѣстностью автора.

3. Хотя состояніе нашей науки — состояніе аномальное, тѣмъ не менѣе существуютъ уже и теперь матеріалы для первой приблизительной постановки ея. Какъ исключительно — внутреннего анализа, такъ и одного объективнаго наблюденія, и даже соединенія этихъ двухъ методовъ, (если только изслѣдованіе ограничится однимъ изученіемъ индивидуальнаго духа и индивидуальнаго организма) — не будетъ вполне достаточно. Психологія изслѣдуетъ духъ человѣческій, а не мысли и чувства одного индивидуума; разсматриваетъ этотъ духъ, какъ продуктъ

человѣческаго организма, не только въ отношеніи ко всему мірозданію, но и по отношенію къ обществу. Ибо человекъ по преимуществу — общественное существо, его животныя побужденія глубоко измѣнены социальными вліяніями, а его высшія способности развились отъ общественныхъ связей. Это признаніе социального фактора за дополненіе біологическихъ факторовъ, это признаніе духа за выраженіе органическихъ и социальныхъ условій есть первый шагъ къ настоящей постановкѣ нашей науки.

Честь этой мысли принадлежитъ Ог. Конту. Конечно, и до него многими признавалось, что социальные условія сильно вліяютъ на духовное развитіе; этотъ фактъ кидался въ глаза; но никто не вникъ въ его значеніе, вполне. Я даже не думаю, чтобы и Контъ признавалъ нѣчто большее, чѣмъ общее значеніе этого фактора. Его нелюбовь къ анализу и подробнымъ изысканіямъ не позволила ему точно опредѣлить образа дѣйствія социального фактора, а его «церебральная теорія», столь неудовлетворительная по методу и фантастичная въ анатомическомъ отношеніи, не могла восполнить того, что онъ оставилъ невыясненнымъ.

4. Недостаточно перевести точку зрѣнія съ индивидуума на расу и взять въ расчетъ социальный факторъ. Мы точно также должны открыто принять біологическую точку зрѣнія: бросить традиціонное пониманіе духа, какъ фактора, независимаго отъ организма, разсматривать духовныя отправления, какъ жизненныя, а состоянія духа считать отдѣлимыми отъ состояній организма только въ нашемъ воспріятіи. Согласившись въ этомъ, мы можемъ опредѣлить предметъ нашихъ изслѣдованій приблизительно такъ:

Психологія есть анализъ и классификація отправлений и способностей, въ области чувствованія, открывающихся наблюденію, а также — индукціи; дополненный приведеніемъ этихъ способностей и отправлений къ условіямъ ихъ существованія, какъ біологическимъ, такъ и соціологическимъ. Дѣйствія организма могутъ быть поняты только при пониманіи его самаго, среды, изъ которой онъ черпаетъ свои силы и той, на какую онъ вліяетъ. Условія его существованія: 1) механизмъ, изъ котораго онъ составленъ и 2) среда, куда онъ помещенъ. Когда мы знаемъ какую роль играетъ механизмъ и какую среда, мы настолько подвинулись впередъ, насколько анализъ можетъ намъ помочь; мы научно объяснили дѣйствія организма. Эта истина, до того очевидная въ жизненныхъ процессахъ, что стала фізіологическимъ трюизмомъ, такъ мало понимается при обработкѣ духовнаго класса жизненныхъ актовъ, что можетъ показаться психологическимъ парадоксомъ. Согласиться съ нимъ не заставишь никакими объясненіями, пока духъ считается субстанціей, находящейся въ нашемъ организмѣ и пользующейся этимъ послѣднимъ, какъ орудіемъ, — и пока общество будетъ считаться искусственнымъ продуктомъ человѣческаго духа, — при чемъ оно уже не можетъ, конечно, служить однимъ изъ условій духовнаго развитія.

5. Оставляя защиту нашего опредѣленія до слѣдующихъ страницъ, мы съ его помощью можемъ обособить классъ явленій, подлежащихъ нашему изученію. Въмѣсто того, чтобы опредѣлять нашъ предметъ какъ «науку о фактахъ сознанія», что и неполно и двусмысленно, мы предлагаемъ болѣе точное опредѣленіе: — «наука о фактахъ чувствованія» (*sentience*). Этотъ терминъ имѣетъ то преимущество, что сразу опредѣляетъ

мѣсто изслѣдованія въ общей наукѣ о жизни, и, въдобавокъ, избавляетъ много фактовъ отъ двумысленнаго положенія, вытекающаго изъ того, что они безсознательны *). Есть писатели, которые не только ограничиваютъ психологію фактами сознанія, (что заставляетъ ихъ сильно видоизмѣнять значеніе этого термина), но рассматриваютъ самое сознаніе, какъ нѣчто абсолютное, *sui generis*, не связанное съ другими фактами, даже органическими, такъ что эта наука, по ихъ мнѣнію, занимаетъ исключительное положеніе и требуетъ исключительнаго метода. Въ настоящемъ трудѣ наука эта будетъ рассматриваться, какъ вѣтъ біологіи, и методъ ея будетъ тотъ, которому слѣдуютъ въ наукахъ физическихъ. Я вполне допускаю глубокое различіе между субъективной и объективной точкой зрѣнія (*aspect*); но я отрицаю чтобы оно требовало перемѣны метода. Я допускаю спеціальность того, что называютъ духовными фактами. Допускаю потому, что съ этой спеціальности они никогда не могутъ быть низведены или объяснены матеріальными фактами, — признаемъ ли мы, различіе въ факторахъ или только въ точкахъ зрѣнія — все равно. Далѣе, я допускаю, что никакія дедукціи изъ того, что мы объективно знаемъ о матеріальномъ механизмѣ не объясняютъ намъ явленій чувствованія, какъ состояній сознанія; точно также какъ невозможно умозаключить о функціи органа, зная только анатомическое его строеніе. Но на основаніи всего этого я и долженъ отвер-

*) *Сэръ Гамильтонъ*, толкуя о разныхъ видоизмѣненіяхъ духа, говорить: „Они сами по себѣ не открываются сознанію, но такъ какъ нѣкоторые факты сознанія неизбѣжно указываютъ на нихъ и на то, что они вліяютъ на духовные процессы, мы принуждены признать видоизмѣненіями духа то, что на самомъ дѣлѣ не есть явленіе“. *Hamilton. Lectures on Metaphysics*, 1859, I, 348.

гать отдѣленіе психологіи отъ біологіи до тѣхъ поръ, пока не сѣмѣю отдѣлить духа отъ жизни.

Отношеніе духа къ жизни до того тѣсно, что никто не усомнился въ немъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ темно, что никто не въ состояніи представить точнаго отчета о томъ, что у нихъ тождественно и что различно? Мы можемъ это отношеніе опредѣлить, но не объяснить. Мы можемъ его опредѣлить въ анализѣ, отличая, на примѣръ, извѣстныя отправленія чувствованія отъ отправленій питательныхъ, но на самомъ дѣлѣ такое отдѣленіе невозможно. Если мы одни явленія относимъ къ психическимъ, а другія къ жизненнымъ, искусственность бросается въ глаза, такъ какъ психическія явленія суть жизненныя, а въ этихъ послѣднихъ чувствованіе вездѣ является факторомъ. Но и по принятіи этого тождества, остается необходимымъ обозначить различіе, вынудившее насъ отдѣлить психологію, какъ вѣтвь общей науки о жизни. Эта наука — біологія — обнимаетъ растенія, животныхъ и людей и, сообразно съ этимъ, подраздѣляется на фитологію, зоологію и антропологию. Каждое изъ этихъ подраздѣленій снова разбивается на морфологию, — науку о формахъ и фізіологию, науку объ отправленіяхъ. Ясно, однако, что психологія не занимается ни строеніемъ организма, ни формами его развитія, а только отправленіями и способностями чувствованія въ организмѣ. Но такъ какъ, на первый взглядъ, это кажется спеціальной областью фізіологіи, науки объ отправленіяхъ, возникаетъ вопросъ: зачѣмъ не удовольствоваться ею и сочинять отдѣльную науку? Есть писатели, которые просто утверждаютъ, что психологія только другое имя фізіологіи чувствующаго организма, но, чтобы быть послѣдовательными, имъ приходится расширять понятіе о фізіологіи далеко за предѣлы его научнаго употребленія.

ОТНОШЕНІЕ ПСИХОЛОГИИ КЪ ФИЗИОЛОГИИ.

6. Вотъ — вопросъ великой важности и одинъ изъ тѣхъ, въ отвѣтахъ на который существуетъ сильное колебаніе, не только въ различныхъ школахъ, но даже и въ сочиненіяхъ отдѣльныхъ авторовъ. Я постараюсь точно обозначить понятія, которыми буду руководствоваться въ моемъ изложеніи.

Мы видимъ, что люди и животныя исполняютъ различныя дѣйствія, вслѣдствіе извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній; и другія дѣйствія, причина которыхъ скрыта для насъ, но приписывается внутреннимъ вліяніямъ. Сходство обоихъ классовъ дѣйствій съ тѣми, которые мы сами производимъ, необходимо заставляетъ насъ заключать, что въ нихъ и въ насъ эти дѣйствія были порождены и руководимы чувствами. Иногда мы только думаемъ о движеніяхъ, которыя мы видимъ, иногда только о чувствахъ, о существованіи которыхъ мы заключаемъ. Сообразно съ этимъ, мы можемъ сказать, что видѣли человѣка, схватившаго палку и ударившаго собаку, или, что мы знаемъ, что человѣкъ сердитъ и хочетъ наказать собаку. Это двоякое объясненіе того же факта мы называемъ объективной и субъективной точкой зрѣнія на него. Подобную двоякую точку зрѣнія представляетъ намъ и размышленіе о нашихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. Мы говоримъ, что мы духъ и тѣло. Мы знаемъ, что чувствуемъ, какъ *объекты*, которые могутъ быть восприняты нашими чувствами и чувствами другихъ, — и какъ *субъекты*, воспринимающіе объекты и сознающіе чувства. Мы живемъ, движемся и питаемся. Мы чувствуемъ, мыслимъ и хотимъ. Твердость, форма, цвѣтъ, вѣсъ и движенія тѣла составляютъ объективное, видимое я (*ὁρατόν*). Чувства, мысли и хотѣнія — субъективное, мыслимое я.

(αἰδέες). Установивъ эти противоположенія, мы сдѣлали самое глубокое изъ всѣхъ возможныхъ различій между тѣломъ и духомъ. Оно было оцѣнено самыми ранними изслѣдователями, которые вывели изъ этого, довольно естественно, что внутреннее я есть руководитель, если не производитель внѣшняго я (τὸ τοῦ σώματος ἄρχον): понятіе, еще сквозящее въ ложномъ ученіи объ органахъ, порожденныхъ функціями. Хотя современная наука и стремится къ противоположной крайности, въ своемъ изслѣдованіи вліяній тѣлесныхъ условій на духовныя отправления, — широкое различіе между объективной и субъективной точкой зрѣнія остается неоспоримымъ. Многимъ мыслителямъ это различіе кажется болѣе кореннымъ; по ихъ мнѣнію, оно не въ точкѣ зрѣнія, а въ самыхъ факторахъ. Они требуютъ признанія двухъ началъ, жизненнаго и психическаго: 1-е, тѣло, организмъ, *субстанцію*, производящую всѣ жизненные дѣйствія и 2-е, душу, *субъектъ*, производящій всѣ духовныя явленія. Обыкновенно объясняютъ, что различіе между физической и духовной точкой зрѣнія предполагается въ 1-мъ случаѣ признанія жизненнаго принципа, и во 2-мъ — чисто психическаго. Однако единственные выводы, которые гарантируетъ опытъ, заключаются въ томъ, что эти начала суть просто обобщенныя выраженія наблюденныхъ явленій и что различныя акты суть дѣйствія одного и того же агента. И мы видимъ, что это выводы, которые философія, не считающая опытъ своимъ основаніемъ, отвергаетъ. Все, что мы знаемъ, это то, что между проявленіями живаго организма находится классъ, называемый *классомъ чувствъ*. Онъ дѣлится на *аффекты* чувствъ, т. е. измѣненія, возбуждаемыя внѣшними причинами и воспринимаемыя внѣшними органами чувствъ, и на *состоянія сознанія* то-есть измѣненія чувствъ, возбуждаемыя

внутренними причинами и невоспринимаемая вѣшними органами чувствъ. *Не извѣстно* и не очевидно, чтобы одинъ изъ этихъ классовъ былъ произведеніемъ организма, а другой — иного агента. Единственный извѣстный намъ агентъ есть организмъ. Что организмъ дѣйствуетъ такъ — вотъ все, что мы можемъ съ нимъ связывать. И это ни болѣе, ни менѣ таинственно, чѣмъ то, что организмъ можетъ жить и двигаться.

7. Держась въ предѣлахъ опыта, мы можемъ сказать, что знаемъ природу духа, точно также, какъ знаемъ природу тѣла. Мы знаемъ единичныя проявленія его и знаемъ логическіе приемы, которые сгущаютъ разнообразныя явленія въ отвлеченные термины. Сэръ Гамильтонъ провозглашаетъ: «По скольку духъ есть общее названіе состояній познанія, желаній и чувствъ т. д., которыхъ мы сознаемъ, — онъ есть только имя извѣстной серіи связанныхъ между собою явленій или качествъ и слѣдовательно обозначаетъ только то, что намъ извѣстно». Казалось бы достаточно? Не для метафизика, потому что онъ присовокупляетъ: «по скольку духъ обозначаетъ тотъ субъектъ или субстанцію, въ которой кромѣ явленій познанія, желанія и чувства лежитъ еще *нѣчто позади или подъ этими феноменами*, онъ обозначаетъ то, что въ самомъ себѣ, въ абсолютномъ своемъ бытіи, непознаваемо» (Лекціи Метафизики, I, стр. 138).

Если это нѣчто — непознаваемо, на какомъ основаніи можемъ мы рассчитывать опредѣлить, что оно есть и что оно не есть? Мы не можемъ основательно утверждать: что это не есть какой либо видъ бытія организма. Оставляя это въ сторонѣ, спросимъ — какое опредѣленное, истинное понятіе выражается словами: «нѣчто лежащее позади феноменовъ?» Оно можетъ означать либо условія, функціи которыхъ суть явленія, либо перво-

условія, которыя необходимы для существованія условій, въ томъ и другомъ случаѣ. Оба случая подводимы къ эмпирическимъ методамъ. И нѣчто большее, чѣмъ это, есть уже метэмпирическая выдумка, непознаваемое количество, функціи котораго неопредѣлимы, слѣдовательно оно не имѣетъ мѣста въ научной теоріи, занимающейся только познаваемыми функціями.

Когда мы отвергнемъ метэмпирической постулатъ о «чемъ-то, лежащемъ позади феноменовъ», которое не есть ни условія, ни первоусловія этихъ феноменовъ, у насъ остаются два отвлеченія: *субстанція и субъектъ*, какъ это «нѣчто» лежащее позади наблюдаемыхъ явленій. Если читатель вычеркнетъ термины: «духъ, чувство, познаніе» изъ словъ Гамильтона и замѣнитъ ихъ движеніемъ, какъ общимъ названіемъ измѣненій положенія въ пространствѣ, или жизненностью, какъ общимъ названіемъ измѣненій въ организмѣ, онъ увидитъ, что субстанція или субъектъ, обладающій качествами, есть только отвлеченное выраженіе суммы этихъ качествъ. Духъ, какъ *субъектъ*, есть только логическое понятіе о качествахъ, сгруппированныхъ въ классъ. Если мы сдѣлаемъ это понятіе физиологическимъ и станемъ искать агента, всѣ явленія котораго суть только дѣйствія, мы найдемъ организмъ. Мы не болѣе ощущаемъ необходимость психическаго начала, которое не было бы отвлеченнымъ выраженіемъ этого организма, чѣмъ необходимость двигателяго начала позади условій движенія, или жизненнаго начала позади условій органическихъ измѣненій. 9 on

8. Такимъ образомъ, и только такимъ образомъ, возможно въ научномъ трактатѣ говорить о духѣ или душѣ, какъ субстанціи или субъектѣ. Поэтому наше изслѣдованіе объ условіяхъ и первоусловіяхъ явленій будетъ обращено къ организму, въ его отношеніяхъ къ внѣшнему и

соціальному міру. Фیزیологія, такимъ образомъ опредѣленная, сводится къ органическимъ условіямъ производительности, а психологія займетъ мѣсто самихъ продуктовъ, такъ какъ продукты (осуществившіеся психическіе факты) суть предметы психологіи. Непосредственнымъ и главнымъ образомъ — фیزیологія занимается обективнымъ видомъ фактовъ чувствованія и ихъ отношеніемъ къ видимому организму. Психологія изучаетъ тѣже факты въ ихъ субъективной формѣ, какъ состоянія чувствъ, а не какъ органическія измѣненія. Фیزیологъ слѣдитъ за послѣдовательными фазисами передачи возбужденія въ чувствительныхъ нервахъ, центрѣ, двигательныхъ нервахъ и мускулахъ. Непосредственно онъ изслѣдуетъ механизмъ, хотя съ начала до конца онъ косвенно занимался и измѣненіями въ чувствѣ. Еслибъ не было этого предполагаемаго тождества въ измѣненіяхъ молекулъ и чувствъ, послѣдовательность не имѣла бы для него большого значенія, чѣмъ такая-же послѣдовательность въ машинѣ. Психологъ изслѣдуетъ тѣже самыя явленія, но съ другой точки зрѣнія. Непосредственно онъ занимается чувствами, какъ такими, и отношеніями ихъ къ другимъ чувствамъ, — т. е. продуктами, а не условіями производительности. Онъ, конечно, долженъ подразумѣвать существованіе органическихъ измѣненій, ибо чувства суть измѣненія живаго организма; но пока его занимаетъ природа и послѣдовательность феноменовъ, съ субъективной точки зрѣнія, до тѣхъ поръ онъ долженъ лишь безмолвно предполагать сосуществованіе обективной. Его дѣло — измѣненія чувствъ, процессы сознательные, или такіе, которые *были* или *могутъ* сдѣлаться сознательными.

Послѣдняя оговорка — громадной важности: она указываетъ на неизбѣжность соединенія фیزیологическаго из-

слѣдованія съ психологическимъ. Ибо необходимо замѣ-
тить: мы можемъ классифицировать субъективные факты,
оставаясь въ невѣдѣніи относительно соотвѣтственныхъ
имъ объективныхъ фактовъ; совершенно такъ, какъ люди
классифицируютъ главные факты жизни, совсѣмъ не зная
ни анатоміи, ни фізіологіи.

Но если мы желаемъ точно и полно знать субъектив-
ные факты, очевидно, что мы должны изучить объек-
тивные условія ихъ осуществленія. Химикъ изучаетъ,
какъ природу элементарныхъ субстанцій, такъ и законы
ихъ соединеній; имѣя передъ собою продукты, онъ изслѣ-
дуетъ условія образованія ихъ. Только тогда онъ можетъ
быть удовлетворенъ и сказать, что онъ хорошо узналъ эти
соединенія. Но при исканіи условій онъ принужденъ пере-
ходить за предѣлы химіи и призывать на помощь физика.
Точно также и фізіологъ бываетъ принужденъ, перейдя
предѣлы наблюденія надъ функціями, обращаться за по-
мощью къ анатоміи, физикѣ и химіи. Подобнымъ же об-
разомъ: хотя измѣненіе чувствъ, какъ продуктъ, и есть
исключительная область психолога, тѣмъ не менѣе необ-
ходима помощь фізіологіи, чтобы пояснить условія ихъ
образованія; только она можетъ объяснить процессъ из-
мѣненія чувствъ, ускользающій при субъективной оцѣнкѣ.

Глубокой ошибкой должно показаться фізіологу обык-
новенное мнѣніе, что «все, что мы знаемъ объ ощущеніи,
есть наше сознаніе о немъ». Это тавтологизмъ, если ощу-
щеніе и сознаніе тождественные термины, но такая тож-
дественность можетъ быть принята только при субъек-
тивномъ взглядѣ на явленіе. Объективно, какъ въ жиз-
ненномъ фактѣ, мы видимъ въ ощущеніи: — силу орга-
низма, условіе движенія, слагаемое въ нѣкоторую сумму
сознанія; различается ли оно сознаніемъ или тонетъ въ
общей суммѣ его, оно имѣетъ тоже самое жизненное,

тоже самое психическое отправленіе, какъ и сознательность. И дѣйствіе этой силы, этой составной части чувствованія, лежащей внѣ области внутренняго наблюденія, можетъ быть доказано опытнымъ путемъ и опытомъ можетъ даже быть перенесено въ область внутренняго наблюденія. Такимъ образомъ, многое необъяснимое, когда изслѣдованіе фактовъ сознанія ограничивается самонаблюденіемъ, становится понятнымъ, когда къ фактамъ чувствованія примѣняется болѣе широкій методъ.

9. Отношеніе между обоими методами изученія таково: точка зрѣнія, которую главнымъ образомъ выдвигаетъ впередъ фізіологъ, отодвигается на задній планъ психологомъ, и *vice versa*. Напримѣръ: я имѣю извѣстное музыкальное ощущеніе, которое я признаю за первые три такта изъ девятой симфоніи. Если я, какъ фізіологъ, пожелаю анализировать это ощущеніе, я изслѣдую всѣ послѣдовательныя объективныя условія:—воздушныя колебанія извѣстной скорости и величины, нервныя измѣненія въ слуховомъ аппаратѣ, возбужденіе чувствища (*sensorium*), такъ какъ музыкальное ощущеніе есть результатъ всѣхъ этихъ условій. Но если я стану его анализировать въ качествѣ психолога, тогда надо обратиться не къ этимъ объективнымъ условіямъ. Ихъ существованіе предполагается, и вмѣсто воздушныхъ колебаній и нервныхъ измѣненій я призываю на помощь опыты, опредѣлившіе положеніе каждой ноты въ скалѣ и положеніе cadaго сочетанія звуковъ въ моей памяти. Я распознаю ноты и интервалы, признаю также ихъ сочетанія за бетховенскую девятую симфонію. Результатъ этихъ звуковъ есть далеко не простое отраженіе слуховаго процесса, онъ сливается съ новыми, рождающимися ощущеніями, съ блѣдными ассоціаціями и яркими образами. Музыкальное достоинство и музыкальное чув-

ство каждой группы, каждой ноты, каждого сочетанія музыкальнаго воспріятія, распознаваніе и оживленіе ихъ имѣютъ, конечно, каждое, свои особенныя органическія условія, но они слишкомъ темны для наблюденія надъ ними и будь они даже яснѣе, они все-же не имѣли бы большаго значенія при психологическомъ изложеніи фактовъ. Существуетъ фізіологія чувствующаго организма, и она есть теорія отправленій чувствъ, какъ непосредственной дѣятельности органовъ. — Есть и психологія чувствующаго существа, и она есть теорія души, ея отправленій и приобрѣтенныхъ способностей, разсматриваемыхъ менѣе въ связи съ организмомъ, чѣмъ въ отношеніи къ опыту*) и дѣятельной сторонѣ. Фізіологъ предполагаетъ, что психическіе факты извѣстны, такъ какъ его задача — фізическіе факторы. Психологъ предполагаетъ фізическіе факторы извѣстными, такъ какъ его дѣло: показать взаимныя отношенія психическихъ фактовъ. Теорія организма и теорія души одинаково требуютъ сочетанія субъективныхъ и объективныхъ данныхъ. Кантъ (*Anthropologie* W. X. 115) и многіе другіе писатели видятъ въ фізіологическомъ объясненіи психическихъ фактовъ праздную трату мысли, «потому что мы ничего не знаемъ о фибрахъ головного мозга и объ ихъ дѣйствіи». Такъ какъ наше невѣжество въ этомъ отношеніи неоспоримо, это возраженіе было бы дѣльнымъ, если бы фізіологія ограничивалась волокнами головного мозга и ихъ отправленіями. Но Кантъ допускаетъ, что безсознательныя ощущенія и темныя воспріятія образуютъ большую часть нашихъ духовныхъ состояній; и такъ

*) Для лучшаго пониманія терминовъ отсылаемъ читателя впередъ; какъ онъ увидитъ — Льюисъ довольно своеобразно объясняетъ значеніе такъ часто имъ употребляемыхъ терминовъ, каковы: функція, способность, опытъ и другіе.

какъ чувство (по крайней мѣрѣ разсматриваемое, какъ воспріятіе), есть, безъ сомнѣнія, органическое отправленіе, очевидна невозможность исключить фізіологію изъ психологическихъ изслѣдованій. Онъ полагаетъ, что фізіологія, хотя она и не можетъ объяснить намъ въ чемъ состоитъ дѣйствіе волоконъ головного мозга, можетъ однако сказать намъ «что благопріятствуетъ и препятствуетъ ему», и поэтому онъ удѣляетъ ей мѣсто въ прагматической антропологіи. Но успѣхъ Канта, ни въ этомъ, ни въ психологическомъ изслѣдованіи, не таковъ, чтобы желаніе исключить фізіологію могло найти себѣ подражателей.

10. Ощущенія и мысли вырастаютъ въ душѣ, какъ въ полѣ — цвѣты. Мы ихъ только тогда видимъ, когда они выступаютъ надъ поверхностью. Мы наблюдаемъ ихъ измѣненія и исчезанія. Наука задалась цѣлью: выяснитъ условія ихъ появленія, измѣненія и исчезанія. Большой частью, изслѣдованіе подвигается ощупью, въ глубокой тьмѣ. Мы знаемъ, что сѣмя, зарытое въ надлежащую почву, пуститъ корни и стебель; мы можемъ описать его развитіе, когда оно впитываетъ въ себя извѣстные матеріалы изъ почвы и атмосферы. Но мы знаемъ также, что само сѣмя есть продуктъ и имѣетъ свое специальное предназначеніе; формы, принимаемая сѣменемъ, отчасти свойственны лишь ему, отчасти мириадамъ другихъ сѣмянъ, или даже нѣкоторые его формы общи всѣмъ растеніямъ. Различныя сѣмена и различныя почвы производятъ различныя растенія, но всѣ они имѣютъ одинаковое образовательное вещество и основныя формы. Спекулятивный ботаникъ можетъ отвлечь эти общія формы и выдать ихъ за *априорныя* условія или врожденныя идеи природы, слѣдуя въ этомъ примѣру спекулятивныхъ психологовъ. Психологъ допускаетъ,

что всякое знаніе вырастаетъ въ опытѣ, но не всякое выходитъ изъ него. Ботаникъ допускаетъ, что всѣ растенія вырастаютъ *изъ* землѣ или воздухѣ, но не всѣ *изъ* нихъ. Есть условія и первоусловія для опыта, точно также какъ есть условія и первоусловія для жизни растений. Первый вопросъ, подлежащій рѣшенію: — какова природа растений? Находится-ли гдѣ нибудь, позади существующихъ растений, прототипъ растенія т. е. душа или духовное начало, независимое отъ жизни организма? Или только существуетъ продуктъ — сѣмя, организмъ, который въ данной средѣ будетъ продолжать свое развитіе въ другіе продукты? Болѣе вѣрно то, что прежде чѣмъ глазъ начнетъ свою функцію зрѣнія, при требуемыхъ условіяхъ, необходимы первоначальныя условія оптическаго и чувствительнаго механизмовъ. Точно также: передъ тѣмъ, какъ сѣмя начнетъ развиваться, къ условіямъ почвы или атмосферы необходимо должны быть прибавлены первоначальныя приспособленія, благодаря которымъ въ сѣмени образовалась протоплазма.

ДУХЪ И ТѢЛО.

11. Фактъ безсознательности умственныхъ процессовъ, а также процессовъ чувствительности и хотѣнія, влечетъ за собой два важныхъ послѣдствія. Прежде всего, это разбиваетъ мнѣніе, будто психологія можетъ ограничиваться одними фактами сознанія, мнѣніе, которое исключало бы большую часть нашихъ состояній духа и значило бы, что сужденія или умозаключенія, безсознательно происшедшія, не представляютъ психологическихъ фактовъ. Во вторыхъ, это показываетъ, что психологія, какъ наука о продуктахъ, не можетъ быть оторвана отъ физиологіи, или науки объ условіяхъ производительности,

если не исключать изъ психологіи всѣхъ процессовъ, извѣстныхъ за фізіологическіе или безсознательные. Оба метода изученія представляютъ два взгляда на отношеніе между духомъ и тѣломъ, выраженные объективнымъ и субъективнымъ терминами. Пресловутый контрастъ между объектомъ и субъектомъ можетъ только тогда возникнуть, когда дѣятельность чувствованія до того развилась, что изъ нея выдѣляется сознательное *я* или личность, устанавливающая различіе между однимъ классомъ чувствъ и другимъ. Мы научаемся обособлять различныя части нашего организма и ихъ различныя отправления; съ помощью обобщенія и отвлеченія мы получаемъ понятіе тѣла, представляющее одну группу частей нашего организма и понятіе духа, представляющее другую.

Эти отвлеченія, разъ они сложились, олицетворяются, рассматриваются отдѣльно, и вотъ спекулятивная философія пускается въ путь-дорогу, отыскивая *связь*, которая соединяла-бы ихъ. Цѣлыя столѣтія люди бились надъ этимъ вопросомъ. Если мы рассматриваемъ генезисъ духа, какъ онъ представляется наблюденію и индукціи, мы видимъ, что въ началѣ нѣтъ такого различія между субъективнымъ и объективнымъ, да и теперь даже можно найти безчисленныя проявленія духовной дѣятельности, признаваемыя процессами нервными, а не сознательными.

12. Большой частью, сбивчивость происходитъ отъ того, что не различаютъ чувствованія — дѣятельности нервно-мускульной системы — отъ сознанія (въ спеціальномъ смыслѣ, размышленія) — частнаго вида чувствованія. Такъ, часто говорятъ: на насъ произвело что-либо впечатлѣніе, но мы до тѣхъ поръ не ощущаемъ его, пока оно не сознательно; одной дѣятельности чувствующаго механизма

не достаточно, необходима еще специальная *прибавка* дѣятельности *другаго* механизма, отраженіе отъ какого-то другаго источника. Согласно съ этимъ взглядомъ, чувствительность не есть жизненное свойство тканей, чувствованіе не есть отправленіе нервно-мускульной системы, но есть дѣятельность личности, моего я — по ученію спиритуалистовъ, отправленіе мозга — по ученію фیزیологовъ.

На слѣдующихъ страницахъ я объясню: какъ фیزیологически и психологически чувствуемъ *мы*, а не какой нибудь специальный органъ; но это мы значить — сумма чувствительности всего организма. Пока я лишь замѣчу, что мы можемъ ввести научный порядокъ въ изученіе вопроса, только рассматривая каждый аффектъ чувствъ, какъ аффектъ чувствованія, слѣдовательно подлежащій психології и принимая, что каждый такой аффектъ способенъ сдѣлаться сознательнымъ, коль скоро существуютъ условія *относительной* различимости. Великая ошибка вышла изъ того, что противоположность между сознательнымъ и безсознательнымъ отождествили съ противоположностью душевнаго и физическаго. Мы ужъ знаемъ, какъ это случилось. Такъ какъ наблюденіе отдѣлило механическія условія отъ многочисленныхъ жизненныхъ дѣйствій, то Декартъ и доказывалъ, что нѣкоторые изъ чувствующихъ существъ, по крайней мѣрѣ животныя, суть просто машины. Всѣ ихъ дѣйствія и многія изъ нашихъ обусловлены, говорить отъ, механическими факторами. Въ человѣкѣ есть душа, которая управляетъ механизмомъ, но въ животныхъ одинъ механизмъ безъ души *).

*) „Декартъ далъ метафизическое объясненіе душъ и физическое жизни. Душа есть верховное начало, которое проявляется въ мысли; жизнь есть послѣднее слово механическихъ законовъ. Человѣческое тѣло — машина, сотворенная для себя самой; душа, какъ зрительница, вложена въ нее, что-

Въ предъидущемъ моемъ сочиненіи, я старался показать, что этотъ порадокъ, поразившій Европу, и въ недавнее время возобновленный, истиненъ или ложенъ, смотря по тому смыслу, который мы даемъ его выраженіямъ. Это правда, если понять его такъ, что животныя дѣйствія, разсматриваемыя какъ движенія, находятся въ строгой зависимости отъ механическихъ условій, такъ какъ механика есть наука о движеніи. Это неправда, если понять его въ томъ смыслѣ, что дѣйствія животныхъ — исключительно — явленія движенія, разсматриваемъ ли мы ихъ отвлеченно, или какъ тождественныя съ механическими дѣйствіями; неправда потому, что эти дѣйствія — химическія и біологическія, не менѣе, чѣмъ механическія, и ихъ двигатели требуютъ вліянія условій, не находимыхъ въ механикѣ. *Ден*

13. Парадоксъ Декарта былъ полезенъ, обративъ вниманіе на дѣйствіе механическихъ условій, которымъ до тѣхъ поръ слишкомъ мало придавали значенія. И хотя онъ далъ опредѣленность изслѣдованію и возможность людямъ понимать рефлексъ спиннаго мозга, онъ былъ вреденъ своимъ желаніемъ замѣнить начала органическаго механизма началами неорганическаго. Вслѣдствіе того, когда нашли, что обширный классъ явленій происходитъ и при отсутствіи головного мозга, объясняется рефлекторнымъ дѣйствіемъ спиннаго мозга, изъ этого успѣшно вывели заключеніе, что такія явленія вызваны чисто механическими двигателями. Чувствованіе въ нихъ не участвовало, такъ какъ оно приписывалось исключительно головному мозгу. Слѣдующій шагъ состоялъ въ заключеніи, что такъ какъ рефлексъ спиннаго мозга

бы созерцать, что дѣлается въ тѣлѣ, но она вовсе не участвуетъ въ его жизненныхъ функціяхъ". — *Claude Bernard. La science expérimentale. 1878, стр. 151.*

часто безсознательны, даже и при существованіи головного мозга, то это доказываетъ, что сознаніе не безусловно необходимо для нихъ, а изъ того что сознаніе и чувствованіе считались тождественными, послѣдній выводъ былъ такой: истинные двигатели этихъ явленій — механическіе. Спинной мозгъ былъ признанъ аппаратомъ, передающимъ движеніе и производящимъ мышечныя дѣйствія, но не производящимъ чувствованія. И разъ одно было возможно доказать, другое стали отрицать. Не подумали о томъ, что онъ могъ служить обѣимъ цѣлямъ. Онъ приобрѣлъ названіе аппарата *возбуждающаго движеніе* (*excito-motor*), а головной — названіе возбуждающаго чувствительность, *сенсоримоторнаго* аппарата. Но я не вижу никакихъ разумныхъ причинъ для заключенія, что одна часть центральной нервной системы представляетъ и механическій и чувствующій аппараты, между тѣмъ какъ другія части, тождественныя по строенію, исключительно механическій. Мои сомнѣнія на этотъ счетъ превратились въ убѣжденіе, когда опытъ доказалъ, что не только головной мозгъ имѣетъ тождественную рефлекторную дѣятельность съ спиннымъ, но что даже головные рефлексы, подобно спиннымъ, иногда бываютъ сознательны, а иногда нѣтъ. Тогда мнѣ сдѣлалось яснымъ, что противоположность между этими двумя состояніями чувствованія нетождественна съ противоположностію между чувствующимъ и механическимъ, понимаемыми какъ духовное и физическое. Съ одной точки зрѣнія оба состоянія оказались духовными; съ другой — физическими; сознательное состояніе оказалось *также* механическимъ, а безсознательное (въ иныхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ несомнѣнно) — духовнымъ. Мы не имѣли основаній низводить какія-либо дѣйствія чувствующаго механизма изъ психической сферы въ физическую, потому только, что

они *могли*, а часто и въ самомъ дѣлѣ происходили безсознательно. Мы допускаемъ механическую точку зрѣнія на состояніе духа и тогда, когда оно было сознательнымъ. — Объективно, жизненный организмъ есть аппаратъ для передачи движеній, какъ молекулярныхъ, такъ и молярныхъ. Съ этой точки зрѣнія всѣ дѣйствія его — механическія. Но это также аппаратъ, образующій и разлагающій матерію. Съ этой точки зрѣнія онъ перестаетъ быть чисто механическимъ и дѣлается химическимъ. Далѣе, это аппаратъ, производящій морфологическое развитіе и динамическій ладъ, то-есть явленія, называемыя жизненными. И такъ, даже съ объективной точки зрѣнія организмъ болѣе, чѣмъ автоматъ; это химическая лабораторія и жизненная система. Съ субъективной точки зрѣнія нервно-мускульная система уступаетъ мѣсто душѣ; ея дѣйствія — чувствованія. Тутъ уже рѣчь болѣе нейдетъ о механикѣ и химіи. Тутъ феномены уже болѣе не представляютъ движеній и разложеній. Они ихъ предполагаютъ и сводятся къ нимъ, когда для нихъ употребляются объективныя выраженія, какъ съ другой стороны всѣ объективные факты, въ концѣ концовъ, выражаются терминомъ чувствованій, ибо термины вроде движенія и разложенія суть только символы нашихъ чувствительныхъ воспріятій.

14. Такъ какъ мы обращаемъ особенное вниманіе на противоположность между объективной и субъективной точками зрѣнія, мы должны настоять на томъ, что состояніе организма и соотвѣтствующее ему состояніе духа — два противоположныхъ термина для одного и того же факта. Раздѣленіе ихъ на два факта и поиски за связью между ними мы должны отвергнуть, какъ иллюзію. Она поддерживается популярнымъ, но ошибочнымъ, взглядомъ на отношеніе между причиной и слѣдствіемъ.

емъ, взглядомъ, который утверждаетъ, что одинъ процессъ или случай (называемый причиной), вызываетъ существованіе другого процесса или случая (называемаго слѣдствіемъ). Это влечетъ за собой метафизическій споръ о томъ какъ одинъ процессъ можетъ вызывать другой. Согласно взгляду, изложенному въ «Вопросахъ о жизни и духѣ» (т. II, вопр. V) слѣдствіе есть *causatum*, осуществленіе причинъ или содѣйствующихъ условій, а не новый и раздѣльный фактъ. Это значитъ, что дѣйствующія вмѣстѣ условія, которыя могутъ быть разложены на единичныя условія, представляютъ *причину*, если они разсматриваются независимо отъ совокупности ихъ; эти же самыя условія суть *слѣдствіе*, если разсматриваются, какъ результатъ. Согласно такому отвлеченному способу разсматриванія ихъ, какое нибудь одно условіе часто обособляется, какъ причина, и какая нибудь одна подробность въ результатѣ, какъ слѣдствіе. Но въ сущности, ничего нѣтъ въ слѣдствіи, что бы не было однимъ изъ условій его происхожденія; нѣтъ новаго созиданія ни матеріи, ни движенія, а только новыя сочетанія матеріи и новыя направленія движенія.

Если это такъ, отношеніе между причиной и слѣдствіемъ есть просто отношеніе между двумя взглядами на извѣстный фактъ. И таково отношеніе между состояніями организма и духа, когда состояніе организма разсматривается, какъ причина, а состояніе духа, какъ слѣдствіе. На самомъ дѣлѣ, одно не предшествуетъ и не вызываетъ существованія другаго, а одно есть только объективное, другое — субъективное выраженіе того же факта. Органическое состояніе, разсматриваемое объективно, есть условіе, а не первоусловіе.

15. Послѣ этого установленія отношеній между духомъ и тѣломъ, я прибавлю, что психологія есть и менѣе и

болѣе, чѣмъ субъективная теорія организма. Менѣе потому, что ограничивается явленіями чувствъ, между тѣмъ какъ фізіологія обнимаетъ всѣ жизненныя явленія. Болѣе, потому что она охватываетъ отношенія организма къ соціальной средѣ, тогда какъ фізіологія изслѣдуетъ только его отношенія къ космосу. Многія и глубокія измѣненія, происшедшія отъ опыта и исторіи, заставляютъ чувствующій организмъ дѣйствовать по новымъ путямъ, недоступнымъ фізіологическимъ изысканіямъ. Говоря о человѣческой душѣ, мы должны широко признать вліянія, называемыя *духовными*. Читатель понимаетъ, что подъ этимъ я разумѣю результаты опыта, которымъ конечно соотвѣтствуютъ извѣстныя видоизмѣненія въ матеріальномъ механизмѣ, но эти соотвѣтствія до того смутно различимы, что мы хорошо сдѣлаемъ, если и не упомянемъ о нихъ. Напримѣръ, мы читаемъ какое нибудь нечеткое письмо; конечно, фізіологическіе процессы замѣшаны и тутъ, но ни одинъ фізіологъ не попытается объяснить: какъ это мы сочетаемъ намеки на отдѣльныя буквы и угадываемъ смыслъ словъ по контексту. Психологъ объясняетъ это приобрѣтеннымъ опытомъ; знаки смутно и послѣдовательно вызываютъ въ насъ слова, то-есть возобновляютъ прежніе опыты; но когда слово такимъ образомъ отыскано, умъ подмѣчаетъ, что оно не ладитъ съ общимъ смысломъ и откидываетъ его, отыскивая другое, пока не набредетъ на одно, которое, какъ имѣющее связь съ контекстомъ, и принимается. Однако фізіологически, то-есть, какъ нервный процессъ, всякое слово ладитъ съ контекстомъ, или, точнѣе выражаясь, нѣтъ такого фізіологическаго процесса, который бы, опредѣлялъ выборъ *до тѣхъ поръ пока* контекстъ, опытомъ полученный, не измѣнитъ организма. Вотъ это и обозначается терминомъ «духовный». Тутъ

дѣйствуетъ вліяніе, не вполне ясно обозначаемое терминомъ «матеріальный»; это объясненіе скорѣе можно назвать психологическимъ, чѣмъ фізіологическимъ; и хотя терминъ духовный былъ впервые употребленъ, когда люди полагали, что душа есть духъ, однако можетъ еще быть употребленъ и теперь, послѣ того, какъ мы измѣнили эту гипотезу. Когда какая нибудь духовная аномалія не можетъ быть приписана извѣстному поврежденію нервной системы (*неврозису*), патологи называютъ ее *психозисомъ*, какъ будто она была поврежденіемъ неизвѣстной психеи. Точно такъ же нормальныя явленія, которыя не могутъ быть отнесены къ фізіологическимъ процессамъ, для различія названы психологическими. Это значить только, что наше знаніе факта не восполнено знаніемъ фактора.

Никакое фізіологическое объясненіе душевныхъ явленій не можетъ избавить отъ частаго обращенія къ духовнымъ условіямъ. Настоящія возбужденія дополняются прежними опытами. Въ случаѣ изслѣдованій человѣческихъ существъ, вліяніе опыта усложняется дѣйствіемъ соціальныхъ условій: черезъ нихъ развиваются высшія способности. Очевидное духовное различіе между Гёте и Карибомъ не можетъ быть сведено къ различіямъ въ организмахъ и отправленияхъ, но сводится къ различіямъ въ развитіи способностей. Организмъ Гёте, въ соціальной средѣ Карибовъ, образовалъ бы очень выдающагося Кариба, но не широко парящій умъ съ воспріимчивой натурой.

ОТПРАВЛЕНІЕ И СПОСОБНОСТЬ.

16. Это заставляетъ меня установить болѣе замѣтное различіе, чѣмъ обыкновенно дѣлаютъ, между терминами: отправление и способность. Подъ способностью подра-

зумѣвается обыкновенно сила или возможность агента совершить извѣстное дѣйствіе или классъ дѣйствій. Такимъ образомъ способность однозначуща съ отправленіемъ, которое означаетъ дѣятельность органа, употребленіе орудія.

Я предлагаю, отбросивъ обыкновенный смыслъ слова *способность*, ограничить значеніе его только тѣмъ дѣйствіемъ или классами дѣйствій, въ какія отправленіе можетъ быть измѣнено подъ вліяніемъ опыта. То-есть, пусть функція означаетъ врожденную способность органа, а способность — приобрѣтенную разновидность дѣйствія. Рука есть органъ, функція которой осязаніе; царапать, дергать, щипать — вотъ врожденные ея силы. Но различные способы манипуляцій: — рѣзаніе, шитье, рисованіе, писаніе, фехтованіе и т. д. суть способности, приобрѣтенныя при содѣйствіи ума и въ соединеніи съ другими органами. Инстинкты, эмоціи, ощущеніе, воспріятіе, логическія сочетанія — все это функціи. Есть функціи простыя и сложныя; то есть нѣкоторыя совершаются единичными органами, такъ зрѣніе — глазомъ; нѣкоторыя — группами органовъ, таковы инстинкты и эмоціи. Кооперация тутъ строгая и неизмѣнная. Иное дѣло при кооперации органовъ въ цѣлыя способности, продукты которыхъ произвольно и разнообразно могутъ быть видоизмѣняемы. Функція осязанія превращается въ различныя способности манипуляціи, благодаря измѣняющейся кооперации органовъ; способности рисованія, писанія, музыкальнаго исполненія и другія требуютъ соединенія иныхъ и притомъ измѣняющихся элементовъ. Какъ въ лѣстницѣ развитія животныхъ мы встрѣчаемъ все возрастающую сложность органовъ, образованныхъ изъ простыхъ тканей и аппаратовъ, въ свою очередь состоящихъ изъ органовъ, — такъ мы находимъ

и способности, состоящія изъ простыхъ функцій и сложныя способности, составленныя изъ простыхъ способностей. Мы говоримъ, что человѣкъ имѣетъ «замѣчательныя способности», когда онъ легко приспособляется къ разнообразнымъ условіямъ и пріобрѣтаетъ ловкость въ новыхъ операціяхъ. Это раздѣленіе дѣйствій, на постоянныя и функціональныя съ одной стороны и произвольныя и измѣняемыя съ другой, не только обрашаетъ наше вниманіе на тѣ дѣятельности, которыя мы можемъ въ себѣ воспитать, но также указываетъ на вмѣшательство соціальныхъ вліяній. Такъ, чтобы иллюстрировать сказанное, ограничиваясь функціями и способностями руки, мы видимъ неразумность стараго мнѣнія, считавшаго пользованіе этимъ органомъ причиной превосходства человѣка. У обезьяны руки очень схожи съ человѣческими, имѣютъ тѣже функціи, но не имѣютъ и $\frac{1}{50}$ доли способностей этого органа у человѣка. Обезьяна ловка и изъ рукъ своихъ дѣлаетъ разнообразныя приложенія; ее можно научить шить и рѣзать, ее учили разбивать яйцо и стрѣлять изъ пистолета. Но никто не сумѣлъ научить ее писать, рисовать или играть на фортепіано. Для того, чтобы писаніе сдѣлалось возможнымъ для обезьяны, она должна пріобрѣсти способность говорить; и если бы это пріобрѣтеніе сдѣлалось возможнымъ, — а этого нѣтъ, — ей нужно бы пріобрѣсти еще способность перевода звуковъ на символы. *)

*) Въ отвѣтъ на замѣчаніе Гельвеція, что умственное превосходство человѣка надъ лошадыю обусловлено тѣмъ, что человѣкъ имѣетъ гибкіе пальцы, вмѣсто неподвижныхъ копытъ, — Бонне справедливо говоритъ: „Гельвецій не замѣтилъ, что каждое животное есть особенная система съ гармоническими частями. Мозгъ лошади соответствуетъ ея копыту, совершенно такъ, какъ сама лошадь — мѣсту, занимаемому ей въ органи-

Каждая функція имѣетъ опредѣленные органы или группы органовъ; это ихъ постоянная *энергія*. Каждая способность имѣетъ, точно также, свою опредѣленную группу органовъ, но это ихъ временная *синергія*. Отсюда ясна неразумность попытокъ локализовать разнообразныя способности въ опредѣленныхъ областяхъ мозговыхъ извилинъ. Способность рѣчи, напримѣръ, недавно была локализована въ третьей лобной извилинѣ лѣваго полушарія — въ полное разногласіе со сложностью отправленій, которыхъ требуетъ рѣчь и съ тѣмъ фактомъ, что афазія можетъ происходить отъ трехъ причинъ: и отъ неумѣнія образовывать звуки и идеи, и отъ забвенія звуковъ.

МЕХАНИЗМЪ И ОПЫТЪ

17. Уже было указано, что фізіологія занимается, непосредственно, чувствующимъ механизмомъ, прослѣживая дѣйствія его при производствѣ тѣхъ фактовъ чувствованія, которые составляютъ специальную область психологін, изучающей ихъ, какъ факты опыта. Посмотримъ, на сколько эти термины выражаютъ соотносительныя и противоположныя явленія.

Механизмъ иногда обозначаетъ всю сумму, находящихся во взаимной зависимости, частей, составляющихъ организмъ, а иногда и частную группу воздѣйствующихъ другъ на друга вліяній, составляющихъ особую

ческой системѣ; если бы копыто превратилось въ подвижные пальцы, все-таки животное осталось бы неспособнымъ обобщать ощущенія, потому что въ мозгу его все еще сидѣло бы копыто. И какъ только мозгъ лошади измѣнился бы соответственно измѣненію ногъ, это была бы не лошадь, а другое четвероногое, нуждающееся въ новомъ имени". *Ra-ingénésie philosophique*, цитированная Галлемъ.

функцію. Въ послѣднемъ смыслѣ, мы говоримъ о дыхательномъ, двигательномъ, рефлекторномъ механизмахъ и т. д. Психологи тоже иногда говорятъ о механизмѣ мышленія или воли, имѣя при этомъ въ виду взаимную зависимость извѣстныхъ психическихъ состояній и (выражено ли это ясно или нѣтъ) — соотвѣтствующихъ имъ физическихъ состояній. Оба употребленія этого термина могутъ быть оправданы, такъ какъ то, что съ объективной стороны — матеріальное сочетаніе, съ субъективной явится духовнымъ. Механическая и логическая точка зрѣнія относятся къ тому же факту. Если мы наблюдаемъ за человѣкомъ, вырывающимъ свою руку, которую ему ущипнули, мы ничего не видимъ кромѣ механической послѣдовательности объективныхъ движеній, а имѣи мы возможность видѣть молекулярныя измѣненія въ нервахъ, въ ихъ центрахъ и въ мускулахъ, мы все же ничего не увидали бы, кромѣ послѣдовательныхъ движеній. Самъ человѣкъ (или мы, идейно изображающіе его внутреннія измѣненія) чувствуетъ щипокъ и хочетъ двинуть рукой; послѣдовательность состояній чувствованія и составляетъ психическій механизмъ.

И такъ, принявъ, что на этихъ страницахъ терминъ *механизмъ* будетъ безразлично употребляться для объективной и субъективной точекъ зрѣнія на органическія условія производительности, настолько, насколько они намъ кажутся *постоянными* по своему строенію и функціямъ, — перейдемъ теперь къ термину соотнositельнаго опыта, который будетъ часто употребляемъ, какъ противоположное механизму.

18 Необходимо сдѣлать предварительную оговорку. Читатель знаетъ склонность къ олицетворенію всякаго отвлеченія, къ возведенію его въ то, что Спиноза называетъ *res completa*. Благодаря этому мы способны лишитъ

объектъ или произшествіе всѣхъ спеціальныхъ условій, опредѣляющихъ и устанавливающихъ его реальность, и одарить отвлеченіе новой реальностью, придавая ему свойства, которыми не обладаетъ первоначальная *res*. Отсюда популярное различеніе чувствованія и чувствующаго механизма, субъекта и объекта, чувствующаго и чувства и возведеніе каждаго отдѣльнаго термина въ *res completa*.

Какъ логическое и аналитическое дѣленіе — оно полезно. Но опасность лежитъ въ томъ, что чувствованіе легко можетъ быть принимаемо за дѣйствующее и управляющее механизмомъ, какъ мы управляемъ нашими инструментами. Достойно замѣчанія, что многіе писатели, энергично обличающіе ошибку въ иныхъ случаяхъ, въ другихъ ее сами дѣлаютъ. Они говорятъ о механизмѣ, который обыкновенно, по ихъ мнѣнію *заводится* ощущеніями и мыслью; они говорятъ, что онъ способенъ дѣйствовать безъ всякаго стимула, — посредствомъ безсознательнаго рефлекса — а также способенъ, разъ пущенный въ ходъ, удержатъ свое дѣйствіе и безъ чувствуемаго стимула. Съ этимъ предположеніемъ, правдоподобнымъ благодаря смѣшенію совокупности условій съ однимъ изъ antecedentовъ, въ слѣдствіе чего отдѣльное случайное условіе замѣняетъ цѣлую группу условій — никто бы никогда не согласился, еслибы не ради теоретическаго отдѣленія чувствованія отъ чувствующаго механизма и соотвѣтственнаго ему уподобленія организма машинѣ.

19. Помня эту оговорку и то, что *все* психологическіе процессы объективно суть органическіе, мы поймемъ, какъ механизмъ этихъ процессовъ можетъ по желанію быть выраженъ объективными или субъективными терминами, такъ какъ измѣненія въ органахъ чувствъ тождественны съ измѣненіями въ чувствованіи. Теперь мы станемъ изслѣдовать, что подразумѣвается

подъ различіемъ опыта и механизма, такъ чтобы впредь ясно говорить объ опытѣ, *управляющемъ* механизмомъ. Обыкновенно говорятъ, что одно въ нѣкоторомъ отношеніи не зависимо отъ другаго, и что послѣднее только зависимо по своему строенію. Оба эти мнѣнія не точны, но они грубо представляютъ важное различіе, существующее между измѣняющимися и развивающимися факторами и неизмѣнными. Механизмъ означаетъ видимое (или воображаемое) постоянное строеніе, съ соотвѣтствующимъ ему постоянствомъ отправленій. Опытъ означаетъ модификаціи и непостоянство строенія съ соотвѣтствующей имъ измѣняемостью и прогрессивнымъ развитіемъ *способностей*. Большей частью механизмъ врожденъ, опытъ пріобрѣтенъ. Индивидуальный организмъ, хотя и способный къ измѣненіямъ, не пріобрѣтаетъ новыхъ органовъ, а только новыя склонности. Изъ этого вытекаетъ постоянство типа, опредѣленность отправленій. Пока органы подвержены однообразнымъ стимуламъ, до тѣхъ поръ и дѣйствія ихъ, конечно, неизмѣнны. Такъ органы питанія и размноженія представляютъ постоянство въ механизмѣ; разъ они созрѣли, они уже не измѣняются въ строеніи, хоть сколько нибудь замѣтно. Иное дѣло непостоянныя сочетанія чувствилища. Подверженные измѣняющимся стимуламъ и комбинаціямъ стимуловъ, они пріобрѣтаютъ новыя склонности и способы воздѣйствія и постоянно измѣняются, если не въ элементарномъ своемъ строеніи, то въ какой нибудь изъ комбинацій непостояннаго расположенія элементовъ. Такимъ образомъ они какъ бы образуютъ духовный механизмъ въ придачу матеріальному. Вотъ что есть опытъ съ субъективной точки зрѣнія; съ объективной—онъ соотвѣтственъ новому центральному органу. Наши принципы заставляютъ насъ заключать, что онъ представляетъ и фізіо-

логическія измѣненія; соотвѣтственно этому — органическія; но точная природа органическихъ измѣненій до того скрыта отъ насъ при настоящихъ нашихъ способахъ изслѣдованія, что хорошо было бы: воздержаться отъ всякихъ попытокъ опредѣлить объективный фактъ и довольствоваться однимъ яснымъ пониманіемъ субъективнаго. Тогда какъ, напримѣръ, физиологія вполнѣ бессильна опредѣлить различіе въ строеніи и отправленіяхъ дикаго и цивилизованнаго человѣка той же расы, психологія безъ труда опредѣляетъ въ чемъ замѣтно различіе духовной организаціи обоихъ. Конечно, должны быть соотвѣтственные измѣненія и въ организмахъ; *residua* прошедшихъ чувствъ, составляющихъ опытъ обоихъ суть органическія измѣненія; но въ чемъ они состоятъ, прослѣдить это — мы не можемъ. Ни одинъ анатомъ не можетъ надѣяться уловить различіе между рукой, совершающей самыя утонченныя и разнообразныя манипуляціи и другой, не пріобрѣтшей ни одной изъ этихъ способностей; но каждый анатомъ признаетъ фактъ превосходства и припишетъ его воспитанію. Ни одинъ анатомъ не можетъ прослѣдить измѣненій, происходящихъ въ мозгѣ ребенка, который, перетерпѣвъ боль, помнитъ ее, когда предметъ возбудившій ее снова является ему. Мы знаемъ, что ребенокъ поступитъ иначе, благодаря опыту; но это все, что мы знаемъ. Когда-же мы видимъ, какъ моль возвращается къ пламени, уже разъ обжегшись, а рыба къ удочкѣ, хоть и была оцарапана крючкомъ, мы заключаемъ, что тутъ никакой опытъ не имѣетъ контроля надъ первичными импульсами.

20 Эти оба примѣра показываютъ, какъ организмъ реагируетъ на стимулы сообразно своему прирожденному устройству, а также и пріобрѣтенному: — унаслѣдованному механизму и опыту, видоизмѣнившему это на-

слѣдство. У насъ есть ощущенія и эмоціи оттого, что чувствующій механизмъ приведенъ въ дѣйствіе. Когда они оставляютъ слѣды въ нашемъ организмѣ, такъ что при свѣжемъ возбужденіи, прошедшія чувствованія оживаютъ, — у насъ образуется опытъ. Если какой нибудь предметъ становится доступнымъ чувствованію, мы чувствуемъ его, то-есть мы реагируемъ на стимулы, благодаря врожденному или пріобрѣтенному механизмамъ. Низшія животныя вѣроятно никогда не поднимаются выше этой ступени; но гибкость чувствилища высшихъ животныхъ позволяетъ ему вѣчно видоизмѣняться, такъ что впечатлѣнія группируются и группы оживаютъ при появленіи какого нибудь одного изъ этихъ впечатлѣній или при внутреннемъ возбужденіи; высшія животныя чувствуютъ снова то, что они прежде перечувствовали и воспріятія предметовъ попадаютъ у нихъ въ воздухъ отдаленныхъ чувствъ. Итакъ, опытъ — психологическій механизмъ.*)

21. Предъидущія разсужденія сдѣлали очевиднымъ, что фізіологія и психологія суть два способа пониманія явленій чувствующаго организма, двѣ различныя науки, (или то, что нѣмцы называютъ дисциплины), изъ которыхъ каждая предполагаетъ, тѣмъ не менѣе, существованіе другой. Фізіологъ долженъ объяснить факты чувствованія и эти факты сопровождаютъ его и при поясненіи органическихъ процессовъ. Психологъ, подобнымъ же образомъ, предполагаетъ всегда дѣйствіе органическихъ процессовъ, такъ какъ они суть условія производительности тѣхъ фактовъ, которые онъ классифицируетъ. Обѣ науки крайне незрѣлы еще, и этой незрѣлостью мы боль-

*) Для лучшаго уясненія постоянства и измѣняемости въ органическихъ воздѣйствіяхъ см. сочиненіе Льюиса Физическія условія духа, стр. 326 и слѣд.

шей частью обязаны факту ихъ раздѣленія: — фізіологъ принимаетъ изъ вторыхъ рукъ несовершенныя психологическія теоріи, а психологъ точно также — фізіологическія. Не можетъ существовать удовлетворительной теоріи отправления и способностей, пока не будетъ установлена болѣе вѣрная классификація и теорія душевныхъ явленій, какъ не можетъ существовать удовлетворительной теоріи духа, пока не будетъ строже прослѣжена зависимость духовныхъ процессовъ отъ біологическихъ и соціологическихъ условий.

Это положеніе можетъ быть объяснено примѣромъ изъ душевной патологіи, развивавшейся параллельно фізіологіи духа. Гиппократъ, великій наблюдатель, взгляды котораго не были отуманены парами метафизики, видѣлъ только анормальное дѣйствіе мозга въ болѣзняхъ духа; а его непосредственные послѣдователи искали въ органическихъ разстройствахъ прямую причину всѣхъ формъ безумія. Но въ царствованіе теологовъ и метафизиковъ эта научная точка зрѣнія была оставлена и изъ рукъ физиковъ духовныя болѣзни перешли къ священникамъ; мѣсто гігіены и рецептовъ заняли молитвы и заклинанія. Теологи полагали, что безумецъ одержимъ бѣсомъ. Метафизики въ безуміи видѣли разстройство духа, а иногда недостатокъ гармоніи между душой и ея «орудіемъ». Ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался, что душа и тѣло во всѣхъ отношеніяхъ абсолютно не схожи. Даже еще въ нашемъ столѣтіи мы имѣемъ двѣ враждебныя школы, спиритуалистовъ и органистовъ, толковавшихъ безуміе одни, какъ разстройство духа, другіе — тѣла. Въ Германіи Гейнротъ, долго считавшійся за авторитетъ, исходя изъ того ученія, что тѣло есть основаніе, а разумъ (Vernunft) начало человѣческой жизни, провозгласилъ, что всѣ анормальныя явленія духа проистекаютъ изъ разстройства ра-

зума, изъ возбужденія страсти. Такимъ образомъ безуміе сдѣлалось симптомомъ порочности. Невинный никогда не бываетъ безумнымъ, а только виновный. Нелѣпость этой теоріи въ практическомъ отношеніи давно была признана. Никто теперь не станетъ убѣждать въ чемъ либо помѣшаннаго паціента, никто не надѣется лѣчить маниака проповѣдью. Теперь всякій знаетъ, что разстройство души требуетъ для своего излѣченія медика. Душевные болѣзни заняли мѣсто рядомъ съ болѣзнями тѣла и сдѣлались предметомъ естественной науки, изучаемой по тому же методу, какъ и остальные науки. Наблюденіе надъ симптомами направляетъ изслѣдованіе на причины. Анормальность отпращиваній объясняется анормальнымъ состояніемъ организма. «Теорія душевныхъ болѣзней, говоритъ новѣйшій писатель по этому предмету, обнимаетъ собою отклоненія отъ нормальной душевной дѣятельности при органическихъ расстройствахъ». *)

Параллель идетъ далѣе. Реакція органистовъ противъ спиритуалистовъ повела къ тому, что стали обращать исключительное вниманіе на одну часть организма, пренебрегая другой и сдѣлали одинъ мозгъ исполняющимъ должность всего чувствующаго механизма — крайность, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи поведшая къ тому, что всѣ психическія отпращиванія стали приписываться извѣстнымъ нервнымъ клѣточкамъ. Такимъ же путемъ пошли и психіатры. Вопреки ежедневному опыту, противорѣчащему ихъ теоріи, они провозгласили, что безуміе — расстройство мозга, и ничего болѣе. Даже Шюле не можетъ отдѣлаться отъ этой предвзятой мысли, хотя онъ въ введеніи своемъ и во всемъ своемъ сочиненіи, ясно показываетъ, что такая исключительность ни чѣмъ не

*) Schüle. Handbuch der Geisteskrankheiten. 1878.

оправдывается. Я отмѣчу одинъ пунктъ, на который онъ указываетъ: пунктъ этотъ какъ нельзя лучше совпадаетъ съ моими взглядами. На стр. 3-й онъ говоритъ: «Душевные болѣзни суть расстройства мозга и *еще нѣчто болѣе этого*». Это «*нѣчто болѣе*» проистекаетъ отъ взгляда на пациента, не только какъ на страдающаго отъ мозгового расстройства, но какъ на духовное существо, — продуктъ прежнихъ поколѣній, такъ что его предшественники должны быть изучаемы въ числѣ причинъ психическихъ условій его безумія. Такое признаніе индивидуума за продуктъ расы и, слѣдовательно, индивидуальных аномальностей за слѣдствіе аномальностей предковъ есть настоящая біологическая точка зрѣнія; но только она должна быть дополнена соціологической, которая признаетъ, что индивидуальный духъ — продуктъ общаго духа (см. § 120).

Если переменна точки зрѣнія, заставившая изучать душевные болѣзни какъ симптомы органическихъ болѣзней, оправдывается успѣхомъ современнаго лѣченія; если, — въ чемъ компетентное лицо ни мало не усомнится — наше пониманіе душевныхъ болѣзней состоитъ изъ сліянія фізіологическаго толкованія и клиническаго наблюденія, то ясно, что этотъ методъ — единственный, помощью котораго мы можемъ надѣяться достигнуть пониманія нормальныхъ умственныхъ дѣйствій.

22. Задачи будущаго очевидны: фізіологія обрисуетъ намъ органическія условія наблюдаемыхъ явленій, объясняя отправленія чувствъ посредствомъ чувствующаго механизма. Она сперва изучитъ человѣка, какъ животное. Психологія, получивши отъ фізіологіи теорію механизма, прослѣдитъ вліяніе этого механизма на отправленія и способности, вытекающія изъ приспособленія механизма къ космосу и обществу. Она изучитъ человѣка,

какъ общественное животное. Исторія покажетъ намъ картину развитія простыхъ эмоцій и понятій грубаго, варварскаго общественнаго состоянія въ вѣчно растущую сложность духовнаго міра цивилизованныхъ обществъ. Она покажетъ: какъ организмъ, незамѣтно измѣняемый въ своемъ внѣшнемъ строеніи и основныхъ чертахъ механизма, въ психическихъ отправленіяхъ пріобрѣтаетъ преобладаніе человѣка надъ животнымъ, какъ чувства развиваются изъ эмоцій, безличныя побужденія изъ личныхъ, наука изъ опыта. Животное основаніе никогда не позабудется; соціальная перестройка никогда не отсутствуетъ вполнѣ. Съ перваго часа своего существованія, человѣкъ есть соціальная единица; онъ живетъ въ обществѣ, душевно развивается имъ и для него.

ГЛАВА II.

МОТИВЪ.

23. Тутъ, какъ и во всякихъ другихъ изслѣдованіяхъ побужденія двояки: спекулятивныя и практическія; спекулятивныхъ побужденій два: теологическое и научное. Теологическія стремленія скрытой струей пробиваются и тогда, когда признанная цѣль не есть установленіе или подрывъ теологическихъ понятій. Г. Коллье въ своемъ трудѣ «Развитіе психологіи» *) видитъ въ теологическихъ стремленіяхъ одинъ изъ двухъ факторовъ, во всѣ времена способствовавшихъ построению нашей науки.

24. Спекулятивный мотивъ изслѣдованія есть познаніе отношеній чувствующаго организма къ космическимъ и социальнымъ условіямъ, среди и помощью которыхъ онъ существуетъ. Практическая цѣль помогаетъ желанію измѣнить наши импульсы и приспособить наши дѣйствія къ этимъ внѣшнимъ условіямъ или измѣнить эти внѣшнія условія и приспособить ихъ къ нашимъ нуждамъ. Истинная цѣль познанія есть регулированіе нашего поведенія. Конечная цѣль жизни есть благосостояніе въ самомъ отвлеченномъ его выраженіи. Каждый организмъ сторонится отъ непріятнаго и безпокоющаго и стремится къ тому, что гармонируетъ съ нимъ. Дѣйствіе есть необходимость.

*) Westminster Review, N^o cc.

Все что въ нашей власти, это — направленіе дѣятельности; она ежеминутно руководится нервными возбужденіями и ощущеніями, которыя могутъ быть пріятными и тягостными. Научаемый ими индивидуумъ учится направлять свою дѣятельность. Разширяющійся опытъ развиваетъ склонность къ предвидѣнію, зачаточную у животныхъ и дикарей, явную у цивилизованнаго человѣка. Видя непосредственныя условія и чувствованія, съ помощью этой склонности, мы рисуемъ себѣ картину будущихъ условій и чувствъ, благодаря чему настоящія дѣйствія ограничиваются и приспособляются къ предусмотрѣннымъ обстоятельствамъ. Эта отвлеченная способность вызвала смутные и колеблющіеся образы невидимыхъ силъ, — предполагаемыхъ причинъ всѣхъ видимыхъ измѣненій. Эти силы захватили душу и заставили отнынѣ обращаться къ нимъ, какъ къ причинѣ внѣшнихъ измѣненій. Стало яснымъ, что къ нимъ необходимо приспособить свои дѣйствія. Если ихъ можно познать, то возможно измѣнить ихъ рѣшенія мольбой, жертвой или какимъ нибудь другимъ видомъ ходатайства, точно также какъ умилоствляютъ старѣйшинъ и власть. Можно разчитывать быть имъ пріятнымъ, смягчить ихъ суровость, обезпечить себѣ ихъ благосклонность лестью или принесеніемъ въ жертву другихъ. Въ такомъ состояніи находится большая часть человѣчества.

25. Но пробиваются лучи болѣе яснаго дня. Умственное развитіе маленькаго меньшинства, ежедневно однако растущаго, измѣнило эти невидимыя силы въ видимыя свойства и понятныя отношенія. Страхъ смѣняется желаніемъ знать. Опытъ замѣняетъ личное вмѣшательство, повиновеніе провѣреннымъ законамъ занимаетъ мѣсто вѣры въ молитвы. Надежда измѣнить невидимое церемоніями и жертвами уступаетъ мѣсто на-

деждѣ приспособить къ нашимъ нуждамъ свойства вещей; а гдѣ это невозможно, убѣжденіе въ такой невозможности научаетъ покоряться и заставляетъ насъ стараться соразмѣрять наши побужденія съ неумолимыми силами. Поэтому научное отношеніе есть смѣшеніе сильнаго желанія и терпѣливой покорности. Оно не надѣется болѣе измѣнить порядокъ природы мольбами и церемоніями, лестью и самоосужденіемъ и не подражаетъ тѣмъ дикарямъ, которые рассчитываютъ поймать рыбу въ сѣтъ, воспѣвая ей похвалы на берегу рѣки и смиренно приглашая ее быть могущественнымъ ихъ вождемъ.

26. Люди скоро догадались, что одно познаніе свойствъ вещей не есть единственный важный предметъ изслѣдованія. Они также нашли, что ихъ личное благосостояніе не есть единственная цѣль, къ какой должна стремиться ихъ дѣятельность. Уже по самому существу своему человѣкъ обязанъ жить среди и для другихъ.

Онъ чувствуетъ или понимаетъ, что счастье его семейства, племени, народа и наконецъ счастье человечества находятся въ связи съ его собственнымъ счастьемъ. Его жизнь есть часть соціальной. Ей помогаютъ, ее задѣваютъ нужды и дѣйствія его ближнихъ, которые такимъ образомъ становятся внѣшними условіями его существованія, наравнѣ съ космическими, и должны быть изучаемы съ такой же осмотрительностью. Общество гораздо болѣе измѣняется, чѣмъ природа; и управляющія имъ силы, именно: страсти, чувства и мысли, — могутъ быть измѣнены либо непосредственнымъ дѣйствіемъ на нихъ, либо черезъ косвенное вліяніе на породившія ихъ условія. Многія изъ этихъ измѣненій самобытно совершаются взаимодействіемъ человѣческихъ побужденій и необходимымъ подчиненіемъ внѣшнимъ фактамъ.

Сознательныя усилія къ достиженію той же цѣли главнымъ образомъ группируются въ двухъ важныхъ искусствахъ: въ воспитаніи, — искусствѣ, прилагаемомъ къ индивидууму и въ правленіи, — искусствѣ, прилагаемомъ къ обществу.

27. Такимъ образомъ мы пришли къ практическому мотиву, къ важности психологіи для установленія истинныхъ началъ педагогіи и политики. Развитіе общества выражается въ опредѣленныхъ учрежденіяхъ религіи, закона, нравственности, науки, искусства — въ учрежденіяхъ, т. е. въ органахъ человѣчества съ ихъ социальными отправлениями. Каждое учрежденіе оправдываетъ свое существованіе и не ищетъ другихъ доказательствъ своей полезности, кромѣ того, что оно удовлетворяетъ индивидуальнымъ нуждамъ и служитъ социальнымъ цѣлямъ. Разъ установленная, наука имѣетъ социальную функцію. Она изслѣдуетъ свой предметъ изъ собственныхъ соображеній, съ весьма отдаленнымъ отношеніемъ ко всякой другой цѣли; однако, будучи социальной функціей, она приноситъ пользу обществу. Во многихъ изъ своихъ изысканій она можетъ не стремиться къ какой нибудь другой выгодѣ, кромѣ развитія и процвѣтанія интеллекта; польза все же будетъ велика, не для индивидуума, разсматриваемаго особо отъ общества, но для самаго общества, слугою котораго является интеллектъ.

28. Впослѣдствіи мы прослѣдимъ выростаніе интеллекта изъ интеллекгенціи, то-есть систематизацію опытовъ въ методическихъ символахъ, какъ продуктъ общественнаго развитія. Всякое познаніе въ началѣ есть эмоція. Мы только то *видимъ*, что насъ *интересуетъ*. Ни одно явленіе не интересно, пока не освѣщено эмоціей и мы не видимъ, или не предвидимъ его связи съ нашими чувствами. Даже такое поразительное явленіе, какъ блескъ

молніи, для собаки или ребенка незамѣтный фактъ, потому что они еще не научились соединять этотъ фактъ съ измѣненіями въ собственной жизни. Для развитаго ума и отдаленныя событія доисторическихъ временъ или возможные измѣненія въ звѣздномъ небѣ представляютъ уже животрепещущій интересъ, такъ какъ они входятъ въ широкую область умственныхъ волненій или удовлетворяютъ теоретической дѣятельности, происшедшей отъ сильнаго умственнаго голода. Безличный и косвенный интересъ замѣняютъ личный и прямой интересъ неразвитаго человѣка. Съ страстнымъ нетерпѣніемъ изучаются факты, имѣющіе самое отдаленное отношеніе къ жизни людей и никакого вліянія на ихъ современныя нужды, кромѣ одного удовлетворенія потребностей ума.

29. Такимъ образомъ желаніе понять операціи духа имѣетъ тотъ же источникъ, какъ и желаніе понять явленія природы: признаны ли эти факты за имѣющіе непосредственное практическое значеніе или нѣтъ — все равно. Умъ, свѣдя ви́шнія явленія къ извѣстной системѣ идеальныхъ построеній, стремится достигнуть того же и для внутреннихъ явленій. Космологія кончается біологіей, а эта послѣдняя соціологіей. Этимъ путемъ у философіи готовы всѣ матеріалы для уразумѣнія міра, человѣка и общества.

30. Но, какъ мы это сейчасъ показали, отвлеченный интересъ хотя и достаточенъ, не есть однако единственный мотивъ: практическіе результаты и желательны и различимы при этомъ. Педагогія стоитъ въ такомъ же отношеніи къ психологіи, какъ гігіена и медицина къ фізіологіи. Правда, воспитатели рѣдко признавали это отношеніе и продолжали свои изысканія эмпирическимъ и традиціоннымъ путемъ, все равно, что ученые, изу-

чавшіе медицину и даже по той же причинѣ, т. е. благодаря несовершенству психологіи и фізіологіи. По этому-то ученье и могутъ до сихъ поръ спорить о зависимости ихъ практики отъ науки. Но тотъ неоспоримый фактъ, что педагогія и медицина до сихъ поръ слѣдовали собственному своему эмпирическому методу, обращая мало вниманія на науку, отчасти происходитъ отъ различія между практикой и теоріей, отчасти же отъ настоятельности практическаго приложенія, не позволяющей ждать конечныхъ результатовъ изслѣдованія и систематизаціи ихъ въ отвлеченныхъ принципахъ. Ребенокъ долженъ быть воспитанъ, а пациентъ лѣчимъ тѣми средствами, которые находятся подъ рукой; наставникъ и докторъ должны пользоваться только тѣмъ свѣтомъ, который у нихъ есть; они не могутъ ждать пока наука выдѣлитъ изъ массы предразсудковъ, поспѣшности, невѣжества и познаній истинные законы духовной и тѣлесной жизни. Все это такъ. Тѣмъ не менѣе, также вѣрно и то, что и наставникъ и докторъ руководились психологическими и фізіологическими теоріями, господствовавшими въ ихъ время, хотя и дополняя ихъ эмпирическими наблюденіями и традиціонными предразсудками и слѣдуя этимъ послѣднимъ даже въ случаѣ несогласія ихъ съ провѣренными законами науки. Нелѣпыя понятія, касающіяся природы духа, ея простоты, самостоятельности, независимости отъ организма, ея тождества во всѣхъ людяхъ легко различимы въ текущей практикѣ воспитателей, — также, какъ и прежде нелѣпыя понятія относительно жизненнаго начала и сущности, именуемой *богъзнью*, руководили медицинской практикой.

Разъ признано, что педагогія — искусство, научное основаніе котораго — психологія, важность имѣть раціональное и истинное основаніе, вмѣсто непровѣреннаго,

становится очевидной. И пропорціонально тому, какъ психологія станетъ получать научную точность, ея вліяніе на воспитаніе сдѣлается болѣе благодѣтельнымъ. И такимъ же образомъ болѣе совершенная фізіологія поведетъ къ лучшей медицинѣ, не устраняя, конечно, тѣхъ затрудненій, которыя являются при каждомъ практическомъ приложеніи отвлеченныхъ началъ.

Познаніе того: какимъ путемъ развиваются способности, организуются впечатлѣнія, образуются нравственныя и научныя идеи, усваются привычки и какъ строеніе не менѣе, чѣмъ содержаніе духа, получаетъ свой индивидуальный характеръ, благодаря безмолвнымъ и непрестаннымъ измѣненіямъ опыта, — сдѣлають родителей и наставниковъ весьма чуткими къ важности тѣхъ условій, среди какихъ протекають ранніе годы ребенка. Всякій, внимательно изучавшій развитіе способностей, видитъ все безуміе и глупость оставленія дѣтей на попеченія невѣжественныхъ слугъ и пошлыхъ товарищей, въ періодъ, когда впечатлѣнія такъ неизгладимы, въ періодъ, когда, какъ мы знаемъ, складываются зародыши будущаго характера. Если выходя изъ той же дѣтской, изъ той же школьной комнаты и, по видимому, изъ той же среды дѣти однихъ родителей до того не сходны по наклонностямъ, талантамъ и темпераментамъ, то должно быть принято въ соображеніе, что различіе въ организмахъ, даже подъ одинаковыми условіями, порождаетъ различіе весьма важнаго элемента — индивидуальнаго опыта. Получить хоть лучъ познанія того пути, на которомъ образуются позывы и наклонности, есть первая задача родителей и наставниковъ.

31. Хотя политика, какъ искусство, скорѣе принадлежитъ соціологіи, чѣмъ психологіи, она необходимо извлечетъ большую выгоду изъ послѣдней. Она должна

принять во вниманіе, каковы были тѣ вліянія, среди которыхъ сложился настоящій характеръ народа и каковы будутъ отношенія этого характера къ теоретическимъ реформамъ. Трुизмъ ли это? Если да, то зачѣмъ эта истина такъ упорно пренебрегалась социальными теоретиками и реформаторами? Мысль перестроить общество инымъ путемъ, чѣмъ черезъ медленный процессъ воспитанія, нравственнаго и умственнаго, приготовляя его членовъ къ новымъ учрежденіямъ, не менѣе стара, чѣмъ старая мысль возродить разстроенный организмъ другими средствами, а не медленнымъ процессомъ діеты и физиологическаго возстановленія силъ. Практическое обновленіе общества должно быть основано на существующихъ интересахъ и стремленіяхъ общественныхъ классовъ. Отвлеченная теорія о возможномъ будущемъ обществѣ есть пророческое видѣніе, въ которомъ существующіе факты игнорируются или преобразовываются. Но для обѣихъ цѣлей, познаніе существующихъ и возможныхъ стремленій человѣка необходимо, вмѣстѣ съ познаніемъ психологическихъ законовъ, всё равно что познаніе физическихъ законовъ при практическихъ или теоретическихъ усиліяхъ: — измѣнить внѣшній міръ.

32. Теперь, когда мы отвѣтили на вопросы, что мы изучаемъ и зачѣмъ, остается послѣдній вопросъ, — какъ намъ слѣдуетъ изучать предметъ. И такъ какъ это самый важный изъ всѣхъ трехъ вопросовъ, то онъ требуетъ болѣе полнаго обсужденія. Сначала, мы опредѣлимъ мѣсто, занимаемое нашей наукой въ ряду прочихъ.

ГЛАВА III.

ПОЛОЖЕНІЕ НАУКИ.

33. Еще недавно всеобщее мнѣніе указывало психологіи мѣсто среди спеціальной группы нравственныхъ наукъ, которыя считались діаметрально противоположными физическимъ наукамъ, какъ по содержанію, такъ и по методамъ. Предполагали, что науки о человѣческой природѣ до того мало имѣютъ общаго съ науками о природѣ вообще, что ихъ логика и способы провѣрки вполне различны. Люди вѣрили въ сосуществованіе двухъ независимыхъ порядковъ фактовъ, имѣющихъ общее основаніе въ другомъ мірѣ, именно въ сверх-чувственномъ, существованіе котораго выдвигала, какъ догматъ, теологія и, какъ научное положеніе, метафизика. Такимъ образомъ Богъ, человѣкъ и природа составляли три предмета познанія, доступныя съ трехъ разныхъ сторонъ.

Физическія науки понемногу отдѣлились отъ теологіи и метафизики; имъ дозволили слѣдовать ихъ собственному методу. Нравственныя науки продолжали составлять особый классъ, даже и тогда, когда настолько эманципировались, что обособили свой спеціальный предметъ— факты и законы человѣческой природы. Затѣмъ послѣдовало признаніе того, что человѣкъ, будучи частью природы, долженъ быть изучаемъ по тому методу, который

одинъ успѣшно былъ прилагаемъ къ изученію природы. Но это признаніе было ограничено одними тѣлесными отправленіями человѣка; по отношенію къ духовнымъ его отправленіямъ сохранилась старая увертка: не утверждая прямо, что человѣкъ, какъ мыслящее существо не составляетъ части природы, философы настаивали на томъ, что духъ ничего не имѣетъ общаго съ природой; будучи вполне явленіемъ *sui generis*, онъ не могъ быть подведенъ къ тѣмъ же законамъ. Схоластическій догматъ, что духъ составляетъ исключительную область теологіи, а тѣло и аффекты чувствъ уступаются изучающимъ природу *), хотя и не выраженное ясно, безмолвно принимался. Однако и это подвергалось измѣненію. Смѣлыми мыслителями теперь, безъ колебаній, допускается, что духъ есть форма или отправленіе жизни и что, слѣдовательно, методъ, избираемый при изученіи жизненныхъ условій, есть единственный раціональный, какаго можно держаться и при изученіи духовныхъ явленій. Существуютъ различія въ приложеніяхъ, въ относительномъ размѣрѣ наблюденія, опыта и субъективнаго толкованія, но для всѣхъ наукъ есть одна общая логика и одинъ общій методъ. Поэтому, ростомъ физическихъ наукъ обусловленъ ростъ психологіи. Важность этого допущенія — огромная. Въ статьѣ о развитіи психологіи въ Англіи, Коллье мѣтко указываетъ, какъ прогрессъ въ психологіи облегчался на всѣхъ ея ступеняхъ развитіемъ физическихъ наукъ **).

34. Наука есть систематизація нашихъ опытовъ; она есть методическій и обобщенный здравый смыслъ. Она

*) Тома Аквинскій: *Summa Theologiae* I qu LXXV.

**) *Westminster Review* № сс. Въ этомъ этюдѣ не упоминается о Кабанисѣ, Галлѣ, Гельмгольцѣ и Вундтѣ, труды которыхъ прекрасно бы поддержали нашу мысль.

сводить къ двумъ точкамъ зрѣнія все, что мы почувствовали или можемъ чувствовать: къ субъективной или личной и объективной или безличной. Каждый случай, каждое чувство имѣетъ эту двоякую природу т. е. неразрывно объективны и субъективны, сообразно способу воспріятія. Я имѣю ощущение. Разсматриваемое объективно оно — состояніе моего организма; субъективно — состояніе моей духовной дѣятельности. Я до того могу отвлечь чувство отъ моей личности, что увижу его внѣ себя, какъ объектъ, причину. Тогда я говорю, что это ощущение есть пламя, цвѣтъ, форма. Но точно также я могу лишить чувство его объективной природы и разсматривать его только, какъ измѣненіе въ моемъ сознаніи. Благодаря такому искусственному отвлеченію, реальная неотдѣлимость двоякой природы явленія обойдена и такъ какъ оно съ каждой точки зрѣнія получаетъ свое особое имя, то разсматривается, какъ два независимыхъ существа. Тогда мы перестаемъ думать *объ объектахъ, какъ о чувствахъ*. Мышленіе можетъ убѣдить насъ, что предметы суть группы чувствъ, такъ какъ всѣ ихъ качества познаются нами только чрезъ оцѣнку нашихъ чувствъ или чрезъ символическое понятіе о нихъ; но когда мы думаемъ и видимъ объекты и качества, мы невольно выдѣляемъ ихъ изъ сферы нашихъ чувствъ и считаемъ ихъ за безличныя существа, а качества ихъ приписываемъ ихъ природѣ, а не нашей. Точно также и чувствуя ощущение или думая о немъ, мы обособляемъ его отъ объективной его природы, его истинной причины, и считаемъ его просто движеніемъ нашей духовной природы.

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАКОНЫ.

35. Эти отвлеченія не только безспорно истинны, но и весьма важны для насъ. Основываясь на нихъ, мы дѣлимъ науку на законы объекта и субъекта, или, другими словами, на законы природы вообще и человѣческой природы. Первые обнимаютъ космологію и біологію. Факты наблюдаются, классифицируются и располагаются по послѣдовательности и зависимости своей. Они объяснены, когда сведены къ своимъ факторамъ, къ условіямъ своего существованія. Они выражаются въ отвлеченныхъ формулахъ, въ такъ называемыхъ законахъ природы, которые, какъ мы должны помнить — ни реальности, ни описанія ихъ, а *идеальныя построенія*, представляющія собой постоянные элементы измѣняющихся комбинацій.

Вторая группа обнимаетъ законы человѣческой природы, какъ законы субъекта. Начинаясь психологіей и кончаясь соціологіей, она предполагаетъ существованіе объективныхъ законовъ, какъ законы природы предполагаютъ существованіе субъективныхъ. Біологія есть посредствующее звено между космологіей и соціологіей; съ объективной стороны она является наукой физической; съ субъективной — нравственной.

36. Часто полагаютъ, что эти двѣ противоположныя группы раздѣляются пропастью, которую не перешагнешь, даже и при спекулятивной ловкости. Однако, глядя объективно на явленія природы вообще и человѣческой, мы можемъ расположить ихъ, въ восходящемъ порядкѣ, отъ минераловъ до человѣка и отъ индивидуума до общества. Всѣ виды существованія могутъ быть, такимъ образомъ, расположены лѣстницей, по ихъ сложности. Но какъ

только эти самыя явленія разсматриваются субъективно то-есть не какъ виды существованія, а какъ *субъекты* или существа, образуется провалъ на томъ мѣстѣ лѣстницы, гдѣ силы являются чувствами. Я хочу сказать, что нѣтъ объективной разницы между наблюдаемыми дѣйствіями, произведены ли они силами или чувствами: оба класса явленій могутъ быть выражены въ терминахъ матеріи и движенія. Но при субъективномъ освѣщеніи видна глубокая разница, вытекающая изъ присутствія въ одномъ классѣ фактора чувствительности, котораго не имѣетъ другой классъ: и когда въ терминахъ чувства можно выразить матерію и движеніе, то нѣтъ выраженія для чувства въ терминахъ матеріи и движенія.

37. Допуская это и обращая особенное вниманіе на различіе между объективными и субъективными фактами, мы, тѣмъ не менѣе, признаемъ, что наблюденія, классификація и объясненіе явленій обоихъ классовъ должны быть совершены по одинаковому методу. Законы человѣческой природы могутъ быть познаны тѣмъ же путемъ, какъ и законы внѣшней природы. Физики свели всѣ объективныя явленія къ законамъ движенія и къ одному общему понятію о силѣ, измѣряющей всѣ разнообразныя явленія одной мѣркой. Они предполагаютъ одну силу, являющуюся во многихъ видахъ, и одинъ законъ сохраненія, обнимающій всѣ эти виды. Мы не можемъ знать, точно ли передаетъ это понятіе истинную природу; довольно и того, что оно выражаетъ объективныя отношенія путемъ, допускающимъ *вычисленіе*. Единство, приписываемое физическимъ силамъ, только количественное, — общая мѣрка, прилагаемая къ объективнымъ явленіямъ, — но не качественное выраженіе ихъ объективной и субъективной природы. Извѣстнымъ пріемомъ субъективныя взгляды на явленія могутъ быть сведены къ чувству, и если мы

можемъ установить общіе законы чувствованія, они будутъ стоять на равнѣ съ объективными законами силы.

38. Но такіа метафизическія разсужденія здѣсь не къ мѣсту. Нашъ исходный пунктъ есть тотъ, что логика науки остается той же, выражены ли явленія въ объективныхъ или субъективныхъ терминахъ. Ощущеніе или мысль послѣдовательно могутъ быть разсматриваемы какъ физическое или какъ духовное измѣненіе. Обыкновенно, ихъ ставятъ между субъективными фактами, но это все же не извлекаетъ ихъ изъ объективнаго міра, а только точнѣе указываетъ на нашу точку зрѣнія. Прослѣдимъ контрастъ. Законы тяготѣнія и диффузіи — несомнѣнно законы объекта и находятся въ рѣзкой противоположности съ закономъ ассоціаціи, который, точно также несомнѣнно, законъ субъекта. Всякій назоветъ первые законами матеріи, а второй духа. Почему? Потому, что въ одномъ случаѣ насъ до того интересуютъ объективныя отношенія, что субъективная точка зрѣнія совершенно оставляется безъ вниманія и законы представляются намъ вполнѣ независимыми отъ духа, который вывелъ ихъ, — взглядъ очевидно ошибочный; а въ другомъ случаѣ насъ занимаетъ субъективная сторона; мы думаемъ только объ ассоціированныхъ чувствахъ, а не о внѣшнихъ фактахъ, которые сопряжены съ ними, не о соотносительныхъ, въ физическомъ мірѣ, нервныхъ процессахъ.

Въ скобкахъ мы можемъ отмѣтить двойную ошибку, вытекающую изъ обособленія одной точки зрѣнія отъ другой. Впервыхъ, существуетъ убѣжденіе, что явленія, которыя, очевидно — частичные продукты нашей чувствительности, тѣмъ не менѣе существуютъ со всѣми ихъ ощутимыми качествами и тамъ, гдѣ никакая чувствительность не содѣйствуетъ имъ. Ошибка давно была признана философами, которые однако не замѣтили другой ошибки, именно будто

идеи могутъ ассоціироваться и одно духовное состояніе можетъ вызывать другое и при отсутствіи органическихъ состояній, одной силой субъективной дѣятельности. Это тоже, что предположить, что одно движеніе вызываетъ другое чисто динамическимъ вліяніемъ, при отсутствіи двигающаго тѣла и условій движенія. Но мы увидимъ, что Д. Стюартъ Милль впалъ въ ту же ошибку (§ 42).

Возвратимся къ закону тяготѣнія. Ясно, что онъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ субъективный законъ, а законъ ассоціаціи, какъ объективный, если мы перемѣнимъ точки зрѣнія. Факты, наблюдаемые и приводимые въ систему, конечно, суть воспріятія наблюдателя и законъ, управляющій этими наблюденіями, несомнѣнно идеальное построеніе, не имѣющее объективной реальности. Какъ законъ тяготѣнія, такъ и законъ ассоціаціи, оба суть символическія понятія, а то, что они символизируютъ, состоянія чувства. Если мы думаемъ съ этой стороны, они оба психологическіе факты. Если же мы думаемъ о нихъ объективно, одинъ — математическій фактъ, а другой — психологическій.

39. Настолько — объ общемъ вопросѣ. Но въ біологіи онъ получаетъ особую окраску, такъ какъ тутъ впервые становится очевидной двоякая природа явленій, благодаря тому, что нашъ интересъ къ субъективной сторонѣ, — къ чувству, равенъ нашему интересу къ объективной — къ силѣ. Біологія занимаетъ несомнѣнное мѣсто между объективными науками; правда, жизненные явленія обособляются, однако они представляютъ лишь частную разновидность общихъ свойствъ матеріи и могутъ быть выражены въ терминахъ силы. Біологія-же занимаетъ мѣсто и среди субъективныхъ наукъ, коль скоро между ея явленіями находятся явленія духа. Въ своемъ

развитіи она проходитъ отъ прозябаемости къ животности жизни, а отъ нея къ человѣчеству. Въмѣстѣ съ животной жизнью даетъ себя знать новый факторъ — чувствительность. Съ человѣческой жизнью всплываетъ еще новый факторъ — общественность. Хотя факты животной и человѣческой жизни, разсматриваемые объективно, выразимы въ терминахъ силы, но обыкновенно ихъ выражаютъ терминами чувства. Изъ этого вытекаетъ длинный споръ объ истинномъ положеніи психологіи среди наукъ; нѣкоторые писатели видятъ въ ней вѣтвь біологіи, другіе отдѣляютъ ее отъ нея и даютъ ей самостоятельное положеніе.

Мои собственныя воззрѣнія на этотъ предметъ такъ часто колебались, что я не могу остаться равнодушнымъ къ затрудненіямъ, какія онъ представляетъ. Я лучше познакомя читателя съ моимъ окончательнымъ рѣшеніемъ этого вопроса, разбирая доводы трехъ мыслителей, съ положеніями которыхъ я всего болѣе согласенъ.

ВЗГЛЯДЫ КОНТА, МИЛЛЯ И СПЕНСЕРА.

40. О. Контъ съ пренебреженіемъ и, какъ я думаю, ошибочно отвергъ методъ самонаблюденія и не давалъ мѣста психологіи, разработанной этимъ методомъ, среди другихъ основныхъ наукъ. Поэтому онъ былъ часто, и съ очевидной несправедливостью, обвиняемъ въ томъ, что отрицалъ возможность науки о нравственныхъ и умственныхъ отправленіяхъ. Конечно, онъ никогда не думалъ отрицать или умалять психологическихъ фактовъ и законовъ ихъ; но онъ утверждалъ, что они чисто біологическіе факты, и такъ и должны быть изучаемы. Никто не взводилъ этого обвиненія на Канта, однако и

онъ отрицалъ, чтобы психологія могла быть независимой наукой. И, какъ Контъ относилъ ее къ біологіи, такъ и онъ считалъ ея факты — фактами трансцендентальной логики, а когда онъ покинулъ эту трансцендентальную область, то отнесъ эти факты къ антропологіи. Я согласенъ съ тѣми, которые говорятъ, что Контъ неправъ, отвергнувъ самонаблюденіе, и его ошибка становится еще болѣе очевидной при изложеніи его мозговой теоріи (*Politique positive* I, 675 и слѣд.), явно основанной на субъективномъ анализѣ; она такъ далеко завела его, что даже положеніе воображаемыхъ «органовъ» не обозначено объективно. Оставляя это въ сторонѣ, я считаю его правымъ, когда онъ провозглашаетъ, что теорія нравственныхъ и умственныхъ отправленій можетъ принадлежать только теоріи организма, такъ какъ психологія есть вѣтвь біологіи.

41. Стюартъ Милль сдѣлалъ противоположную ошибку. Обращеніе главнаго вниманія на субъективную точку зрѣнія, и слѣдовательно на самонаблюденіе, заставило его отдѣлить психологію отъ біологіи не какъ видъ отъ рода, но какъ совершенно различные роды. Существованіе единообразій въ послѣдовательности состояній духа, подлежащихъ провѣркѣ опыта и наблюденія, доказывало, что отдѣльная наука о такихъ состояніяхъ возможна. И онъ утверждалъ, что единственный методъ ихъ изученія есть самонаблюденіе, ибо, хотя ощущеніямъ и предшествуютъ нервныя состоянія, хотя и вѣроятно, что всѣмъ состояніямъ духа предшествуютъ нервныя измѣненія, однако мы такъ мало знакомы съ характеромъ этихъ нервныхъ состояній, что явленія духа не могутъ быть выведены изъ фізіологическихъ законовъ нашей нервной организаціи (*Logic*, II, 432, 6 edit).

Будь Милль лучше знакомъ съ фізіологіей, онъ зналъ

бы, что многія душевныя явленія были установлены, а еще большее число ихъ объяснено законами нашей нервной организаціи. И этому необходимо слѣдовало быть, если состояніе организма и духа — только различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же процессъ. Но Милль не имѣлъ ясныхъ свѣдѣній объ этомъ. Напротивъ, онъ настаивалъ на обыкновенномъ ошибочномъ пониманіи нервныхъ процессовъ, какъ чего-то предшествующаго и производящаго процессы духа. Я уже говорилъ, что это тоже, какъ сказать, что выпуклость — предшествующее ея вогнутости. Чтобы отдѣлаться отъ двусмысленности, мы замѣтимъ, что есть нервныя процессы, которые можно разсматривать такимъ образомъ; напримѣръ, раздраженіе ретины: — оно есть первое звено сложнаго процесса, послѣднее звено котораго — ощущеніе зрѣнія. Оно можетъ быть произведено, не вызывая за собой конца чувственнаго процесса, называемаго зрѣніемъ. Но не это подразумѣвается, когда какое-нибудь состояніе нервовъ или организма называютъ физическимъ соотвѣтствіемъ состоянію духа; не изолированное звено, но общая сложность есть причина или группа условій духовнаго продукта. Какой-нибудь прецедентъ, составляющій только первоусловіе или изолированное условіе, можетъ казаться причиною только иносказательно.

42. Очевидно, что Милль никогда не придерживался той точки зрѣнія, которую мы только что обозначили. «Непосредственная причина», говоритъ онъ, «всѣхъ состояній духа: либо другія состоянія духа, либо состоянія тѣла.» Это раздѣленіе показываетъ, что онъ признавалъ существованіе состояній духа, которыя не суть, въ тоже время, и состоянія тѣла. Состоянія чего-же они въ такомъ случаѣ? Онъ не вѣрилъ въ существованіе духа, оживляющаго тѣло, хотя такая вѣра и была бы послѣ-

довательна его воззрѣніямъ. Странная несообразность: признавать духъ за отправленія организма и все же предполагать, что нѣкоторыя духовныя функціи не имѣютъ органическихъ условій. Состоянія духа всегда порождаемы состояніями духа-же и они-же, на объективный взглядъ, выходятъ состояніями тѣла. Онъ говоритъ: «когда состояніе духа произведено состояніемъ духа, я называю законъ, вызвавшій его, закономъ духа». Значить: когда процессъ разсматривается субъективно, законъ выходитъ психологическій. Но онъ прибавляетъ: «когда состояніе духа непосредственно вызывается состояніемъ тѣла, законъ этотъ есть законъ тѣла и принадлежитъ къ наукамъ физическимъ». — Вотъ тутъ-то и смѣшеніе. Производительность есть всегда, и прямо, состояніе тѣла; но дѣлается-ли фیزیологическій законъ, если на него посмотрѣть, какъ на измѣненіе въ организмѣ, и закономъ психологическимъ, — когда взглянешь на него какъ на измѣненіе въ чувствѣ? Въ обоихъ случаяхъ различны точки зрѣнія, но фактъ тотъ же. Возьмите, напримѣръ, меланхолическое настроеніе. Это есть душевное состояніе и законъ его, разсматриваемый субъективно — психологическій законъ; а его причины — несчастная любовь или паденіе фондовъ; тутъ всѣ условія — психологическіе опыты, въ которыхъ нѣтъ и намека на органическія условія. Но это же самое настроеніе — состояніе организма и, разсматриваемое объективно, сказывается измѣненіемъ въ отдѣленіяхъ и нарушеніемъ нервнаго равновѣсія. Въ этомъ случаѣ слѣдствія также исключительно фیزیологическія, какъ въ другомъ они были чисто-психологическими.

43. Введенный въ обманъ этимъ ложнымъ взглядомъ, Милль, хотя и признавалъ, что всѣ ощущенія, конечно, зависятъ отъ тѣла, считалъ однакоже открытымъ во-

прось: зависятъ ли другія душевныя состоянія отъ состояній нервныхъ? Не утверждая этого положительно, онъ говорилъ, что разумно было бы предположить, что идеи не въ примѣръ ощущеніямъ — «могутъ быть вызваны въ силу законовъ духа, которые независимы отъ матеріальныхъ условій». Я сожалѣю, что не обратилъ вниманія на эту мысль въ тѣ годы, когда я имѣлъ счастье быть дружнымъ съ этимъ замѣчательнымъ философомъ; тогда я могъ бы разъяснить, что онъ хотѣлъ сказать положеніемъ, кажущимся теперь до того гадательнымъ. Единственное объясненіе, позволяющее благовидно защищать это положеніе, есть слѣдующее: мы знаемъ, что понятіе, происшедшее впервые въ слѣдствіе аффекта чувствъ, можетъ быть воспроизведено въ болѣе блѣдной формѣ образа и тогда, когда ни одинъ органъ чувствъ не будетъ непосредственно возбужденъ. Стало быть, это воспроизведеніе независимо отъ нервного процесса, впервые произведшаго его. И если его разсматривать, какъ несвязанное съ такими процессами, то оно считается психологическимъ, а не фізіологическимъ фактомъ. Но замѣтите: и первое произведеніе и послѣдующія воспроизведенія — дѣятельности организма и обусловлены состояніями организма, извѣстны ли они намъ или нѣтъ — все равно. Эти состоянія не одни и тѣ-же въ обоихъ случаяхъ; а состоянія духа, — ощущеніе и образъ — не тождественны. Мы не въ правѣ называть одно состояніе духовнымъ, а другое тѣлеснымъ, по той лишь причинѣ, что въ одномъ случаѣ мы можемъ открыть извѣстныя опредѣленные условія возбужденія органовъ чувствъ, а въ другомъ мы можемъ только смутно указать на нѣкоторыя измѣненія въ чувствилищѣ. — Изъ того факта, что мы можемъ имѣть цѣловыя ощущенія, внутренне возбужденныя, цѣлые годы послѣ

того, какъ глаза первоначально, породившіе это ощуще-
ніе, выколоты, очевидно, что мѣсто ощущеній — въ чув-
ствилищѣ, а не въ глазѣ, но не очевидно, что ощуще-
нія — состоянія тѣла, въ одномъ случаѣ, и духа — въ
другомъ. Словомъ, говорить о «законахъ духа», незави-
симыхъ отъ матеріальныхъ условій, позволительно спи-
ритуалисту, но — непозволительная непослѣдовательность
со стороны того, кто признаетъ духъ отправленіемъ ор-
ганизма. Правда, что законы духа часто намъ извѣстны
и тогда, когда и не подозрѣвается существованіе мате-
ріальныхъ условій, или эти послѣднія только гипотетиче-
ски предполагаются; научное же правило: объяснять факты
посредствомъ извѣстныхъ, а не неизвѣстныхъ условій —
заставляетъ насъ часто оставлять фізіологическую точку
зрѣнія для психологической. Другая причина этого слѣ-
дующая: такъ какъ фізіологія занята механизмомъ и его
отправленіями, больше въ его отношеніяхъ къ внѣшней
природѣ, а психологія — опытомъ и способностями, —
предметами, легче выражаемыми въ субъективныхъ тер-
минахъ, — то «матеріальныя условія», постоянно, до того
выпускаются изъ виду (хотя и всегда предполагаются),
что законы духа кажутся независимыми.

44. Въ изложеніи Спенсера мы встрѣтимъ совершен-
но иные доводы. Онъ, блистательно доказываетъ, что духъ
развивается, какъ одна изъ формъ жизни. Поэтому онъ и
долженъ былъ бы признать, что на сколько духовныя
отправленія суть функціи нервной системы, психологія
должна сообразоваться съ фізіологіей этой системы; а
на сколько духъ есть отправленіе живаго организма,
наука о духѣ должна быть вѣтвью общей науки о жиз-
ни. Однако мы видимъ, что онъ допускаетъ это толь-
ко условно. Онъ отдѣляетъ отправленія нервной систе-
мы подъ именемъ *это-фізіологии*, какъ составляющія

лишь подготовительныя условія психологіи, а не прямо принадлежащія къ ней. «Пока мы устанавливаемъ факты, относящіеся прямо къ организму, эти факты морфологическіе и фізіологическіе, а никакъ не психологическіе». Это согласно и съ тѣмъ, что мы прежде говорили. Наше разногласіе начинается тамъ, гдѣ онъ заключаетъ, что переменна во взглядѣ измѣняетъ характеръ самаго факта и что психологическіе факты перестаютъ быть органическими, какъ только рассматриваются субъективно. Его опредѣленіе психологическаго не — субъективный взглядъ на процессъ объективно-фізіологическій, а «отношеніе между нервнымъ процессомъ и чувствомъ, рассматриваемое въ связи съ какимъ нибудь существованіемъ, лежащимъ внѣ организма» *).

Такой великій мыслитель имѣетъ, конечно, право вводить новое опредѣленіе и исходить изъ него въ своемъ изложеніи. Но позволительно и необуѣжденнымъ читателямъ объяснить: отчего они не могутъ принять его. Я не могу понять, какъ отдѣляютъ (иначе, чѣмъ аналитически) факты чувствованія отъ ихъ органическихъ условій и почему психологія должна ограничиться тѣми фактами чувствованія, которыхъ отношеніе къ внѣшнимъ предметамъ очевидно. Прежде онъ допустилъ, что процессы въ нервахъ и въ чувствахъ были двѣ точки зрѣнія на тотъ же предметъ, но, когда онъ доказываетъ,

*) Спенсеръ, Психологія, I, 131, 132. Читателю, знакомому съ трудомъ Спенсера, можетъ быть интересно отмѣтить совпаденіе между его опредѣленіемъ и тѣмъ, которое предложилъ Карусъ въ своей Сравнительной психологіи, 1866 г. Извѣстно, что хотя трудъ Спенсера уже появился тогда, Карусъ не видалъ его. Онъ опредѣляетъ душу, какъ: „Eine in derseben als Empfindendes und Gegenwirkendes, bald leidend, bald thätig sich beweisende *Beziehung* auf ein Aeusseres zum Zweck ihrer eigenen innern Ausbildung und Entwicklung“.

что нельзя понять ихъ отношенія, эта невозможность относится лишь къ пониманію явленія, какъ чего-то отличнаго отъ его условій, а не какъ синтеза или функціи условій (что я прежде и пытался доказать). Если мы разъ допустили, что измѣненіе въ чувствѣ слѣдуетъ и вытекаетъ изъ органическихъ процессовъ, какъ одинъ фактъ слѣдуетъ за другимъ, или какъ взрывъ за искрой, тогда, дѣйствительно, таинственность отношенія чувства къ органическимъ условіямъ станетъ давить насъ съ особой силой: такого пресуществленія невозможно понять. Но чередованіе объективной и субъективной точекъ зрѣнія если не разсѣиваетъ таинственности, то по крайней мѣрѣ придаетъ этому только ту темноту, которая неразлучна со всѣми конечными вопросами.

45. Читатель, быть можетъ, замѣтилъ, что въ прошедшемъ параграфѣ термины: органический и нервный не различаются. Причина этого сдѣлается понятной на слѣдующихъ страницахъ, гдѣ будетъ объяснено, какъ терминъ: нервная или нервно-мускульная система—можетъ, въ обычномъ изложеніи, представлять собой чувствующій механизмъ. Если мы принимаемъ терминъ: «нервный процессъ» просто какъ замѣну молекулярнаго измѣненія въ нервахъ и центрахъ, а не какъ замѣну измѣненія во всемъ чувствующемъ механизмѣ, тогда конечно нервный процессъ есть предшествующее чувства, искра, предшествующая взрыву; и въ этомъ смыслѣ нелѣпо разсматривать нервный и духовный процессы какъ выпуклое и вогнутое. *)

*) Счастливое сравненіе это впервые употреблено Фехнеромъ для объективной и субъективной точекъ зрѣнія и могло быть внушено слѣдующимъ мѣстомъ изъ Аристотеля, на которое мнѣ указалъ очень дорогой и близкій мнѣ человѣкъ: *Λέγεται δὲ περὶ αὐτῆς (ψυχῆς)... τὸ μὲν ἄλογον αὐτῆς εἶναι, τὸ δὲ λόγον ἔχον. ταῦτα δὲ πότερον διώρισται*

46. И въ другомъ еще отношеніи я не могу согласиться съ опредѣленіемъ Спенсера. Когда онъ говоритъ, что каждое психологическое сужденіе необходимо состоитъ изъ двухъ сужденій, изъ которыхъ одно относится къ объекту, а другое къ субъекту, мы можемъ ему на это отвѣтить, что каждое сужденіе основывается на обоихъ. Онъ предвидѣлъ возраженіе, которое должно представиться любому читателю, слѣдившему за его объясненіемъ жизни, «какъ постояннаго приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ». Читатель долженъ спросить: какая же разница между біологическими и психологическими явленіями? Его отвѣтъ, что въ биологіи внѣшнія явленія только безмолвно или случайно признаются, между тѣмъ какъ въ психологіи они признаются открыто и на каждомъ шагу, наврядъ ли есть точное положеніе. Правда, что въ біологіи вниманіе очень часто направлено на одинъ организмъ, а его отношенія къ средѣ только предполагаются. Но это также случается и въ психологіи, гдѣ вниманіе часто занято измѣненіями сознанія, а не физическими, соотносительными имъ, явленіями. Его взглядъ, что никакое психологическое положеніе не выразиимо безъ явнаго и открытаго признанія объективныхъ отношеній, не кажется мнѣ согласнымъ съ фактами. Достаточно трехъ примѣровъ: 1) Чувства, добытыя въ одно и тоже время опытомъ, вызываютъ одно другое; 2) Отдѣльныя воспріятія сгущаются въ понятія посредствомъ обобщенія того, что въ нихъ есть общаго. 3) Воспоминанія суть оживанія прошедшихъ опытовъ. Хотя прав-

καθάπερ τὰ τοῦ σώματος μέρη καὶ πᾶν τὸ μεριστόν, ἢ τῷ λόγῳ δύο ἐστὶν ἀχώριστα πεφυκότα, καθάπερ ἐν τῇ περιφερείᾳ τὸ κερτὸν καὶ τὸ κοίλον, οὕθεν διαφέρει πρὸς τὸ παρόν. Nic Eth. I, XIII, 9.

да, что и въ этихъ, какъ и во *всякихъ* другихъ предложеніяхъ, предполагаются внѣшнія отношенія, можемъ ли мы сказать, что они признаются болѣе явно и открыто, чѣмъ, хотя бы, пища въ вопросѣ о пищевареніи, или атмосфера относительно дыханія?

47. Спенсеръ подтверждаетъ свой взглядъ отчасти помощью новаго размежеванія области психологіи, отчасти настаивая на полномъ недостаткѣ общности между явленіями сознанія и другими явленіями, разбираемыми въ остальныхъ наукахъ. Не принимая ясно обозначеннаго различія между объективной и субъективной точками зрѣнія, устанавливающаго соотвѣтственное отдѣленіе фізіологическихъ вопросовъ отъ психическихъ — онъ не твердъ въ употребленіи терминовъ, даже опредѣляя ту вѣтвь науки, которую онъ называлъ эсто-фізіологіей и которая снабжаетъ данными психологію: онъ говоритъ, что она разсматриваетъ нервныя явленія, какъ феномены *сознанія*. Но оставляя это въ сторонѣ, все, что онъ изложилъ подъ рубрикой эсто-фізіологіи, можетъ быть принято за фізіологію чувствующаго организма, которая съ субъективной точки зрѣнія есть классификація фактовъ чувствованія. А если факты сознанія не будутъ включены въ число общихъ законовъ чувствованія, — исключеніе и ограниченіе, которое, по моему, дѣлаетъ безнадежнымъ существованіе психологіи, какъ науки — тогда, конечно, фізіологія чувствующаго организма будетъ только введеніемъ въ психологію, а эта послѣдняя наука потребуетъ тогда мѣста, независимаго отъ біологіи, не будучи болѣе наукой объ управленіяхъ организма.

48. Между прочими мыслями, приходившими мнѣ въ голову при обдумываніи этого вопроса, была и слѣдующая: можетъ быть установлена наука изъ однихъ фак-

товъ сознательности, безъ связи съ объективной природой этихъ фактовъ и, слѣдовательно, внѣ условій ихъ существованія. Это была-бы отвлеченная наука о чувствѣ, которая стала-бы на ряду съ отвлеченной наукой о силѣ, Эстетика (Aesthesick), параллельная *Динамикъ*. Общие факты чувствованія, формулированные въ отвлеченныхъ законахъ, можно было бы отдѣлить отъ всѣхъ конкретныхъ проявленій этихъ фактовъ. Организмъ и среда оставались бы безъ вниманія, какъ матерія и ея свойства — въ динамикѣ. Физики свели свѣтъ, тепло и звукъ къ колебаніямъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ частныя различія въ условіяхъ; фізіологи, подражая имъ, свели всѣ ощущенія и мысли къ вибраціямъ мозга, оставивъ въ сторонѣ всѣ частныя различія въ органическихъ условіяхъ. — Можетъ явиться и въ психологіи какой нибудь Лангражъ, который сведетъ всѣ эти вибраціи къ одному уравненію *). Будь такая наука установлена, она, конечно, стала бы могущественнымъ орудіемъ познанія; но это не было бы уже психологіей — это не было бы теоріей духа, такъ какъ такая наука не болѣе могла бы объяснить явленія человѣческой природы, чѣмъ динамика — явленія природы вообще. Поэтому, я долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ этихъ гипотезъ ради того положенія, что теорія духа неизбѣжно составляетъ часть общей теоріи жизни. Психологія, — вопреки господствующему субъективному взгляду на ея явленія — должна быть частью біологіи, для всѣхъ тѣхъ, которые изучаютъ ее, откинувъ мысль

*) „Lagrange dans un ouvrage immortel s'est attaché, en ramenant tout au calcul et s'élevant au dessus des faits et des détails, à remplacer les phénomènes par des formules qui les enveloppent et les cachent.“ Rertrand. Въ прибавленіи къ 2-му тому *Вопросовъ о жизни и духѣ* я говорилъ объ отношеніяхъ къ Гегелю работъ Лагранжа.

о душѣ, какъ о чемъ-то независимомъ отъ организма. Никто не спорить, что явленія чувствительности принадлежатъ организму; споръ заключается въ вопросѣ; представляютъ ли психическія явленія спеціальнѣйшій видъ чувствительности? Спенсеръ согласенъ съ біологами и видитъ въ явленіяхъ сознательности субъективный взглядъ на извѣстныя органическія явленія, на «такія нервныя измѣненія, которыя происходятъ въ главномъ центрѣ нервныхъ узловъ». Такъ какъ онъ также допускаетъ, что отвлечь отъ всей группы животныхъ отправления сужденія, эмоціи и желанія значило бы тяжко изувѣчить науку о жизни, оставивъ въ ея области лишь питаніе, ростъ и воспроизведеніе, — то должны быть важныя причины, почему онъ отвергаетъ заключеніе, какъ кажется столь непоколебимое, по которому психологія должна быть вѣтвью біологіи. Какія же это причины?

49. Объ этомъ часто спорили. Онъ отдѣляетъ эсто-физиологію, т. е. науку о чувствующемъ организмѣ, съ одной стороны отъ науки о нервной системѣ, а съ другой отъ науки о сознаніи. «Эсто-физиологія», говоритъ онъ, «занимаетъ совершенно исключительное положеніе. Она не принадлежитъ ни къ объективному міру, ни къ субъективному; она занимается, затрагивая и то и другое, изученіемъ соотношенія того и другаго міра». Въ дальнѣйшемъ изложеніи своемъ, онъ представляетъ психологію: «какъ одну изъ спеціальныхъ частей біологіи которая отдѣляется отъ нея, какъ геологія отъ астрономіи, или какъ біологія отъ геологіи, вслѣдствіе присущихъ ей новыхъ факторовъ, которые однакожь случайно появляются и въ біологіи». Теперь, такъ какъ и я допускаю добавочные факторы, и одинъ изъ нихъ, факторъ соціальнѣйшій — о которомъ онъ здѣсь не упоминаетъ — разногласіе между нами вовсе не очевидно и причина, почему Спен-

серь изолируетъ психологію, точно еще не обозначена. Она выясняется изъ приводимыхъ дальше словъ: — «Слѣдуетъ отмѣтить гораздо болѣе коренное различіе. Между тѣмъ какъ со стороны объективной, психологія можетъ быть причислена къ разряду конкретныхъ наукъ, задачи которыхъ уменьшаются по мѣрѣ того, какъ увеличивается ихъ специальность — съ точки зрѣнія субъективной она наука совершенно особая, независимая отъ прочихъ и противоположная имъ. Мысли и чувства, составляющія сознаніе, рѣшительно недоступны никому, кромѣ лица сознающаго; они составляютъ особый міръ, неимѣющій мѣста среди тѣхъ существованій, которыя подлежатъ разсмотрѣнію всѣхъ прочихъ наукъ» (р. 140).

50. Противоположность между объективнымъ и субъективнымъ служитъ отличіемъ фізіологіи отъ психологіи, но она не указываетъ, что психологія — наука совершенно противоположная всѣмъ прочимъ наукамъ, по той простой причинѣ, что и они тоже занимаются явленіями, имѣющими двѣ стороны. Движенія небесныхъ тѣлъ, движенія минераловъ и газовъ, равно какъ и движенія органическихъ тѣлъ — объективныя явленія, по отношенію къ нашимъ воспріятіямъ; всѣ наши представленія о цвѣтѣ, формѣ, теплѣ, вѣсѣ, движеніи и проч. — дѣйствія внѣшняго міра и реакціи нашего организма. Мы вѣримъ, что есть «не я», дѣйствующее на наше «я»; но все, что мы знаемъ объ этомъ, это только то, что мы чувствуемъ. Чувства наши разграничены и классифицированы; одни имѣютъ отношеніе къ причинамъ, лежащимъ внѣ организма, другія — къ причинамъ, лежащимъ внутри его. Такимъ образомъ, каждое явленіе и каждое чувство неизбѣжно имѣютъ двѣ стороны, изъ которыхъ одна обращена къ «не я», а другая — къ «я».

Фактъ — не фактъ, если онъ не воспринять чувствами; чувствованіе всегда имѣетъ отношеніе къ своей причинѣ, виѣшней или внутренней. Поэтому если ставить вопросъ: почему явленіе должно имѣть двѣ стороны? мы отвѣчаемъ: потому, что оно есть продуктъ двухъ факторовъ: — чувствующаго организма и чувствуемаго предмета.

Психологъ, дѣйствительно, долженъ объяснить: какъ извѣстный складъ чувствованій быстро переходитъ въ объективныя знаки, все болѣе и болѣе утрачивая свое непосредственное отношеніе къ лицу чувствующему и приобрѣтая все больше значенія по отношенію къ тому, что чувствуется. Такъ напр. пламя относится къ своему объекту — огню, будучи само по себѣ синтезомъ чувствъ, а боль, причиняемая дѣйствіемъ пламени, непосредственно относится къ организму, а не къ огню. Психологъ долженъ изъяснить это своей теоріей познаванія. Въ этомъ отношеніи его наука — единственная въ своемъ родѣ: въ то время какъ другія науки связаны съ классификаціей знанія, его наука трактуетъ о томъ, какъ мы доходимъ до познанія. Но такъ какъ и это составляетъ отдѣлъ знанія, то и онъ также подчиняется тѣмъ же самымъ правиламъ изслѣдованія, какъ и всѣ остальные. Кромѣ того, психологія не ограничивается одной только теоріей познаванія, но включаетъ въ задачи свои провѣрку и классификацію фактовъ чувствованія, въ ихъ объективныхъ и субъективныхъ отношеніяхъ, и съ этой стороны она также подлежитъ общимъ условіямъ науки. Отсюда и слѣдуетъ, что нельзя исключить психологію изъ ряда наукъ по той только причинѣ, что разбираемые ею явленія суть чувствованія, или-же потому, что эти чувствованія ограничены личнымъ опытомъ. Всѣ науки имѣютъ дѣло съ чувствами, но одна только психологія изучаетъ ихъ со стороны субъективной. Не со-

знательность, присущая даннымъ явленіямъ, дѣлаетъ ихъ принадлежностью особой науки, а спеціальная точка зрѣнія, прилагаемая психологіей къ изученію явленій, и то теоретическое вниманіе, которое она обращаетъ на самую сущность чувствованія. Простой человѣкъ чувствуетъ также, какъ и психологъ, но онъ не обсуждаетъ спеціальныхъ свойствъ тѣхъ чувствованій, которыя смѣняются въ его организмѣ, онъ не пытается дать себѣ отчета въ ихъ происхожденіи и чередованіяхъ. Его сознательность на столько же недостаточна для теоріи сознательности, на сколько воспріятія геометрическихъ формъ недостаточно для построенія науки геометріи. Наука начинается тамъ, гдѣ факты классифицированы и приведены въ систему. Психологъ классифицируетъ и систематизируетъ субъективную сторону чувствованія, независимо отъ его объективныхъ сторонъ, точно такъ, какъ математикъ отдѣляетъ отношенія величинъ отъ всѣхъ прочихъ видимыхъ отношеній.

51. Хотя, съ одной стороны, можно признать достовѣрность факта, что чувства и мысли другихъ недоступны намъ, но съ другой стороны положеніе это не можетъ быть допущено. Если вѣрить философамъ, то окажется, что психологія стоитъ на ложной дорогѣ. Одна школа утверждаетъ, будто каждый можетъ познавать только собственные мысли и дѣлать выводы о чужомъ существованіи на основаніи только нѣкоторыхъ внѣшнихъ признаковъ; другая идетъ еще дальше, утверждая будто никто не можетъ познавать даже и собственныхъ мыслей такими, какія они на самомъ дѣлѣ, а лишь только — какими они кажутся (Kant, Anthropologie, § 7). И такъ, допуская даже, что чужія чувства недоступны нашему познанію, психологія, вслѣдствіе этого, не занимаетъ особаго положенія, потому что вышесказанное одинаково

вѣрно и по отношенію къ *жизненнымъ* функціямъ другихъ, а также и къ тому, что принадлежитъ внѣшнему міру. Однако мы знаемъ кое что объ этомъ и признаемъ біологію и космологію за науки. Разсматривая дѣло съ другой стороны, чужія мысли и чувства должны быть намъ доступны, иначе не можетъ существовать науки о чувствованіи и не можетъ быть никакого общенія между мыслями и чувствами однихъ людей съ другими. Разумѣется, — субъективное состояніе одного можетъ быть не болѣе, какъ объективнымъ фактомъ для другаго, исключая тѣ случаи, гдѣ другой способенъ истолковать этотъ фактъ съ точки зрѣнія субъективной. Но это вѣрно для всѣхъ вообще фактовъ. Человѣкъ выражаетъ свои мысли и чувства въ дѣйствіяхъ, жестахъ и словахъ. Я, наблюдая людей, вполне сходныхъ со мной во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ, и замѣчая что люди эти дѣйствуютъ, жестикулируютъ и говорятъ какъ я, заключаю, что они подчиняются дѣйствію тѣхъ же самыхъ чувствъ. На этихъ выводахъ основано знаніе. Различіе между знаніемъ и мнѣніемъ то, что знаніе основываетъ свои предсказанія на выводахъ, провѣренныхъ опытомъ. Мы говоримъ, что знаемъ нѣчто о предметѣ, если можемъ, на основаніи прежняго опыта, *предвидѣть* его дѣйствія въ будущемъ, а не сказать только, каковы бы *могли быть* его дѣйствія въ измѣнившихся обстоятельствахъ. Психологъ истолковываетъ нѣкоторые видимые факты, какъ признаки невидимыхъ чувствъ, всё равно какъ онъ знаетъ, что сахаръ сладокъ, что собака кусается. Когда человѣкъ не дѣлаетъ никакихъ движеній и хранитъ молчаніе, тогда, понятно, нельзя знать, что происходитъ внутри его, такъ какъ нѣтъ никакихъ видимыхъ признаковъ. Когда кислота лежитъ отдѣльно отъ щелочи, мы не можемъ знать, какое дѣйствіе произойдетъ отъ

ихъ соединенія, пока добытый нами опытъ не дастъ намъ возможности предвидѣть его. Положеніе — будто «каждый способенъ познавать только собственные чувства» можетъ быть принято лишь при самомъ ограниченномъ опредѣленіи понятія о познаніи. Согласно этому опредѣленію, въ самомъ тѣсномъ его смыслѣ, мы конечно должны признать, что человѣкъ неспособенъ знать что либо, исключая тѣхъ чувствъ, которыя онъ испытываетъ въ данный моментъ. Если мы исключимъ выводы, мы не будемъ знать, что сахаръ сладокъ, что собака кусается; допустимъ выводъ, и мы въ состояніи будемъ утверждать, что другіе имѣютъ чувства совершенно такого же свойства, какъ и наши.

52. Цѣль моя, въ данномъ разборѣ, была: доказать, что психологія составляетъ отдѣлъ біологіи и что задача, специально присущая ей, это — анализъ и классификація фактовъ и законовъ чувствительности, съ субъективной точки зрѣнія. Психологія разсматриваетъ чувствительность человѣка и животныхъ, но отчасти въ силу преобладающаго интереса къ явленіямъ человеческой жизни, отчасти и потому, что явленія животной жизни гораздо труднѣе первыхъ поддаются нашему познанію, психологія, въ настоящее время по крайней мѣрѣ — должна ограничить свою дѣятельность изученіемъ человѣка.

ГЛАВА IV.

СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОРЪ.

53. Первымъ шагомъ къ постановкѣ нашей науки было опредѣленіе ея предмета и цѣли, и ея отношенія къ прочимъ наукамъ. Вслѣдъ за этимъ должно опредѣлить ея надлежащій методъ и указать ея основныя индукціи. Біологія даетъ и методъ и данныя для разъясненія отношеній организма къ внѣшней средѣ. Въ животной психологіи этого вполне достаточно. Но психологія человѣка имѣетъ болѣе широкія рамки; она заключаетъ въ себѣ еще другой важный факторъ — вліяніе соціальной среды. Это не только добавленіе, въ родѣ прибавки новаго органа чувствъ, который служитъ источникомъ для новыхъ формъ ощущеній; этотъ факторъ проникаетъ самую суть духа. Всѣ задачи осложняются имъ. По отношенію къ природѣ, человѣкъ — животное; по отношенію къ культурѣ — онъ существо соціальное. Какъ міръ идей возвышаетъ и преобразуетъ чувственный міръ, такъ и культура преобразуетъ природу физически и морально, передѣлывая лѣсъ въ садъ, топкое болото — въ цвѣтушій лугъ, а себялюбиваго дикаря — въ человеколюбиваго гражданина. Организмъ приспособляется къ внѣшней средѣ, онъ производитъ самъ, и, въ свою очередь, измѣняется дѣйствіемъ соціальной среды, потому что общество —

продуктъ человеческихъ чувствованій и его существованіе мало по малу развилось изъ чувствованій, которыя оно, въ свою очередь, измѣняетъ и расширяетъ на каждой ступени. И такъ, очевидно, что психологія должна искать свои данныя не только въ біологіи, но и въ соціологіи, не въ однихъ животныхъ функціяхъ организма, но и въ способностяхъ, развившихся подъ вліяніемъ общества.

54. Взглядъ этотъ новый. Ранѣе существовала самая неопредѣленная оцѣнка отношеній фізіологіи къ психологіи. И даже въ то время, когда развитіе знанія требовало допущенія нѣкоторой постоянной зависимости умственныхъ функцій отъ функцій организма, понятіе это, въ большинствѣ случаевъ, было еще весьма неточно. Люди знали, что умственные функціи находятся въ связи съ дѣятельностью организма, а до нѣкоторой степени зависятъ и отъ внѣшней среды. Было извѣстно также, что и соціальныя условія имѣютъ нѣкоторое вліяніе, но знаніе это не находило прочнаго приложенія. Психологи, большею частью, занимались умозрительными вопросами; они дѣйствовали путемъ дедукціи относительно какихъ-то вымышленныхъ организмовъ и мало заботились о наведеніи и провѣркѣ. Отвлеченная теорія духа шла впереди всѣхъ прочихъ изслѣдованій, касающихся душевныхъ явленій. Доктрина занимала мѣсто изслѣдованія. Подобный же способъ дѣйствія былъ примѣняемъ къ изученію явленій жизни, а раньше еще къ изученію всего вообще фізическаго міра. Не смущаясь незнаніемъ анатоміи и фізіологіи, ни отсутствіемъ какихъ либо свѣдѣній о фізическихъ законахъ, философы создавали теоріи жизни и міра и стали выдавать ихъ за непреложныя истины. Медленно произошелъ переворотъ. Безсодержательность этаго философствованія обратилась, въ настоящее время,

въ общую пѣсню; всѣ мыслители прибѣгаютъ теперь къ индуктивному изслѣдованію тѣхъ данныхъ, которыя входятъ въ составъ извѣстнаго ученія. Очевидное превосходство новаго метода заключается въ постоянной провѣркѣ умозрительныхъ теорій; отсюда и вытекаетъ постепенный прогрессъ, хотя и болѣе медленный, но за то болѣе прочный, чѣмъ тотъ, который давала метафизика своими широкими и безпорядочными скачками.

Если психологія хочетъ занять свое мѣсто въ ряду наукъ, она должна идти по одному съ ними пути. Она не можетъ принимать непровѣренныхъ выводовъ ни изъ міра внутренняго, ни изъ области фізіологіи. Но провѣряя свои выводы, она можетъ дать свободный ходъ умозрѣнію. Идея необходимости подчинять умозрительные выводы объективной провѣркѣ мало по малу приобрѣла твердую почву, точно такъ, какъ постепенно возросло убѣжденіе, что всѣ душевныя явленія имѣютъ фізіологическую подкладку. Впрочемъ убѣжденію этому еще предстоитъ вынести жестокую борьбу. Многіе изъ авторитетныхъ мыслителей не только отдѣляли челоуѣка отъ природы, но и душу — отъ организма. Они изобрѣли какую-то Психею, которую считали источникомъ всѣхъ душевныхъ явленій и приписывали ей свойства, во всѣхъ отношеніяхъ противоположныя свойствамъ организма. Метафизическія понятія о нематеріальности, простотѣ, самопроизвольности и проч., имѣютъ нѣкоторое значеніе, какъ отвлеченныя выраженія наблюденныхъ явленій, но, къ сожалѣнію, они были приняты за нѣчто реальное и послужили основаніемъ для дедукцій, вслѣдствіе чего наблюденія, которыя казались несогласимыми съ нѣкоторыми изъ такихъ отвлеченностей, были отброшены.

55. Раздраженіе безсодержательностью умозрительнаго метода привела къ первымъ попыткамъ индуктивнаго

анализа. Факты, обнаруженные путем самонаблюдения, были классифицированы и получили кое-какое приблизительное истолкование. Но, къ сожалѣнію, роковое ограниченіе психологіи фактами самонаблюдения, удерживало отъ изученія организма. Органы чувствъ слишкомъ очевидно касаются ощущеній, чтобы можно было игнорировать ихъ. Но фізіологія чувствъ все еще мало знакома намъ, да и люди слишкомъ убѣгали отъ научнаго изслѣдованія, изъ боязни матеріализма. Это, въ свое время, не было лишено основанія. Самопроизвольность и субъективность умственныхъ и моральныхъ процессовъ стояли въ рѣзкомъ противорѣчій съ механическими и физическими терминами, употреблявшимися матеріалистами. Протестъ противъ матеріализма не былъ вполнѣ протестомъ чувства, хотя, безъ сомнѣнія, чувство въ значительной степени вызывало и поддерживало его, давая толчекъ уясненію противорѣчія: чего боялся разумъ, какъ ошибочнаго понятія, того боялось и чувство, какъ нравственнаго паденія. Тѣ, которые когда-либо видѣли субстанцію мозговой массы и нервныя волокна, соединяющія ее съ организмомъ, не могли не выказать невѣрія, услыша, что все, извѣстное имъ о страстяхъ, разумъ и волъ ничто иное, какъ молекулярное измѣненіе въ этой мозговой массѣ. Могутъ ли и тѣ, которые увидали нервную клѣтку, спокойно слышать, что мысль ничто иное, какъ свойство этихъ клѣточекъ, точно такъ, какъ притяженіе есть свойство матеріи? ✕

56. Отчасти вѣрно, что матеріалисты не раздѣляли всѣхъ мнѣній, которые имъ приписывались и совершенно вѣрно, что они отвергали крайніе выводы, дѣлаемые изъ ихъ посылокъ ихъ противниками. Тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что они впали въ ошибку, свойственную анализу: они брали часть вмѣсто цѣлаго и не различали

объективной стороны явленія отъ субъективной. Но они, и мы вмѣстѣ съ ними, справедливо настаиваемъ на фактѣ, что душевныя явленія суть отправленія организма. Мы не призваны объяснять *почему* оно такъ, всё равно, какъ мы не призваны объяснять: *почему* тѣла тяготѣютъ другъ къ другу и почему растенія растутъ; дѣло наше объяснить *какъ*, а не *почему*. Масса индукцій приводитъ насъ къ заключенію, что психическія отправленія не только отправленія живаго организма, но что механизмъ ихъ значительно зависитъ отъ участія, которое принимаетъ въ немъ нервомышечная система. Разъ это доказано, не будетъ труднѣе понять: какъ жизненные свойства чувствительности выражаются, преимущественно, посредствомъ нервной ткани, чѣмъ понять: какъ жизненные свойства сократительности проявляются, главнымъ образомъ, въ мышечной ткани. Но это только первый шагъ. Глядя на мозгъ, ставить вопросъ: какъ можетъ эта мозговая масса быть одарена способностью мышленія? — всё равно, что смотрѣть на одну изъ частей сложнаго механизма и удивляться тому, какъ она можетъ обладать силой механическаго производства. Вы непременно должны ознакомиться со всѣмъ механизмомъ, прежде чѣмъ будете въ состояніи судить о дѣйствіи его отдѣльныхъ частей. Вы должны понять жизненный организмъ, прежде чѣмъ станете пояснять отправленія мозга. Болѣе того. Глядя на мозгъ, вы смотрите на его механизмъ со стороны объективной, онъ представляетъ собой массу матеріи, и дѣйствія его — молекулярныя измѣненія. Если вы ставите вопросъ: какъ могутъ эти матеріальныя измѣненія быть чувствами и мыслями, вы внезапно переноситесь отъ объективной къ субъективной точкѣ зрѣнія. Разрѣжьте глазъ съ величайшей аккуратностью и вы все таки, при видѣ его от-

трепарированныхъ частей, не отгадаете, что они способны соотвѣтствовать стимуламъ свѣта. Взгляните на яйцо и вы никогда не отгадаете, что эта микроскопическая клѣточка способна развиться въ сложное и громадное животное. Индукція доказываетъ намъ, что глазъ есть органъ зрѣнія, а яйцо исходная точка организма. Но мы должны знать эти факты, прежде чѣмъ можемъ прочесть ихъ, при взглядѣ на глазъ или на яйцо. Что это значитъ? Это значитъ, что данныя, которыя были изучаемы въ отдѣльности, должны быть восстановлены путемъ синтеза, прежде чѣмъ мы можемъ дойти до объясненія. Знаніе наше, относящееся къ чувствующему механизму, пока, къ сожалѣнію, чрезвычайно неудовлетворительно, но если бы увеличить его во сто кратъ, оно все еще будетъ, объективно, ни что иное, какъ пущенная въ ходъ типографская машина, показывающая намъ, какъ листы бумаги кладутся на литеры и снимаются съ нихъ, послѣ того какъ поверхъ ихъ былъ проведенъ типографскій валъ; оно не скажетъ намъ ничего о томъ, какъ эти литеры были набраны и какой смыслъ имѣютъ отпечатанные слова.

57. Изъ всего, разсмотрѣннаго нами, обнаруживается, что субъективный анализъ внутренняго наблюденія требуетъ контроля объективнаго анализа, и чувствованіе должно быть разсматриваемо какъ одна изъ функцій организма. А въ то же время необходимо дополнить объективное наблюденіе наблюденіемъ субъективнымъ, давая толкованія фактамъ организма въ терминахъ чувствованія. До того времени пока душевные процессы разсматривались, какъ нѣчто отдѣльное отъ процессовъ органическихъ, примѣненіе фізіологіи къ психологіи, или фізіологическихъ опытовъ къ психологическимъ задачамъ, могло быть только призрачное. Современная мысль про-

извела революцію вопроса, выставивъ тотъ принципъ, что состоянія: — душевное и органическое — ничто иное, какъ различныя стороны одной и той же вещи, отличающіяся одна отъ другой на столько, на сколько онѣ изучаются различными способами и опредѣляются различными выраженіями. При такомъ взглядѣ, обѣ науки подчинены взаимодействию и соотвѣтственные ряды явленій, подобно двойному толкованію одного и того же оригинала, помогаютъ ихъ обоюдному разъясненію и дополненію.

58. Двойной успѣхъ достигается этимъ. Біологи перестали изолировать человѣка отъ природы, а за ними психологи перестали изолировать человѣка отъ животнаго. Наблюденіе показывало, все болѣе и болѣе, основное сходство между строеніемъ и функціями человѣка и животнаго. Одно внутреннее наблюденіе никогда не открыло бы этого. И въ настоящее время, вмѣсто того, чтобы предостерегать психологовъ отъ пренебреженія данными, которыя вытекаютъ изъ наблюденій надъ животными, приходится скорѣе предостерегать ихъ отъ преувеличеній.

59. Первый важный шагъ, въ надлежащемъ направленіи, былъ сдѣланъ Кабанисомъ, когда онъ старался указать неизмѣнную связь между нравственными явленіями и органическими условіями. Хотя попытка эта оказалась не вполне удовлетворительной, она была, тѣмъ не менѣе, подготовкой къ болѣе точному пониманію соотношеній между органами и функціями т. е. къ обоснованію психологіи. Другой важный шагъ былъ сдѣланъ Галлемъ въ его изысканіи отдѣльныхъ органовъ, служащихъ для отправленія спеціальныхъ функцій. Его локалізація этихъ органовъ въ извилинахъ мозга была не вѣрна въ принципѣ, потому что онъ не принималъ во вни-

маніе организмъ какъ нѣчто цѣлое, а приписывалъ одной части сложнаго устройства результаты, зависящіе отъ многихъ частей; кромѣ того, анатомическія и фیزیологическія данныя его были неточны. Но все-таки гипотеза его была истинно научною, по своему характеру, и дала громадный толчекъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Онъ научилъ имѣть строго въ виду постоянное соотношеніе между строеніемъ и функціями, онъ указалъ на необходимость объективнаго анализа, на безсодержательность метода одного внутренняго наблюденія, не провѣреннаго громадной массой внѣшнихъ наблюденій, доставляемыхъ человѣкомъ и животными, онъ указалъ что должно искать первоначальныхъ органическихъ условій — а именно: въ наслѣдственномъ строеніи и наслѣдственныхъ способностяхъ.

Результаты его ученія очевидно обнаруживаются въ новѣйшихъ трудахъ, какъ бы мало они не воспроизводили того, что высказано въ его спеціальной системѣ. Дѣйствительно, мы теперь можемъ сказать, что біологическій принципъ вытѣснилъ собою метафизическій: душевныя явленія всюду разсматриваются, какъ живенныя, а не какъ нѣчто независимое отъ живаго организма.

60. Остается сдѣлать послѣдній шагъ для того, чтобы возвести психологію на степень науки. Біологическое воззрѣніе ошибочно въ томъ отношеніи, что оно разсматриваетъ только индивидуальный организмъ, и при томъ исключительно въ его отношеніи къ внѣшней средѣ. Этого достаточно для психологіи животныхъ, но совершенно недостаточно для психологіи человѣка. Человѣкъ — общественное животное т. е. единство коллективной жизни. Изолируя его отъ общества, настолько же съуживаешь задачи психологіи, какъ изолируя его отъ природы. Искать всѣхъ данныхъ психологіи съ одной

стороны въ нервныхъ процессахъ, а съ другой — во внутреннихъ наблюденіяхъ, значитъ оставлять безъ объясненія многочисленныя и глубокія различія, отличающія человѣка отъ животнаго. А возможно указать на то, что эти различія зависятъ отъ дѣйствій соціальнаго фактора, измѣняющаго воспріятія въ представленія и ощущенія въ чувствованія. Это-то окончательное пониманіе нашей науки и составитъ цѣль моего дальнѣйшаго изложенія. Я уже указывалъ, что другіе *) ранѣе меня были поражены тѣмъ фактомъ, что соціальныя условія измѣняютъ душевныя явленія. Дѣйствительно, фактъ былъ слишкомъ очевиденъ, чтобы пройти незамѣченнымъ. Но я не знаю ни одного писателя, не исключая и самого Конта, который бы опредѣленно признавалъ соціальный факторъ за факторъ психологическій, видѣлъ бы его обширное вліяніе или намѣтилъ бы *образъ его дѣйствія*. Вліяніе внѣшней среды было, точно также, слишкомъ очевидно въ фізіологіи, чтобы оно когда либо могло быть вполне просмотрѣно; тѣмъ не менѣе, явное признаніе его способовъ дѣйствія является фактомъ вполне новымъ. Тотъ фактъ, что одна школа основала психологію на внутреннемъ наблюденіи, другая на фізіологіи мозга, а остальные основали ее на сочетаніи тѣхъ и другихъ данныхъ, доказываетъ какую малую цѣну придавали соціологической основѣ.

61. Допустимъ даже, что знанія наши объ организмѣ чрезвычайно обширны, они, тѣмъ не менѣе, были бы недостаточны для объясненія нравственныхъ чувствъ и умственныхъ понятій по той простой причинѣ, что послѣднія безличны и соціальны, стоятъ въ зависимо-

*) А именно Спенсеръ. См. блестящее изложеніе въ *Psychology*, II, 521 и слѣд.

сти отъ общества и вытекають изъ соціальныхъ нуждъ и условій. Хотя, дѣйствительно, они и заключаютъ въ себѣ организмъ и его функціи, но лишь по отношенію ихъ къ опытамъ, которые только и возможны въ связи съ собирательной жизнью. Высшія животныя имѣютъ строеніе, вполнѣ сходное съ нашимъ, они также имѣютъ чувствованія, эмоціи, воспріятія, сужденія и волю, въ общемъ сходныя съ нашими; но специфически отличныя: ихъ опытность ограничивается ихъ собственными нуждами, ихъ эмоціи никогда не развиваются до безличныхъ чувствъ, ихъ логика не знаетъ ничего объ отвлеченіяхъ и о построеніи научныхъ абстракцій. Чувствованія и знаніе лежатъ внѣ объема фізіологіи, ибо они не могутъ быть истолкованы механизмомъ, они развиваются изъ опыта и пріобрѣтаются медленно, путемъ долгаго хода соціального развитія. Сверхъ того, многія чувства и понятія невозможны даже для человѣческаго существа, пока они не вызваны соціальнымъ развитіемъ. И не будучи вовсе врожденными, они совершенно неизвѣстны большинству человѣчества.

62. Вынужденные такимъ образомъ искать внѣ нашего организма и его врожденныхъ способностей источника большей части нашей душевной жизни, мы можемъ найти его только въ складѣ соціального организма, единицами котораго мы состоимъ. Тамъ мы находимъ безличные опыты традицій, накопляющіе для каждаго индивидуума запасъ знанія т. е. орудіе силы, скрашивающей его жизнь. Опыты многихъ становятся путеводителемъ каждаго, они не исчезаютъ вмѣстѣ съ личностью; многіе изъ нихъ продолжаютъ свое существованіе, принимаютъ форму мнѣнія, правила и закона, предразсудка и суевѣрія. Чувства каждаго сливаются въ общее сознаніе, которое въ свою очередь реагируетъ на индиви-

дуальное сознаніе. Это могущественное безличіе одновременно является продуктомъ и факторомъ соціального развитія. Оно опирается на развитіе языка, какъ на способъ символическаго выраженія, возникающаго изъ животной функціи индивидуальнаго выраженія, путемъ стимуловъ общественныхъ нуждъ. Безъ языка ни одно общество не можетъ имѣть ни нравственной, ни умственной жизни; безъ общества нѣтъ нужды въ языкѣ. Безъ языка нѣтъ традиціи, безъ традиціи нѣтъ общественнаго движенія въ искусствахъ и мастерствахъ, которыми поддерживаются и распространяются самыя простѣйшія продукты общежитія; а безъ традиціи нѣтъ ни религіи, ни науки, ни искусства.

63. Слѣдовательно, мы должны обратиться къ исторіи и къ наблюденію надъ человѣкомъ въ его соціальныхъ отношеніяхъ, для того чтобы открыть данныя, которыя могли бы дополнить то, что дается самонаблюденіемъ и фізіологіей. Условія существованія душевныхъ явленій составляютъ предметъ не только біологическаго, но и соціологическаго изученія. Серьезное изслѣдованіе этихъ условій должно послужить къ устраненію, если не всѣхъ, то многихъ изъ затрудненій, которыя заставляютъ людей цѣпляться за спиритуалистическую гипотезу, такъ какъ они глубоко убѣждены въ недостаточности матеріалистической гипотезы. Тутъ, конечно, всегда останется довольно тайнъ при объясненіи явленій, но онѣ не будутъ служить препятствіемъ для научнаго строя понятій, и психологія займетъ свое мѣсто въ ряду положительныхъ наукъ, слѣдуя методу, общему всѣмъ прочимъ.

Г Л А В А V.

СУБЪЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗЪ И МЕТОДЪ ВНУТРЕННЯГО НАБЛЮДЕНІЯ.

64. Поставивъ задачу, намъ остается найти: какъ рѣшить ее. Читатель вѣроятно замѣтилъ уже, что я не становлюсь, ни въ ряды тѣхъ, кто провозглашаетъ методъ внутренняго наблюденія единственнымъ вѣрнымъ источникомъ психологическаго знанія, ни тѣхъ, которые пренебрежительно отвергають его значеніе, исключительно полагаясь на наблюденіе внѣшнихъ признаковъ. «Откровенія сознанія» не могутъ дать разрѣшенія задачи: она, какъ мы видѣли, чрезвычайно сложна и заключаетъ въ себѣ біологическія и соціологическія данныя. Но ограничивая предѣлы внутренняго наблюденія, мы не должны отрицать его дѣйствительности.

Самонаблюденіе есть, тоже, наблюденіе, отличающееся отъ объективнаго тѣмъ, что явленія, подлежащія его разсмотрѣнію — субъективныя состоянія или чувствованія, а не объективныя состоянія или измѣненія въ чувствуемомъ. Мы наблюдаемъ измѣненія въ чувствованіи, не менѣе, чѣмъ наблюдаемъ ихъ во внѣшнемъ мірѣ, и то мѣсто, которое отведено внѣшнему наблюденію въ научномъ методѣ, должно, на томъ же основаніи, быть отведено и самонаблюденію.

65. Первоначальное затрудненіе лежитъ въ метафорѣ о какомъ-то «внутреннемъ зрѣніи» или «внутреннемъ чувствѣ», соотвѣтствующемъ внѣшнимъ чувствамъ *).

*) Кантъ раздѣляетъ чувства на внѣшнія и внутреннія. „Первыя тѣ, при которыхъ тѣло возбуждается тѣлесными объектами, вторыя тѣ, при которыхъ тѣло *возбуждается духомъ*“. Здѣсь мы имѣемъ полнѣйшее отступленіе отъ всякаго фізіологическаго понятія о чувствахъ. Духъ, дѣйствующій на тѣло и производящій чувство, не въ духѣ, а въ тѣлѣ! Онъ прибавляетъ: „это не полное воспріятіе т. е. сознаніе не того, что человекъ *дѣлаетъ*, такъ какъ послѣднее принадлежитъ къ способности мышленія, а того, что человекъ *претерпѣваетъ*, на столько, на сколько онъ затронутъ игрою своихъ собственныхъ мыслей“. — Антропология § 13 и § 22. См. Критику: *Трансц. Эстет.* § 2, гдѣ онъ говоритъ, что внутреннее чувство „спеціальная форма, подѣ влияніемъ которой возможно непосредственное познаніе внутреннихъ измѣненій“. Обзоръ различныхъ трактатовъ показываетъ какъ разнообразны и неопредѣленны толкованія этаго внутреннего чувства. Snell (*Empirische Psychologie*, 1802) опредѣляетъ внѣшнія чувства какъ воспринимающіе объекты въ пространствѣ; а внутреннее чувство есть способность воспринимать то, что совершается внутри насъ. Такъ какъ первыя имѣютъ свои опредѣленные органы, то и послѣднее должно имѣть свой органъ, хотя мы не можемъ опредѣлить его, р. 68. Daub (*Anthropologie* р. 112) дѣлаетъ изъ внутреннего чувства тройное чувство времени — прошедшее, настоящее и будущее — и опредѣляетъ его мѣсто на равнѣ съ внѣшними чувствами. Fries (*Psychische Anthropologie*, 1820) говоритъ, что внутреннее чувство есть наша воспримчивость на стимулы душевной дѣятельности; къ нему принадлежитъ возбужденіе къ самопознанію, сознательность и эмоціи горя и радости, р. 45. Онъ рѣшительно выражаетъ, что подѣ понятіемъ внѣшняго и внутреннего чувства, онъ разумѣетъ не тѣлесные, а духовные органы, такъ, что всѣ основныя способности души возбуждаются къ дѣятельности однимъ и тѣмъ же путемъ, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ чувствомъ, р. 46. Beneke (*Lehrbuch der Psychologie*, § 128) совершенно отвергаетъ всякое различіе. Fleming (*Beiträge zur Philosophie der Seele*, 1830) отождествляетъ его со способностью воспріятія и говоритъ, что значеніе его тождественно съ понятіемъ объ интеллигенціи, внутреннемъ зрѣніи и духѣ, I, 53. Vorländer (*Grundlinien einer organischen Wissenschaft der Seele*, 1841) полагаетъ, что внутренняя дѣятельность воспринимается тѣмъ же путемъ, какъ и внѣшняя, и поэтому не требуетъ спеціальныхъ чувствъ, которыя, если они вѣрно поняты, всегда составляютъ посредствующій органъ для воспріятія того, что не дается непосредственно.

Физиологу не знакомы такіе органы. Да если бы и было возможно анатомически указать на такой органъ, существованіе его было бы недостаточно для наблюденія того, что происходитъ въ сознаниі, по той простой причинѣ, что никакой *органъ не наблюдаетъ*. А сознание есть состояніе чувствилища, положеніе чувствующаго, поочередно направляемое къ одному изъ разнообразныхъ чувствительныхъ возбужденій. Животное движется передъ нами, и мы наблюдаемъ либо его движенія, форму и цвѣтъ, либо дѣйствіе (любопытство или страхъ), вызванное въ насъ самихъ. Состояніе нашихъ внутреннихъ направляетъ сознание, или въ сторону неприятныхъ ощущеній, или къ ихъ предполагаемой причинѣ.

Психологи стануть, пожалуй, возражать, что подъ словами «внутреннее зрѣніе» они не разумѣютъ, ни органа, ни особаго способа наблюденія, ограниченного сферою чувствованій, а разумѣютъ подъ этимъ душевное отправленіе, которое заключается въ наблюденіи всѣхъ измѣненій и операцій сознанія. «Это душа, размышляющая сама о себѣ». Конечно, пока мы ясно сознаемъ наши душевныя состоянія и операціи, и пока душа наша размышляетъ о нихъ, мы можемъ принять метафору внутреннего зрѣнія. Все, что намъ остается еще сдѣлать — это признать выраженіе за метафору и объяснить, если возможно, какія условія она обозначаетъ.

Мы считаемъ пустымъ возраженіемъ то, что если глазъ

Я не вижу надобности умножать примѣры. Французскіе и англійскіе психологи обыкновенно обозначаютъ внутреннее чувство сознательностью. Cardaillac (*Etudes Elémentaires de Philosophie*, 1830) ограничиваетъ его „чувствомъ нашихъ способностей“, I., 116. Comment pourrions nous savoir que nous sentons de mille manières différentes si chaque sentiment, chaque idée, chaque acte de la volonté ne faisait conscience de lui-même?« p. 118.

не можетъ видѣть себя видящимъ, то и душа не можетъ видѣть себя мыслящей. Глазъ, самъ по себѣ, вовсе не видитъ, иначе какъ путемъ совмѣстной дѣятельности съ чувствилищемъ, которое воспринимаетъ представляющійся предметъ:

„Nor doth the eye itself
(That most pure spirit of sense) behold itself,
Not going from itself; but eye to eye opposed
Salutes each other with each other's form.“ *)

• „Глазъ, возвышеннѣйшее проявленіе нашего чувства, самъ не зрѣтъ себя и не исходить изъ себя; но встрѣтившись, два глаза привѣтствуютъ другъ друга, мѣняясь другъ съ другомъ своими образами“.

66. Кантъ, Бруссэ, Контъ и другіе отвергли значеніе внутренняго наблюденія, но ихъ доводы несостоятельны. Кантъ объявляетъ, что психологія не можетъ стать наукой опыта и наблюденія. Еслибъ онъ дожилъ до нашего времени, онъ бы увидалъ, что она не только становится наукой экспериментальной, но что нѣкоторыя изъ ея явленій опредѣляются, количественно, съ такою же точностью, какая допустима жизненными явленіями. Дѣйствительно, онъ совершенно вѣрно говорить, что элементы внутренняго наблюденія не могутъ быть изолированы и сочетаемы между собою произвольно, такъ, какъ это возможно по отношенію къ физическимъ и химическимъ наблюденіямъ. Всякій субъективный анализъ существуетъ только въ нашей идеѣ и, вслѣдствіе этого, онъ стоитъ гораздо ниже объективнаго анализа. Мы не имѣемъ ни микроскопа, ни вѣсовъ, ни реагента для того, чтобы видѣть то, что слишкомъ мелко для невооруженнаго глаза, измѣрить то, что подлежитъ количественному анализу и испробовать составныя части

*) *Troilus and Cressida*, Act III, sc. 3.

душевныхъ процессовъ; наше самое точное наблюденіе, въ этомъ случаѣ, состоитъ въ одномъ *толкованіи* фактовъ. Признавъ это, мы взглянемъ на оборотную сторону медали и увидимъ, что въ *достоверности* чувствованія мы находимъ болѣе, чѣмъ замѣну *точности* объективнаго анализа. Даже и наблюденія внѣшнихъ данныхъ всѣ подлежатъ толкованію и все значеніе ихъ зависитъ отъ послѣдняго. И такъ, возраженіе Канта недостаточно, а заключительное возраженіе его, будто мысли и чувства другихъ недоступны намъ (*Metaph. Anfangsgründe*, предисловіе), мы уже причислили къ забужденіямъ (§ 53).

67. Кантъ также абсолютенъ, и, подобно Канту, признаетъ внутреннее наблюденіе невозможнымъ потому, что во время самаго процесса состояніе наблюдателя мѣняется. «Это непреодолимая необходимость, вслѣдствіе которой человѣческій духъ способенъ прямо наблюдать всѣ явленія, исключая явленій своего я». Но какъ же въ словѣ: «здравый смыслъ» мы дошли до существованія душевныхъ явленій? Можно-бы было скорѣе согласиться съ тѣмъ, еслибъ Кантъ и Кантъ сказали, что наблюденіе внѣшнихъ явленій — невозможно, потому что послѣднія могутъ быть наблюдаемы только при посредствѣ внутреннихъ измѣненій, которыя они производятъ. Въ силу какого то страннаго, нефизиологическаго понятія, Кантъ считаетъ возможнымъ, чтобы человѣкъ наблюдалъ свои страсти, «потому что онѣ помѣщаются отдѣльно отъ наблюдающихъ способностей!» — но «что касается того, чтобы наблюдать умственные явленія во время ихъ дѣйствія, это рѣшительно невозможно». Можетъ быть оно и такъ, но почему? Потому что «мыслящій человѣкъ не можетъ раздѣлиться на двое, быть въ одно время и размышляющимъ и наблюдающимъ». (*Philos. Positive*, I, 35, 36).

Сказать, что мы наблюдаемъ свои страсти — значитъ сказать, что мы знаемъ какъ наши чувствованія возникаютъ, и можемъ вызывать ихъ. То же вѣрно и по отношенію къ умственнымъ состояніямъ и по отношенію къ внѣшнимъ явленіямъ. Сдѣлавъ наблюденіе надъ фактомъ, мы мысленно отмѣчаемъ его видоизмѣненія. Сознавъ измѣненіе въ душевной жизни, мы идейно вызываемъ его антецеденты. Несомнѣнно, движеніе, наблюдаемое нами, заканчивается ранѣе, чѣмъ сдѣлано наше наблюденіе: оно было рядомъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, въ пространствѣ, положеній; мы мысленно снова проходимъ сквозь этотъ рядъ положеній, связывая точку отправленія съ точкой прибытія. И потому именно, что мы можемъ мысленно воспроизвести эти точки, мы знаемъ, что произошло движеніе. Тоже самое происходитъ и съ движеніями мысли. Участіе чистаго или *прямаго наблюденія* одинаково въ обоихъ случаяхъ, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, наблюденіе это должно быть дополнено разсужденіемъ, *косвеннымъ* схватываніемъ, восстанавливающимъ части въ цѣлое. Контъ едва-ли-бы высказалъ свой аргументъ, еслибъ онъ не былъ доведенъ до него метафорой о «внутреннемъ зрѣніи» и тѣмъ убѣжденіемъ, которымъ онъ былъ проникнутъ, что это «внутреннее зрѣніе» открыло его современникамъ одни жалкіе пустяки; въ другомъ мѣстѣ онъ ясно высказалъ тотъ самый принципъ, который я защищаю *).

*) „Toutes nos spéculations, même géométriques, s'y rapportent à des phénomènes qui ne sauraient être immédiatement explorés. On n'y peut proprement voir que des directions simultanées ou successives, d'après lesquelles *l'esprit doit construire la forme ou le mouvement que l'oeil n'a pu embrasser.*“ — Comte: *Politique Positive*, I. 500. Это именно и есть построеніе умственнаго процесса.

Какъ обращикъ нелѣпости, на какую намечается въ текстѣ, возьмемъ

68. Мы не отступаемъ отъ своего положенія, что способъ внутренняго наблюденія есть необходимое орудіе изслѣдованія, хотя сфера дѣйствій его и ограничена. Онъ можетъ быть примѣнимъ только къ субъективнымъ измѣненіямъ и необходимо нуждается въ содѣйствіи внѣшняго наблюденія, примѣнимаго къ однимъ объективнымъ измѣненіямъ. Оба способа необходимы и оба имѣютъ общее свое начало въ чувствующемъ организмѣ. Чувствованія, выведенныя наружу и мысленно связанныя съ внѣшнимъ порядкомъ вещей или съ не-я, составляютъ объективное сознаніе въ воспріятіи *вещей*, фактовъ, событій. Чувствованія же, не проявленныя еще наружу, но мысленно связанныя съ внутренней жизнью или нашимъ я, составляютъ субъективное сознаніе въ воспріятіи *состояній*, измѣненій, результатовъ. Противоположность между фактами и чувствованіями, между физисомъ и эстезисомъ — логична и необходима; но это — логическая уловка, а не психическая реальность. Оба способа чувствованія должны быть отнесены къ одному и тому же чувствилищу; видоизмѣненія ихъ зависятъ отъ способовъ возбужденія. Только разнообразныя возбужденія органовъ становятся чувствованіями въ той степени, насколько они

объясненіе В. Кузена, самаго авторитетнаго изъ современниковъ Конта: „La méthode psychologique consiste à s'isoler de tout autre monde que celui de la conscience, pour s'établir et s'orienter dans celui-là, où tout est réalité, mais où la réalité est si diverse et si délicate“ (*Fragments Philosophiques*, préface). Хотя вполне невѣжественный во всѣхъ точныхъ наукахъ, Кузенъ не колеблется формулировать учительскимъ тономъ принципы научнаго метода. Онъ былъ у себя дома въ отвлеченностяхъ, потому что никогда не принимался за тяжелый трудъ изслѣдованія и обращался къ аудиторіямъ, которымъ такъ же было легко отъ полнаго незнанія анализируемыхъ фактовъ; онъ льстилъ имъ обѣщаніемъ болѣе точнаго толкованія всего того, что происходитъ въ ихъ душѣ, путемъ одного самонаблюденія.

вызываютъ чувствилище къ участію въ дѣятельности. Здѣсь всѣ процессы сливаются вмѣстѣ, дополняются, и, при нѣкоторой относительной интенсивности, становятся состояніями сознанія; при меньшей интенсивности, состояніями полусознанія; а при еще меньшей — состояніями безсознательности. Мы различаемъ зрѣніе отъ осязанія и то и другое отъ слуха, какъ виды чувствительности, и каждый изъ способовъ относимъ къ спеціальному органу возбужденія; но мы не полагаемъ для каждаго изъ нихъ отдѣльнаго чувствилища. Точно также мы отличаемъ между собою чувствованія, возникающія изъ внѣшнихъ стимуловъ, отъ тѣхъ, которыя возникаютъ изъ внутреннихъ побужденій; измѣненія внутри насъ, отнесенныя къ измѣненіямъ внѣшнимъ — отъ тѣхъ, которыя относятся къ измѣненіямъ внутреннимъ; такимъ только образомъ субъективное сознаніе можетъ быть отличаемо отъ объективнаго. Объектъ, или вещь, есть, какъ мы думаемъ, группа чувствованій, обусловленная *субстанціей*, составляющей часть великаго цѣлаго — природы. Воспріятіе же, какъ субъективное состояніе, есть группа чувствованій, вызванныхъ какъ мы полагаемъ, другой *субстанціей*, которая тоже часть великаго цѣлаго — природы. Даже и тѣ философы, которые думаютъ, что субстанція духа ни коимъ образомъ не связана съ субстанціей объектовъ, должны допустить, что душевныя и физическія явленія доступны намъ только черезъ посредство чувствованія; поэтому-то подраздѣленія, установленныя нами, сначала до конца останутся подраздѣленіями чувствованій.

69. Если это покажется слишкомъ неуволимымъ на практикѣ, слишкомъ метафизичнымъ для индуктивной науки, мы можемъ вернуться къ простѣйшему факту опыта, который ручается намъ за то, что состоянія сознанія, каково бы ни было ихъ происхожденіе, суть

чувствованія, способныя быть вновь перечувствованы въ формѣ образовъ и воспоминаній. Здѣсь заключается отвѣтъ для тѣхъ, которые задумываются надъ вопросомъ: какъ можетъ духъ видѣть себя мыслящимъ и какъ можетъ глазъ видѣть себя видящимъ? и послѣ этого утверждаютъ, что духъ не можетъ наблюдать своихъ собственныхъ дѣйствій. Фактъ тотъ, что духъ наблюдаетъ свои дѣйствія, и точь въ точь тѣмъ же способомъ, какимъ онъ наблюдаетъ всякія другія операціи. Такъ какъ эти операціи могутъ быть ощущаемы и вновь перечувствуемы въ измѣняющихся условіяхъ и подлежатъ разбору, классификаціи, обобщенію и измѣненію посредствомъ опыта, то они составляютъ данныя для научныхъ построеній. Одного примѣра будетъ достаточно, чтобы подкрѣпить сказанное. Мы вполне увѣрены въ томъ, что запоминаемъ совершившіяся событія и можемъ намѣтить въ какомъ порядкѣ они слѣдовали одно за другимъ; это будетъ операція; но мы одинаково увѣрены и въ томъ, что *припоминаемъ предыдущій процессъ за-
пониманія*; это будетъ сознательность операціи. Повторивъ операцію нѣсколько разъ и при различныхъ условіяхъ, мы ее обобщаемъ и дѣлаемъ обстрактной какъ душевную функцію — память, имѣющую свои особые законы.

ГЛАВА VI.

ОГРАНИЧЕНІЯ МЕТОДА САМОНАБЛЮДЕНІЯ.

70. Послѣ того, какъ мы защитили право внутренняго наблюденія на мѣсто въ научномъ методѣ и доказали, что безъ помощи его всѣ факты внѣшняго наблюденія будутъ также безсодержательны, какъ слова на печатномъ листѣ для глаза, не умѣющаго истолковать смыслъ ихъ внѣшнихъ знаковъ, мы должны теперь рассмотретьъ то значеніе, которое ему придаютъ нѣкоторые изъ психологовъ, считающихъ его за единственное дѣйствительное орудіе изслѣдованія. На первый взглядъ, кажется несомнѣннымъ, что наука о фактахъ сознанія можетъ быть исключительно построена на данныхъ, непосредственно исходящихъ изъ сознанія. Чтобы понять духъ и его операціи, мы должны заглянуть въ него и слѣдить за этими операціями въ насъ самихъ, такъ какъ они рѣшительно не могутъ быть наблюдаемы извнѣ. Какъ бы это ни казалось вѣроятнымъ, оно основано однако на двойномъ заблужденіи:— на ограниченіи науки фактами сознанія и наблюденіемъ надъ процессами въ *индивидуальномъ духѣ*.

71. Я уже указалъ на двусмысленность выраженія «сознаніе», означающаго, одновременно, чувствительность вообще и особенный видъ чувствованія. Слово это беретъ

ся обыкновенно психологами въ его послѣднемъ смыслѣ, но часто употребляется и въ первомъ. Ясность понятія значительно выиграетъ, если замѣнить слово это терминомъ «опытъ», когда рѣчь идетъ о субъективномъ элементѣ въ психологіи. Слово сознаніе въ обыкновенномъ его употребленіи слишкомъ ограничено: оно исключаетъ понятіе о многихъ безсознательныхъ процессахъ, которые, безъ сомнѣнія, тоже душевные процессы. И, съ тѣхъ поръ какъ Лейбницъ обратилъ на нихъ вниманіе, они были признаны существенно важными для всякой теоріи души. Въ 1846 году, Карусъ смѣло утверждалъ, что «ключъ, ведущій къ открытію всѣхъ задачъ сознанія, должно искать въ безсознательномъ» *). Парадоксъ этотъ утрачиваетъ свою странность и становится вполне ясенъ, если мы освободимъ его отъ противорѣчія терминовъ и переведемъ его на выраженіе постоянного и опредѣленнаго соотношенія между функцией и органомъ, между состояніемъ душевнымъ и тѣлеснымъ. Переведенная такимъ образомъ, формула эта выразится приблизительно слѣдующими словами: если мы хотимъ найти ключъ, ведущій къ открытію всѣхъ задачъ душевной дѣятельности, то должны искать его въ изученіи каждой области наблюденія — органическихъ фактовъ и душевнаго опыта, механизма и его исторіи.

Такимъ путемъ мы наведены на существованіе процессовъ въ чувствующемъ организмѣ, которые, какъ такіе, принадлежатъ къ разряду явленій психологическихъ. Это факты чувствительности, а между тѣмъ они безсознательны; и вслѣдствіе того, что они безсознательны,

*) Повторено имъ въ его предисловіи къ *Vergleichende Psychologie*, 1866. Идея эта была, въ значительно преувеличенномъ видѣ, обработана Гартманомъ въ его *Philosophie des Unbewussten*.

они лежатъ внѣ области внутренняго наблюденія и относятся къ внѣшнему наблюденію и выводу. Они составляютъ принадлежность объективной науки, и, тамъ — мѣсто для ихъ изученія, а не въ олицетвореніи отрицанія, въ какой то мистической безсознательности *).

72. Сознаніе — слишкомъ ограниченное выраженіе. Опытъ, напротивъ, понятенъ для всѣхъ чувствительныхъ фактовъ. Если есть противорѣчіе въ выраженіи: «безсознательныя ощущенія», то его нѣтъ въ выраженіи: «безсознательныя опыты»; послѣднее относится къ душевнымъ измѣненіямъ, приобрѣтеннымъ путемъ индивидуальнаго развитія. Опытъ имѣетъ еще дальнѣйшее важное преимущество въ томъ, что переступаетъ факты индивидуальнаго чувствованія, включая въ себя чувствованія расы; такъ что, хотя мы и не въ состояніи сказать, что происходитъ въ душѣ другаго, мы можемъ воспринять и дѣйствительно воспринимаетъ это, какъ новый элементъ, въ нашъ опытъ, посредствомъ внѣшняго наблюденія и вывода и того внутренняго движенія, которое позволительно назвать душевной заразительностью. Опыты милліоновъ людей дѣйствуютъ сообща въ опредѣленіи мыслей и дѣйствій отдѣльной личности.

Стало, въ виду двойственнаго смысла термина — сознаніе, мы можемъ принять слово — опытъ. Но такъ какъ будетъ трудно — вполнѣ устранить выраженіе, приобрѣтшее столь обширное значеніе, двусмысліе это

*) „Il est jusqu'à présent établi que tout jugement conscient est la conclusion d'une série de jugements enfouis dans l'inconscience, et qu'ainsi, pour leur étude, le sens intime ne peut nous être d'aucun secours. Les jugements inconscients appartiennent au passé de notre individu, et comme ce passé se perd à son tour dans celui de l'espèce, nous voilà conduit à rechercher les prémisses d'un jugement actuel dans les actes intellectuelles des premiers êtres sensibles“. — De l'homme: *La Psychologie comme Science Naturelle*, 1876, p. 77.

можетъ быть отчасти устранено нами, если мы будемъ различать сознаніе объективное отъ субъективнаго, обозначая первымъ выраженіемъ душевныя операціи, преимущественно направленные на *объекты*, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя направлены преимущественно на *чувства*. Такимъ образомъ, объективное сознаніе будетъ означать то, что Лейбницъ называетъ «*perceptions dont on ne s'aperçoit pas*» т. е. способность души: разсматривать вещи или событія самихъ по себѣ, а не какъ измѣненія внутри насъ или какъ чувствованія. Эти внѣшнія измѣненія должны быть признаны, какъ не менѣе истинныя въ области сознанія, такъ какъ они существуютъ въ насъ только какъ измѣненія нашего чувствованія *). Но значеніе, которое они имѣютъ для насъ, связано съ тѣмъ, что лежитъ внѣ насъ. Только въ томъ случаѣ, когда они разсматриваются съ точки зрѣнія личной, становятся они психологическими фактами. Движенія планетъ, соединенія газовъ, строеніе и функціи организмовъ — объекты физической и біологической науки, и въ этомъ смыслѣ они лежатъ внѣ области психологій. Но если объекты эти разсматривать съ точки зрѣнія субъективной, какъ чувствованія и соотношенія чувствованій между собою, такими, какъ мы знаемъ ихъ и какъ они относятся другъ къ другу, тогда они становятся психологическими фактами. Сознаніе — опытъ — занимающій въ одномъ случаѣ положеніе объективное, а въ другомъ случаѣ — положеніе субъективное. Въ обоихъ случаяхъ это было сознаніе — чувствованіе — опытъ.

*) Это различіе было принято профессоромъ Бэномъ: „Сознаемъ ли мы себя въ какой либо формѣ, когда мы исключительно заняты объективнымъ міромъ? Мнѣ кажется, что мы сознаемъ и я называю это объективнымъ сознаніемъ въ отличіе отъ элементовъ субъективнаго сознанія“. *The Emotions and the Will*, 3d ed. p. 546.

73. Читатель пожалуй спроситъ: чѣмъ отличается изученіе объективнаго сознанія, изложенное здѣсь, отъ фізіологіи? Повторяю, фізіологія и психологія, хотя каждая по своему и касается однихъ и тѣхъ же явленій организма, отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первая, т. е. фізіологія, преимущественно занимается механизмомъ, чѣмъ бы функціи его не были *вызваны*, вторая же, т. е. психологія, занимается разсмотрѣніемъ и этихъ самыхъ функцій и *соотношенія* ихъ между собою. Объективные факты механизма и его операцій принадлежатъ психологіи, когда они разсматриваются въ ихъ отношеніяхъ къ субъективному опыту, т. е. когда вещественный механизмъ получаетъ свое толкованіе въ терминахъ душевнаго механизма. Напримѣръ, ложное воспріятіе можетъ быть истолковано болѣзненнымъ состояніемъ органовъ: въ этомъ случаѣ это будетъ фактъ фізіологическій; или оно можетъ быть истолковано, какъ ошибка сужденія, вслѣдствіе того, что положеніе посылокъ ненормально въ своей связи съ опытомъ: тогда это фактъ психологическій.

Безсознательные процессы не могутъ, слѣдовательно, подлежать внутреннему наблюденію; они могутъ однако быть наблюдаемы въ своихъ результатахъ и истолкованы посредствомъ сужденія. Если мы сдѣлали заключеніе или совершили дѣйствіе — безсознательно, мы можемъ при анализѣ раскрыть, что это дѣйствіе не могло совершиться безъ участія чувствующихъ и логическихъ процессовъ, тѣхъ самыхъ, которые происходятъ и въ дѣйствіяхъ сознательныхъ. Нѣкоторые изъ писателей полагаютъ, что подобныя дѣйствія относятся къ области фізіологіи потому, что они безсознательны и истекаютъ изъ органическихъ состояній. Они принадлежатъ либо къ фізіологіи, либо къ психологіи, смотря по

точки зрѣнія, съ которой они разсматриваются. Наша точка зрѣнія не измѣняетъ событій. Состояніе органическое и чувствующее: это одно и тоже состояніе, разсмотрѣнное съ разныхъ сторонъ. Фактъ, что безсознательныя дѣйствія принадлежатъ къ области психологіи можно доказать двояко: во первыхъ тѣмъ, что эти процессы совершаются въ чувствующемъ организмѣ; во вторыхъ тѣмъ, что они происходятъ отъ процессовъ сознательныхъ. Это же самое доказательство относится и къ такъ называемымъ «безсознательнымъ ощущеніямъ». Мы часто совершенно не замѣчаемъ внѣшнихъ стимуловъ и вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій, пока мы не натолкнемся на нихъ случайно, косвенными послѣдствіями, вызванными ими. Фехнеръ рассказываетъ, что напротивъ его кровати находится желѣзная печь, и черная труба ея рѣзко отдѣляется отъ свѣтлой стѣны; она первый предметъ, который онъ видитъ, когда утромъ просыпается. Но часто бываетъ, что онъ не видитъ трубы — это значитъ: онъ имѣетъ объективный опытъ этого факта, но субъективно занятъ нѣкоторыми *другими* чувствованіями. Между тѣмъ съ нимъ иногда бываетъ и то, что закрывъ случайно глаза, онъ замѣчаетъ живое изображеніе этой трубы (негативный образъ), что служитъ яснымъ доказательствомъ того, какъ стимулы ощущеній производятъ свое нормальное дѣйствіе на организмъ, хотя дѣйствіе это и совершается безсознательно, когда оно подавлено другими, болѣе сильными, воспріятіями.

74. Гельмгольцъ, приводя примѣры обычной безсознательности въ процессахъ нормальнаго чувствованія — которые могутъ стать сознательными, если вниманіе прямо обращено на нихъ — замѣчаетъ, что мы привыкли истолковывать свои ощущенія преимущественно въ ихъ объ-

ективныхъ отношенійхъ, какъ средства направлять наши дѣйствія и знакомиться съ внѣшней средой. Субъективная же сторона ихъ имѣетъ, преимущественно, интересъ съ точки зрѣнія научной и значительно замѣшивалась бы въ обычное употребленіе нашихъ чувствъ, еслибы мы постоянно прислушивались къ ней. Изъ этого слѣдуетъ, что мы, достигая чрезвычайной утонченности и вѣрности въ объективномъ наблюденіи, въ то же время не только не приобретаемъ этого по отношенію къ субъективному наблюденію, но, напротивъ того, въ сильной степени вырабатываемъ способность совершенно не замѣчать внутреннихъ процессовъ *). Мы уже допустили, что внутреннее наблюденіе, въ научномъ отношеніи, недостаточно вслѣдствіе того, что факты, обнаруживаемые имъ, хотя и вполнѣ *достоверны*, но никогда не бываютъ *точны* и всегда носятъ характеръ личный, а не общій. Они не допускаютъ возможности быть измѣрены строго опредѣленной мѣркой сравненія; они могутъ быть разобраны, обозначены и классифицированы, но ихъ нельзя перенумеровать, измѣрить и привести къ сравненію. Они не имѣютъ общей мѣрки; а имѣютъ только общій характеръ. Одно чувствованіе можетъ быть интенсивнѣе другаго, оно можетъ быть сходно съ другимъ въ неопредѣленной степени; но мы никогда не можемъ сказать, «на сколько больше», ни «на сколько сходно». Тутъ не можетъ быть уравниенія, иначе какъ замѣной объективными признаками; такъ что только прибѣгая къ внѣшнему наблюденію мы можемъ истолковать результаты наблюденія внутренняго, терминами точной науки, точно такъ, какъ только путемъ самонаблюденія мы можемъ истолковать значеніе внѣшняго наблюденія, въ связи съ опытомъ.

*) Helmholtz: *Physiol. Optik.*, 432.

75. Мы могли бы не обратить вниманія на недостатокъ точности и указать на достовѣрность, какъ на достоинство, вознаграждающее за упомянутый пробѣлъ, еслибъ внутреннее наблюденіе не было ограничено въ своихъ прямыхъ дѣйствіяхъ индивидуальными состояніями наблюдателя. Глядя внутрь себя, онъ можетъ видѣть только то, что происходитъ въ его душѣ, но психологія — наука души всего человѣчества, а не индивидуальной души. Ни одна наука не можетъ быть основана на отдѣльныхъ образцахъ; она формулируетъ общіе законы, а не частные случаи. Индивидуальный наблюдатель имѣетъ свои идіосинкразіи, особенности, зависящія отъ его организма и его воспитанія: онѣ должны быть удалены или приведены къ извѣстнымъ законамъ. Если половое стремленіе въ немъ слабо, а способность къ отвлеченному умозрѣнію сильна, онъ сдѣлаетъ важную ошибку, избравъ себя мѣриломъ и толкуя, на основаніи личныхъ свойствъ, мотивы другихъ. Если онъ, т. е. индивидуальный наблюдатель, родился среди высшей цивилизаціи, онъ найдетъ въ своемъ умственномъ строеніи организованныя сужденія, кажущіяся элементарными принципами, и вѣроятно убѣдится въ томъ, что эти сужденія вполнѣ отсутствуютъ въ умѣ людей, рожденных въ другія времена и въ другихъ странахъ; то, что въ немъ интуитивно, то будетъ совершенно недоступно другимъ *).

*) „Многія понятія, говоритъ Кантъ, возникаютъ въ нашемъ умѣ отъ вѣкотораго неяснаго опытнаго возбужденія и переходятъ въ выводы тайнымъ логическимъ путемъ, безъ яснаго сознанія какъ опыта, возбуждающаго мысль, такъ и разума, вырабатывающаго понятія. Прежде чѣмъ эти понятія, которыя развиваются въ темныхъ закоулкахъ души, освѣтятся сознательнымъ разсудкомъ, мы не можемъ быть увѣрены въ ихъ значеніи. Мы часто видимъ отвращеніе къ такой критической работѣ, въ

Обращаясь къ изслѣдованію происхожденія своихъ чувствованій и мнѣній, онъ убѣдился бы въ томъ, что его душа продуктъ исторіи и, исходя изъ этого убѣжденія, онъ долженъ заключить, что такъ какъ его исторія не была точно такая же, какъ исторія другихъ людей, то и душа другихъ не можетъ быть точно такою же, какъ его собственная. Поэтому его сознательность не можетъ быть принята за мѣрило, она можетъ только служить матеріаломъ для науки настолько, насколько вообще соприкасается съ сознаниемъ другихъ людей. Вычеркивая все, что есть индивидуального въ каждомъ, мы можемъ дойти до пониманія того, что имѣетъ общій характеръ *). Такъ, мы научаемся приблизительно оцѣнивать операцію мотивовъ и логическихъ приѣмовъ не только въ насъ самихъ, но и въ другихъ. Обзорѣвая различныя человѣческія расы и различныя степени культуры и дополняя то и другое зоологическими наблюденіями и фізіологическими индукціями, мы исправляемъ до нѣкоторой степени недостаточности внутренняго наблюденія и получаемъ основательныя данныя для общей науки.

76. Мнѣ, пожалуй, скажутъ, что ни одинъ психологъ никогда не сомнѣвался въ этомъ и никогда не предлагалъ формулировать общіе законы на основаніи личныхъ опытовъ. Но, въ такомъ случаѣ, методъ внутренняго наблюденія лишается своего права быть единственнымъ

особенности относительно тѣхъ понятій, которые выросли вмѣстѣ съ нами и стали какъ бы существенной частью къ привычкамъ нашего мышленія. Такимъ образомъ часто случается, что глубокій мыслитель становится софистомъ, защищающимъ заблужденія своей юности“. Цитировано Caird'омъ въ *Philosophy of Kant*, стр. 151.

*) Исключая тѣхъ случаевъ, когда идіосинкразіи указываютъ на возможность ненормальныхъ дѣйствій организма и получаютъ значеніе, сходное съ патологическими случаями.

методомъ въ психологіи, и я спрашиваю далѣе: къ чему сводится мнѣніе, такъ часто высказываемое, будто явленія сознанія ограничиваются нашимъ внутреннимъ чувствомъ и будто никто не въ состояніи наблюдать того, что происходитъ въ душѣ другаго? Одно изъ двухъ: или мысли и чувства другихъ дѣйствительно недоступны намъ, и въ этомъ случаѣ психологія, какъ наука, немыслима; или же наоборотъ мысли и чувства другихъ намъ доступны, и въ такомъ случаѣ намъ необходимо, на ряду съ методомъ внутреннего наблюденія, пользоваться и другими методами.

Въ § 53 мы коснулись этого вопроса и видѣли, что мысли и чувства другихъ доступны намъ тѣмъ же путемъ, какъ и все, что не мы сами; ихъ объективное выраженіе истолковывается нашими чувствованіями. Совершенно вѣрно, что я не могу испытывать чувствъ другаго потому, что я не другой и не могу быть другимъ; но я могу знать этого другаго и знать, что чувства его сходны съ моими, точно такъ, какъ онъ и самъ имѣетъ сходство со мной. Я принужденъ выйти изъ собственной субъективной сферы, если я хочу посмотрѣть на то, что знаю, не какъ на чувствованіе, а какъ на объектъ, а всѣ объекты воспринимаются, какъ чувствованія или ихъ знаки. То, что доступно мнѣ съ объективной стороны, не составляетъ субъективной стороны предмета или явленія, поэтому я не могу знать вашихъ чувствъ съ точки зрѣнія ихъ субъективности, но я могу знать ихъ, какъ объективные факты. Я могу наблюдать дѣйствіе нѣкоторыхъ изъ стимуловъ на ваши чувства и дѣйствіе нѣкоторыхъ моральныхъ внушеній, проявляющихся въ вашихъ поступкахъ. Я вижу, что вы дѣйствуете, какъ я, я слышу, что вы говорите, какъ я, вы разсуждаете, какъ я, любите, какъ я, дрожите, какъ я.

Въ литературѣ и искусствѣ я встрѣчаю мысли и чувства, которыя я могу объяснить посредствомъ своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ. Я увѣренъ, что истины точной науки понимаются вами точно также, какъ и мною, и я знаю, что всѣ процессы въ вашей душѣ происходятъ по тѣмъ же законамъ, которые дѣйствуютъ и во мнѣ, всё равно, какъ я увѣренъ въ существованіи внѣшняго міра. Кантъ подразумѣваетъ тоже самое, когда онъ говоритъ, что «не только внутренний опытъ образуется такимъ же точно путемъ, какъ и внѣшній», но что, кромѣ того, «внутренний опытъ подчиненъ внѣшнему и находится въ зависимости отъ него, такъ что мы можемъ сознать только свои собственные чувствованія, какъ такія, въ силу противоположности и отношенія ихъ къ внѣшнему міру» *).

77. И такъ, если необходимо, чтобы психологія формулировала общіе законы человѣческаго ума, а не классифицировала только его индивидуальныя состоянія, то чувствованія и мысли другихъ должны быть доступны намъ. И если они недоступны намъ съ ихъ субъективной стороны, мы должны искать доступа къ нимъ со стороны объективной. Мы должны замѣнить внутреннее наблюденіе внѣшнимъ. Мы должны изучить операціи души въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, точно такъ, какъ мы изучаемъ дѣйствія электричества по даннымъ результатамъ. Мы должны разнообразить свои наблюденія надъ дѣйствіями человѣка и животныхъ опытомъ, пополняя пробѣлы наблюденія гипотезами. Если намъ извѣстны факты и условія данныхъ дѣйствій настолько, что факты эти могутъ быть вновь воспроизведены опытомъ, тогда цѣль нашего изслѣдованія достигнута и, вслѣдъ за этимъ, мы можемъ приступить къ построенію доктрины.

*) Caird, p. 287.

Все это показываетъ намъ полную недостаточность самонаблюденія даже еслибъ его область и была сопротязженна съ физическими явленіями. Есть нѣчто наивное въ идеѣ, будто просто, слѣдя за измѣненіями въ сознаніи, можно дознаться сложности явленій и законовъ переменны, не беря въ расчетъ условій, опредѣляющихъ явленія. Ни одна наука не можетъ быть построена внѣ данныхъ, получаемыхъ путемъ наблюденія надъ явленіями, по мѣрѣ ихъ прохожденія. Мы наблюдаемъ результаты и анализируемъ ихъ составныя части, дополняя видимый порядокъ вещей невидимымъ. Какую пользу принесло наблюденіе надъ падающими тѣлами? Милліоны наблюденій, въ безконечно разнообразныхъ обстоятельствахъ, оставляли людей въ невѣдѣніи относительно существенныхъ и неизмѣнныхъ условій паденія. Ньютонъ изобрѣлъ и потомъ доказалъ гипотезу, что условія эти — масса и разстояніе отъ центра земли: эти два неизмѣнные условія были выражены въ законѣ тяготѣнія. Съ тѣхъ поръ наблюденія надъ падающими тѣлами стали плодотворны и фактъ, самъ по себѣ, сталъ вполне понятенъ.

ГЛАВА VII.

С В О Б О Д А В О Л И.

78. Для того, чтобы показать на примѣрѣ, какъ обманчивъ методъ самонаблюденія, если слѣдовать исключительно ему, я позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Защитники свободы воли опираются на методъ самонаблюденія и утверждаютъ, что приговоръ сознанія рѣшительно говоритъ въ пользу этой свободы. «Мы знаемъ, сказалъ Джонсонъ, что воля свободна, и на этомъ дѣло кончается».

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, голосъ сознанія, какъ я уже упомянулъ въ другомъ мѣстѣ, дѣйствительно является высшимъ авторитетомъ. Никакія доказательства не могутъ разубѣдить меня въ томъ, что я чувствую, или думаю, то, или другое. Я испытываю ощущеніе колотья въ ногѣ: ощущеніе это абсолютно вѣрно для меня. Я думаю, что какое-то животное наноситъ мнѣ уколы. Опять несомнѣнно для меня, что я такъ думаю. — На столько сознаніе имѣетъ прямое, непосредственное преобладаніе, и самонаблюденіе служить ему не болѣе, какъ вторымъ названіемъ. Но причины или условія моего ощущенія не доступны моему сознанію; мысль моя требуетъ себѣ подтвержденія со стороны внѣшняго наблюденія, и если предполагаемое животное не существуетъ въ дѣйствитель-

ности, анализъ можетъ напередъ раскрыть различныя причины, вызвавшія во мнѣ ощущеніе укола, одна изъ которыхъ можетъ быть сходна съ причиной, обусловливающей данный случай.

И такъ, по отношенію къ свободѣ воли, чему можетъ, въ самомъ дѣлѣ, научить насъ сознаніе? Оно указываетъ намъ на то, что мы дѣлаемъ выборъ, что изъ многихъ, представлявшихся намъ путей, мы избираемъ одинъ. Но выборъ, подобный колотью въ ногѣ, есть опытъ, который можетъ быть разложенъ посредствомъ анализа, и причины котораго могутъ быть провѣрены наблюденіемъ. Сознаніе выбора еще не доказываетъ, что актъ нашего выбора тоже, что и свобода воли, принимая выраженіе это въ томъ смыслѣ, что душевная дѣятельность пойдетъ своимъ чередомъ, независимо отъ закона причинности. Все, что мы въ правѣ вывести изъ многочисленныхъ наблюденій надъ поступками людей и изъ нашего практическаго толкованія этихъ поступковъ, приводитъ насъ къ заключенію, что дѣйствія, ощущенія, эмоціи и мысли также строго подчинены закону причинности, какъ и движеніе планетъ или колебанія морской волны. Конечно, никто изъ современныхъ мыслителей, имѣющихъ какое либо значеніе, не станетъ утверждать, что воля наша безпричинна, что она свободна отъ неумолимаго закона подчиненія извѣстнымъ условіямъ. Весь вопросъ въ томъ: каковы эти условія? Допуская, что дѣйствія наши опредѣляются самыми строгими мотивами, мы всѣ признаемъ, что свобода наша заключается въ возможности, съ нашей стороны, выбора сталкивающихся между собой мотивовъ, и эта-то возможность, или сила, придаетъ мотиву его высшую энергію. Мы чувствуемъ, что мы свободны въ выборѣ и знаемъ, что отвергнутые нами мотивы *могли бы быть* избраны нами.

Надъ этими отдѣльными мотивами и индивидуальными пожеланіями мы сознаемъ существованіе воли, личности, которая опредѣляетъ настоящее значеніе ихъ.

79. Мы не раньше можемъ покидать метафизическую точку зрѣнія для біологической, разсматривать волю, какъ функцію нашего организма, чѣмъ когда опредѣляемая нами свобода войдетъ въ границы детерминизма, какъ частный случай общаго закона причинности. О свободѣ позволительно сказать тоже, что и о случайности. Если мы говоримъ о чемъ нибудь, совершившимся случайно, мы не предполагаемъ, что оно *независимо* отъ всякихъ условій; мы думаемъ лишь, что условія не предвидѣны нами, неизвѣстны намъ, что они выходятъ изъ обычнаго порядка. Такого рода случайность: когда мы изъ многихъ бѣлыхъ шаровъ вынимаемъ одинъ черный; но рука, вынувшая этотъ черный шаръ, была направлена въ его сторону строго опредѣленными условіями. Такъ какъ мы не знаемъ: какія это условія, хотя и знаемъ, что еслибъ, въ силу общихъ законовъ, дѣйствовали другія условія, то были бы выбраны и другіе шары — мы называемъ выборъ случаемъ. Организмъ нашъ — часть природы и плыветъ по общему теченію съ естественными силами. Но организмъ нашъ, въ тоже время, представляетъ извѣстную *систему* силъ, и система эта заключаетъ внутри себя условія спеціально принадлежащихъ ей дѣйствій; совершенно такъ, какъ земля, хотя и есть часть природы, но она сама по себѣ — система, и движенія ея до извѣстной степени независимы отъ солнечной системы. Корабль, подталкиваемый волнами, не опредѣляетъ индивидуальных движеній моряковъ. Каждый изъ моряковъ знаетъ, что онъ движется вмѣстѣ съ кораблемъ, но онъ знаетъ также, что онъ свободенъ двигаться на палубѣ, назадъ и впередъ. Произвольныя движенія сущъ.

дѣйствія организма. Съ физической стороны, никто не станетъ сомнѣваться, что всякій моментъ движенія строго опредѣляется содѣйствующими условіями. Физическій механизмъ, дѣйствительно, намъ еще мало знакомъ; но мы вполне увѣрены, что онъ не заключаетъ въ себѣ свободы дѣйствій (въ смыслѣ отсутствія детерминизма). Со стороны духовной, мы имѣемъ субъективныя соотношенія съ объективными процессами. Каждый элементъ чувствованія имѣетъ соотвѣтствующій ему элементъ въ міровомъ расположеніи, потому что всякое измѣненіе въ чувствованіи есть ничто иное, какъ нервное сотрясеніе или группа сотрясеній. Если предположить, что сталкивающіеся между собой мотивы не имѣютъ соотвѣтствующей имъ борьбы въ нервныхъ группахъ, и что, въ случаѣ выбора, не происходитъ соотвѣтственнаго измѣненія въ нервной системѣ, это значитъ глядѣть на волю, какъ на самостоятельную сущность, а не какъ на функцію организма.

80. Анализъ дѣйствія воли показываетъ намѣреніе, усиліе и двигательный результатъ: три различныя состоянія чувствованія, изъ которыхъ каждое можетъ существовать отдѣльно, или въ различныхъ комбинаціяхъ. Мы можемъ имѣть намѣреніе совершить дѣйствіе, но не дѣлать усилія чтобы исполнить намѣреніе: въ этомъ случаѣ, намѣреніе остается *мозговымъ отзвукомъ* этого акта. Мы можемъ дѣлать усиліе, но быть неспособны совершить актъ, или остановимъ его въ самомъ началѣ. Организмъ, будучи возбужденъ различными стимулами, вызывающими разнообразіе нарождающихся импульсовъ, можетъ, въ каждый данный моментъ, разрядиться только однимъ двигательнымъ дѣйствіемъ, которое является результатомъ сочетанія силъ. Всѣ эти возникающіе импульсы остаются нереализованными, хотя и существуютъ,

какъ состоянія чувствительности, болѣе или менѣе сознательныя, и каждое изъ нихъ *способно* сдѣлаться двигателемъ, или мотивомъ, при иной комбинаціи. Говоря языкомъ психологіи, результатъ есть выбранный мотивъ, опредѣляющійся тремя условіями: 1-е, свойствомъ возбудителя; 2-е, состояніемъ душевной дѣятельности въ данный моментъ; 3-е, индивидуальностью даннаго лица.

И такъ, сознаніе, раскрывая передъ нами факты колебанія и выбора, показываетъ намъ, что одинъ изъ различныхъ импульсовъ взялъ перевѣсъ, но не показываетъ, что этотъ преобладающій импульсъ лежитъ внѣ условій организма. Хотя повидимому оно и указываетъ на то, что любой изъ импульсовъ *могъ бы* быть выбранъ; но заблужденіе это объяснимо. Когда мы слѣдуемъ преобладающему импульсу, мы, въ это время, или вполне, или на половину, сознаемъ одновременныя побужденія, въ различныхъ направленіяхъ. Вспоминая случившееся, мы вспоминаемъ нѣкоторые изъ возникавшихъ импульсовъ, столкнувшихся между собою; и вспоминая, такимъ образомъ, отвергнутые мотивы, мы въ каждомъ изъ нихъ узнаемъ мотивъ, существовавшій ранѣе, и который можетъ быть вновь выбранъ. Эти размышленія объ душевныхъ операціяхъ нашего ума даютъ намъ сознаніе объ *измѣняемости* въ побужденіи и увѣренность, что мы *могли бы* выбрать одно изъ отвергнутыхъ нами побужденій. Убѣжденіе это, будучи разъяснено, значитъ, что, въ данныхъ условіяхъ, дѣйствіе «могло бы быть» иначе опредѣлено; но эти слова «могло бы быть» означаютъ *воображаемую замѣну дѣйствительныхъ* условій въ пользу другихъ. Когда говорится: «мы могли бы выбрать другой мотивъ, еслибъ захотѣли», то подъ этимъ разумѣется, что другой мотивъ взялъ бы перевѣсъ, еслибъ въ данный моментъ онъ былъ сильнѣе другихъ. И въ такомъ слу-

чаѣ, сочувственная эмоція, боязнѣ сдѣлать дурной поступокъ, предвидѣніе дурныхъ послѣдствій, или благо-родное рѣшеніе, были бы достаточными мотивами для опредѣленія нашихъ дѣйствій.

81. Двигательный импульсъ въ голодной собакѣ все-таки не достаточно силенъ для того, чтобъ заставить ее украсть кусокъ мяса, если, въ это время, она помнитъ побои, которые подобныя вольности навлекали на нее. Борьба между голодомъ и боязнью опредѣляется, или энергіей голода, или воспоминаніемъ о полученныхъ побояхъ. Весьма часто сила первичнаго импульса неотра-зима. Были случаи, когда лисица, спасаясь отъ собакъ, бросалась въ сторону, чтобы поймать утку, попавшуюся ей на дорогѣ. Галль рассказываетъ случай о ворѣ, укравшемъ серебряную табакерку у священника, которому онъ, умирая, исповѣдывался въ грѣхахъ. Образованный человѣкъ предвидитъ отдаленныя послѣдствія и предви-дѣніе это входитъ въ составъ его мотивовъ. Физиологи-чески выражаясь, состояніе выбора мотивовъ есть не-разрѣшившійся рефлексъ, а выборъ — результатъ этого состоянія.

82. Вслѣдствіе сложности условій, въ человѣческихъ поступкахъ существуетъ чрезвычайное разнообразіе, ко-торое затрудняетъ ихъ предвидѣніе, и М-ръ Селли спра-ведливо замѣчаетъ, что «неспособность предсказывать поступки кажется большинству умовъ признакомъ от-сутствія объективной однообразности». (*Sensation and Intuition*, 1874, р. 131). Даже относительно самихъ се-бя, бываетъ иногда невозможно опредѣлить: какія усло-вія сдѣлали одинъ мотивъ преобладающимъ надъ дру-гими. Это происходитъ отъ того, что нѣкоторые изъ мотивовъ лежатъ въ области безсознательнаго. Спиноза думалъ, что люди считаютъ дѣйствія свои свободными,

потому что сознають ихъ, но не знаютъ причинъ, которыя вызвали ихъ. Но тутъ заключается нѣчто большее, чѣмъ это. Хотя намъ и неизвѣстны причины, опредѣляющіе ростъ листьевъ и стволовъ, складъ и окрашиваніе животныхъ, мы тѣмъ не менѣе не сомнѣваемся въ томъ, что причины эти существуютъ и что для каждаго отдѣльнаго случая требуется особый, опредѣляющій его мотивъ. А есть ли тутъ что нибудь большее? Это — наше понятіе о личности, которое не ограничивается временнымъ чувствованіемъ и не исчезаетъ вмѣстѣ съ совершившимся поступкомъ. Одного чувствованія недостаточно. Мы сознаемъ извѣстныя дѣйствія нашихъ органовъ, которыя мы не приписываемъ импульсамъ воли. Въ актѣ воли существуетъ вмѣшательство нашего «я»; это значитъ, что рядомъ съ чувствомъ, присущимъ самому акту, здѣсь существуетъ другое неопредѣленное чувство того, что актъ этотъ есть одно изъ весьма разнообразныхъ проявленій нашего «я». Это понятіе о самомъ себѣ, или о личности, какъ понятіе высшее, управляетъ каждымъ отдѣльнымъ проявленіемъ нашимъ и представляетъ собою другую сторону соотношенія организма и его органовъ. Разъ образовавшись, оно является представителемъ отвлеченной воли, господствующей надъ конкретными хотѣніями такъ, что хотя каждое отдѣльное хотѣніе приписывается мотиву и, такимъ образомъ, подлежитъ ограниченію закона причинности, но мотивы сами по себѣ предполагаются какъ бы подчиненными волѣ, которая сама независима отъ причинъ. Это допустимо съ той точки зрѣнія, что метафизическая абстракція не подлежитъ физическимъ опредѣленіямъ, и что противоположность между духовнымъ и механическимъ представляетъ нѣчто болѣе, чѣмъ противоположность въ проявленіяхъ; но это несостоятельно, когда мы

сводимъ абстракцію къ ея конкретамъ въ субъективныхъ и объективныхъ терминахъ и смотримъ на волю, какъ на обобщенное выраженіе всѣхъ волевыхъ импульсовъ.

83. Біологъ признаетъ фактъ размышленія и выбора, подтверждаемый сознаниемъ; болѣе того, онъ признаетъ, что каждый отдѣльный выборъ зависитъ частью отъ неизмѣнныхъ условій механизма, частью отъ измѣняющихся условій опыта. Поэтому, нравственная причинность значительно отличается отъ физической причинности, хотя та и другая представляютъ примѣры одной и той же необходимой послѣдовательности, и обѣ онѣ входятъ въ *существо* дѣйствующихъ условій. Какъ біологи, такъ и метафизики, вполнѣ признали тѣ факты, что мы въ извѣстныхъ границахъ обладаемъ возможностью останавливать и направлять дѣйствіе нашихъ органовъ и ходъ нашихъ мыслей; что мы можемъ на столько овладѣть ими, что будемъ свободно совершать дѣйствія, которые механизмъ мотивовъ не въ состояніи выполнить; что обладая такимъ контролемъ надъ своими дѣйствіями, мы можемъ стать подъ руководство опыта и посредствомъ его расширить и даже измѣнить первоначальныя стремленія пока то, что однажды было непосредственнымъ рефлексомъ механизма, не станетъ намъ противно и не будетъ подавлено. Всѣ вышеприведенные факты самоопредѣленія вполнѣ признаны, и біологи согласны съ тѣмъ, что факты эти могутъ быть объяснены, не прибѣгая къ причинамъ, лежащимъ внѣ организма.

84. Пока мы подъ сознательностью свободы разумѣемъ сознательность размышленія, то мы подъ этимъ просто разумѣемъ, что чувствующій организмъ способенъ къ различнымъ одновременнымъ возбужденіямъ. Мы на столько же «свободны» совершать одно дѣйствіе вмѣсто другаго, какъ мы «свободны» сдѣлать одинъ вы-

водъ вмѣсто другаго; это значить, что всякое дѣйствіе и всякая мысль возможны при извѣстныхъ условіяхъ и могутъ возникнуть, если только условія эти ничѣмъ не будутъ задержаны. Изъ различныхъ идей, возникающихъ въ данный моментъ, логически и неизбѣжно складывается выводъ. Мнѣніе «свободно» въ томъ смыслѣ, что при иныхъ послылкахъ могло бы сложиться иное заключеніе; но мнѣніе не свободно сдѣлать другаго заключенія, если послылки остаются неизмѣнны. Мы свободны принять или отвергнуть пространство, имѣющее *n* протяженія, но никто не свободенъ думать что угодно о квадратѣ гипотенузы, если будетъ слѣдовать геометрическимъ доказательствамъ. Если ваше заключеніе отличается отъ моего въ какомъ нибудь изъ пунктовъ, то это потому, что послылки не имѣютъ одинаковаго значенія для васъ и для меня. Наша общая свобода состоитъ въ этой возможности прилагать къ однимъ и тѣмъ же символамъ различное значеніе, точно такъ, какъ свободная воля наша заключается въ возможности испытывать одинаковыя чувствительныя возбужденія, имѣющія, при различныхъ состояніяхъ организма, различныя степени противодѣйствія.

85. Воля, это — осуществленное желаніе. Состояніе чувствованія, стремящееся къ дѣйствію, но вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ внутреннихъ или внѣшнихъ, не способное перейти въ активность, есть тотъ неопредѣленный и смутный позывъ, который мы называемъ желаніемъ. Если оно сопровождается отголоскомъ въ мозгу, означающимъ болѣе или менѣе ясное пониманіе способовъ, посредствомъ которыхъ дѣйствіе можетъ быть выполнено, и если за этимъ отголоскомъ слѣдуетъ двигательный импульсъ, то мы называемъ такое дѣйствіе хотѣніемъ. Мы можемъ желать недостижимаго, но не можемъ хотѣть его.

Никто не полагаетъ, что *желанія* наши свободны. Существуящая въ данномъ случаѣ свобода заключается въ столкновеніи желаній и въ выборѣ, который опредѣляется самымъ сильнымъ изъ преобладающихъ, въ данный моментъ, желаній. Преобладаніе это зависитъ частью отъ силы непосредственного стимула, а частью отъ способности предусмотрѣть возможности и слѣдствія, вызываемыя желаніемъ. Вотъ тутъ-то желаніе и переходитъ въ волю, но какъ бы ни былъ силенъ стимулъ, возбуждающій желаніе, если онъ на опытъ связанъ съ воспоминаніемъ о непріятныхъ послѣдствіяхъ, мы станемъ ему сопротивляться или будемъ избѣгать вновь подвергаться тому стимулу, который его возбуждаетъ. Такъ какъ воля есть ничто иное, какъ обстрактное выраженіе продукта опыта, изъ этого слѣдуетъ, что воля наша можетъ быть воспитана и можетъ быть подведена подъ извѣстный нравственный законъ, точно такъ, какъ архитектура сводится къ механическимъ законамъ, а мышленіе къ знанію.

86. Весь споръ возникъ изъ двухъ ошибокъ умозрѣнія: первая, это — олицетвореніе отвлеченнаго понятія о волѣ, какъ о чемъ-то особомъ отъ всѣхъ прочихъ волевыхъ импульсовъ, и, слѣдовательно, независимомъ отъ ихъ условій; вторая, это — искусственный аналитическій приѣмъ, помощью котораго всякое частное чувство выдѣлялось изъ общаго состава сосуществующихъ чувствъ и считалось неизмѣннымъ въ своемъ значеніи, между тѣмъ какъ всякое отдѣльное чувство, взятое какъ мотивъ, всегда имѣетъ только относительное значеніе. Изъ того что человѣкъ хочетъ: *) «презирать наслажденія и вести трудовую жизнь»: — хочетъ подвергнуть себя ли-

*) „Scorn delights and live laborious days“.

шеніямъ голода, страданіямъ холода и усталости, для того, чтобъ оказать помощь, либо совершить подвигъ, или исполнить дѣло, удовлетворяющее его честолюбію — мы не заключаемъ, что онъ неспособенъ пользоваться отвергнутыми наслажденіями и нечувствителенъ къ холоду, голоду и усталости. Каждый изъ этихъ мотивовъ при другихъ условіяхъ опредѣлитъ соотвѣтствующее ему дѣйствіе; но, въ виду открывающейся передъ нами цѣли, импульсы эти подавляются. При такихъ условіяхъ выступаетъ впередъ наша личность для того, чтобы извѣстнымъ образомъ направить наше поведеніе. Прочнаго чувства нашего достоинства, или долга, или заботы о чужомъ благосостояніи, достаточно для того, чтобы сдерживать побужденія, несовмѣстныя съ ними, точно такъ, какъ предвидѣнія побой достаточно для того, чтобы сдерживать голодную собаку. Въ такомъ смыслѣ Тома Кэмпійскій и говоритъ: *occasiones hominem fragilem non faciunt, sed qualis sit, ostendunt*. Въ этомъ смыслѣ только можемъ мы сказать, что наше сознательное «я» — причина, опредѣляющая мотивы.

87. Въ заключеніе мы отмѣтимъ, что старый споръ о свободѣ и необходимости поступковъ въ настоящее время сводится къ вопросу о томъ: есть ли душа функція организма, или сущность, дѣйствующая на и чрезъ него? Подъ словомъ необходимость можно понимать: или 1) неизмѣнный законъ причинности, независимый отъ измѣненій въ условіяхъ, или 2) неизмѣнность самихъ условій. Часовой механизмъ неизмѣнно дѣйствуетъ въ одномъ направленіи, если онъ только вообще дѣйствуетъ. Свидѣтельство же сознанія призывается въ доказательство того, что такая неизмѣнность не присуща нашимъ дѣйствіямъ и что организмъ въ значительной степени измѣняется, регулируя самого себя. Обыденное ошибочное

толкованіе слова механизмъ, когда оно примѣняется къ организмамъ, вызвало мнѣніе, будто дѣйствія наши должны представлять то же однообразіе, которому подчинены дѣйствія всякаго другаго механизма. И, разъ, сознаніе наше убѣждаетъ насъ, что дѣйствія наши не имѣютъ такого рода неизмѣняемости, мы приходимъ къ заключенію, что они не могутъ быть механически опредѣлены. Сознаніе наше говоритъ намъ, что мы свободны въ томъ смыслѣ, что имѣемъ передъ собой рядъ мотивовъ, обозрѣваемыхъ личностью, которая вбираетъ въ себя прошлый опытъ и направляетъ свою предусмотрительность на будущій выборъ. Это не значитъ, что мотивы наши не подлежатъ условіямъ; въ то же время и біологія не позволяетъ намъ думать, что сознаніе, «я», личность — свободны отъ условій. Единственный вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ: каковы эти условія? На обязанности психолога лежитъ опредѣлить ихъ.

ГЛАВА VIII.

ОБЪЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗЪ.

88. И такъ, ясно, что методъ нашъ, пользуясь необходимой помощью субъективнаго анализа, долженъ въ значительной мѣрѣ пользоваться и анализомъ объективнымъ, коль скоро всякій душевный фактъ, въ одно и тоже время, является состояніемъ чувствованія и состояніемъ организма. Между тѣмъ какъ порядокъ и происхожденіе душевныхъ фактовъ не вполне открыты внутреннему наблюденію, они совершенно скрыты отъ наблюденія внѣшняго. Физиологъ не могъ бы сдѣлать ни одного шага въ толкованіи фактовъ чувствующаго механизма, еслибъ онъ безпрестанно не переводилъ ихъ на факты чувствованія. Безъ помощи внутренняго наблюденія онъ бы не могъ ничего видѣть, кромѣ молекулярныхъ движеній въ нервныхъ процессахъ. Такимъ образомъ, субъективный и объективный анализъ идутъ рука объ руку. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои преимущества и ограниченія. Физиологъ наблюдаетъ и классифицируетъ явленія органической дѣятельности, относя каждый изъ группированныхъ имъ классовъ къ особымъ органамъ и системамъ, подводя, такимъ образомъ, факты отправленій къ фактамъ строенія. И послѣ того, какъ онъ привелъ отдѣльныя функціи къ общимъ,

а функціи къ свойствамъ тканей, онъ приступаетъ къ синтетическому построенію цѣлаго, въ которомъ наблюденные факты являются уже слѣдствіями факторовъ.

Образъ дѣйствій психолога аналогиченъ съ этимъ, только онъ исходитъ изъ другой точки зрѣнія. Онъ изучаетъ факты и законы опыта, которому подчинены факты и законы механизма. Онъ начинаетъ съ наблюденія и классификаціи различныхъ формъ опыта и приводитъ ихъ къ первичнымъ чувствамъ, а послѣднія снова къ ихъ условіямъ, а именно: къ ихъ органическимъ дѣятельностямъ и къ окружающей ихъ космической и соціальной средѣ. То, что—анатомія для фізіолога, то фізіологія для психолога. Еслибъ первый ограничивалъ свою науку однимъ только наблюденіемъ выдающихся проявленій дѣятельности, не касаясь строенія, онъ бы пришелъ къ выводу, что дыханіе, пищевареніе, движенія, голосъ, манипуляціи и проч. зависятъ отъ столькихъ же самостоятельныхъ принциповъ и никогда бы не подозревалъ, что чувствующій механизмъ завязанъ въ каждомъ изъ нихъ не менѣе, чѣмъ въ ощущеніи, эмоціи и мысли. Еслибъ психологъ ограничилъ свою науку однимъ только самонаблюденіемъ, онъ пришелъ бы къ заключенію, какъ это на самомъ дѣлѣ и случилось, что ощущеніе, воспріятіе, эмоція и воля суть самостоятельныя проявленія дѣятельности различныхъ факторовъ. Принужденный найти какую нибудь общую почву для ихъ соотношенія и связи между собой, онъ открылъ бы существованіе какого-то мнимаго психического начала. Эта замѣна одной неизвѣстности другою есть метэмпирическая попытка объяснить неизвѣстное непонятнымъ. Кантъ справедливо говоритъ, что психическое начало не можетъ быть объектомъ положительной мысли, пока мы не имѣемъ для этаго данныхъ въ нашихъ ощущеніяхъ,

и, такимъ образомъ, мы принуждены обращаться къ помощи отрицательныхъ величинъ, чтобы посредствомъ ихъ представить себѣ то, что совершенно различно отъ того, что мы ощущаемъ. Въмѣсто того, чтобы искать въ организмѣ нашемъ условій органической дѣятельности, психологи предпочитали держаться призраковъ вымысла и относили всѣ психическія явленія къ абстракціи, которую они олицетворяли въ какомъ-то психическомъ началѣ. Простодушный мыслитель можетъ, какъ угодно, отдѣлять всѣ двигательныя явленія, наблюденныя въ организмѣ, напр. ходьбу, бѣганіе, плаваніе, танцваніе, фехтованіе и проч. и можетъ возвести ихъ въ особую науку. Для того, чтобы объяснить всѣ эти явленія, онъ можетъ, по своему усмотрѣнію, изобрѣсть какое-то двигательное начало, которое освободить его отъ труда изучать дѣйствія двигательныхъ органовъ и ихъ жизненныя условія. Наука его будетъ имѣть тоже значеніе, какое имѣетъ метафизическая психологія.

89. Въ настоящее время, можетъ быть, и бесполезно настаивать на изученіи организма, такъ какъ многіе изъ новѣйшихъ сочиненій весьма обстоятельно посвящены разсмотрѣнію нервныхъ клѣточекъ, волоконъ и центровъ. Можно скорѣе опасаться, чтобы реакція противъ метода самонаблюденія не зашла слишкомъ далеко. Поэтому и позволительно сдѣлать здѣсь предостереженіе, состоящее въ томъ, чтобы не слишкомъ полагаться на наше знаніе строенія и функцій нервной системы, которое, до настоящаго времени, еще весьма недостаточно, и принимать положенія нашихъ учебниковъ за предварительныя гипотезы, а не за достовѣрныя данныя для дальнѣйшихъ выводовъ. Многое изъ того, что считается фізіологическимъ объясненіемъ психологическихъ процессовъ, ничто иное, какъ простой переводъ

этихъ процессовъ на языкъ фізіологическихъ гипотезъ. Мы несомнѣнно убѣждены въ фактахъ чувствованія, даже въ томъ случаѣ, когда нашъ субъективный анализъ этихъ фактовъ представляетъ открытый вопросъ, но никто, изъ людей компетентныхъ въ этихъ вопросахъ, не станетъ утверждать, что всѣ попытки свести эти чувствованія на опредѣленные мозговые процессы, болѣе, чѣмъ вѣроятность. Въ предыдущемъ отдѣлѣ моего сочиненія, я показалъ, какъ недалеко мы ушли въ знаніи нервной ткани, и какъ противорѣчивы и темны всѣ эти попытки локализовать отдѣльныя функціи въ отдѣльныхъ частяхъ нервной системы. Я не могу безъ улыбки читать самоувѣренныя утвержденія ни тѣхъ, которые приписываютъ однимъ нервнымъ клѣточкамъ способность превращать впечатлѣнія въ чувствованія, а другимъ — способность превращать чувствованія въ представленія; ни тѣхъ, которые сводятъ волю къ одному центру, ощущеніе къ другому, воспріятіе къ третьему и эмоцію къ четвертому. Еслибъ даже подробное знаніе анатоміи нервной системы было такъ совершенно, какъ оно часто предполагается, и тогда бы значеніе его для психолога было невелико, сравнительно съ болѣе доступнымъ для насъ наблюденіемъ органическихъ функцій. Пока изслѣдованіе нервныхъ клѣточекъ не дополнено изученіемъ организма, какъ цѣлаго, оно не прольетъ свѣта на явленія психологическія, точно такъ, какъ молекулярное строеніе чугуновыхъ рельсовъ не объяснитъ желѣзнодорожной системы. Не трудно доказать, что приливъ крови къ печени вліяетъ на умственные и нравственные процессы; точно также не трудно доказать и то, что душевное волненіе останавливаетъ пищевареніе и причиняетъ усиленное сердцебіеніе. Но не такъ легко доказать, что раздраженіе кожи передаетъ

ся зрительнымъ буграмъ, прежде чѣмъ оно становится ощущеніемъ, и что оттуда оно передается мозговымъ извилинамъ, прежде чѣмъ оно превратится въ воспріятіе. Что касается участія, которое нервныя клѣтки и волокна принимаютъ въ упомянутыхъ передачахъ и превращеніяхъ, то оно вполне гадательно. Слѣдовательно, всякій, имѣющій намѣреніе объяснить душевныя процессы путемъ гадательной связи между нервными элементами, обладающими воображаемыми свойствами, объясняетъ мало-извѣстное неизвѣстнымъ.

90. Я такъ много занимался подробной анатоміей нервной системы, что меня никакъ нельзя подозрѣвать въ равнодушіи къ ея значенію въ будущемъ, ни причислять меня къ тѣмъ, которые презрительно отрицаютъ эти изслѣдованія, на томъ основаніи, что они матеріалистичны, подобно тому, какъ Бэконъ насмѣшливо отвергалъ изслѣдованія Коперника, а Гете изслѣдованія Ньютона, изъ за односторонняго ихъ изученія астрономіи и оптики посредствомъ математическаго метода. Связь фізіологіи съ психологіей отнынѣ прочно установлена, подобно тому, какъ связана алгебра съ геометрией; вслѣдствіе чего обѣ науки чрезвычайно выиграли. Лагранжъ справедливо говоритъ, что пока алгебра и геометрія изучались независимо другъ отъ друга, ихъ успѣхъ былъ медленный и приложеніе ограничено; со времени же ихъ союза, они служили другъ другу опорой и обѣ быстро пошли впередъ къ совершенствованію.

91. Мы стараемся, посредствомъ объективнаго анализа, дополнить и провѣрить данныя субъективнаго анализа. Объективный анализъ обнимаетъ собой наблюденія надъ людьми и животными, рассматривая ихъ, какъ отдѣльные организмы и какъ единицы общества. Факты, доставляемые зоологіей и исторіей, должны быть сведены къ

своимъ условіямъ, заключающимся въ фізіологіи и соціологіи. Пока этого не сдѣлано, наши наблюденія раскрываютъ только симптомы, а не причины.

Бѣглый взглядъ на исторію медицины разъяснить мое мнѣніе. Старинные патологи — души и тѣла — классифицировали болѣзни и ненормальныя состоянія организма соотвѣтственно выдающимся признакамъ. Они напрасно пытались лечить болѣзни, направляя леченіе противъ симптомовъ. Новѣйшій методъ леченія состоитъ въ томъ, чтобы распредѣлять болѣзни не соотвѣтственно симптомамъ, а соотвѣтственно разстроеннымъ отправленіямъ и устранять условія, вызвавшія разстройство. Старому плану слѣдовали до тѣхъ поръ, пока люди были еще плохо знакомы съ органами и функціями. Симптомы не только сами собой навязывались вниманію, но они были единственное, что могло быть въ точности извѣстно, они должны были вездѣ служить первымъ указаніемъ для изслѣдованія *). Успѣхи наблюденія открыли намъ, что сходные симптомы могутъ появляться при самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, такъ что болѣзни, очевидно зависящія отъ различныхъ причинъ и отъ разстройства совершенно различныхъ органовъ, представляютъ собою много одинаковыхъ явленій. И такъ, если леченіе будетъ направлено противъ симптомовъ, то средство, которое

*) Смѣшивать симптомы съ ихъ причинами весьма естественно, но во все не научно. Эту грубую ошибку мы можемъ показать на многочисленныхъ примѣрахъ. Возьмемъ одинъ изъ нихъ: въ душевномъ разстройствѣ нѣтъ симптома болѣе важнаго, какъ галлюцинаціи, а между тѣмъ явленіе это нерѣдко замѣчается у вполне здоровыхъ людей, и не всегда замѣчается при помѣшательствахъ. Если человѣкъ думаетъ, что онъ одержимъ дьяволомъ, вошедшимъ въ его тѣло, то его называютъ помѣшаннымъ, и обыкновенно это въ самомъ дѣлѣ такъ, но тысячи вполне здоровыхъ, но невѣжественныхъ людей считали себя „околдованными“ или „испорченными отъ глаза“, и вполне убѣждены въ этомъ.

въ одномъ случаѣ приносить пользу, можетъ въ другомъ оказаться вреднымъ. Современный патологъ старается объяснить симптомы прямымъ или симпатическимъ разстройствомъ органовъ. Разстройства эти могутъ быть: 1-е, *структуральныя*—положеніе ткани или ея пласмодическое измѣненіе; или 2-е *), *функциональныя*—излишество или остановка нормальной дѣятельности органа вслѣдствіе его прямого или косвеннаго раздраженія. Когда патологъ достигъ точнаго знанія нормальныхъ органическихъ условій, этимъ самымъ приобрѣлъ онъ и соответственное данному случаю пониманіе тѣхъ разстройствъ, въ которыхъ появляются извѣстные симптомы, и если онъ изучилъ средства измѣнять эти условія, возстановляя нормальную дѣятельность органа, онъ научился всему, чему можно научиться въ леченіи болѣзней.

92. Психологія должна слѣдовать по этому же пути. До настоящаго времени, классификація ея и ея приложеніе къ педагогикѣ и психіатріи были слишкомъ широки и основывались на разсматриваніи симптомовъ, вмѣсто органическихъ условій. Это естественно: педагогъ и психіатръ имѣли слишкомъ мало указаній для руководства; они только и могли отмѣчать выдающіяся проявленія; скрытыя же причины были имъ вполне неизвѣстны. Они, слѣдовательно, могли обучать и лечить, только придерживаясь грубаго эмпирическаго метода. Къ счастью, между образованными психіатрами, за послѣднее время, устанавливается тотъ взглядъ, что душевныя разстройства не зависятъ отъ грѣха или нравственнаго извращенія, но отъ разстройства функцій, имѣющаго органическія причины. Они уже не думаютъ болѣе лечить помѣшательство посредствомъ наказаній или право-

*) Объясненіе этому см. въ *Physical Basis of Mind*. p. 47.

ученій; они лечатъ это разстройство, какъ болѣзнь. Педагогія еще не ушла такъ далеко. Традиціонное понятіе о душѣ, какъ о чемъ-то совершенно отдѣльномъ отъ органической дѣятельности, опредѣляетъ, прямо или косвенно, методъ воспитанія. Педагоги предполагаютъ, что всѣ умы, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, одинаковы, а потому они безразлично примѣняютъ одинъ и тотъ же способъ обученія ко всѣмъ.

ПСИХОЛОГІЯ ЖИВОТНЫХЪ.

93. Разъ мы убѣдились въ необходимости наблюдать проявленія чувствительной дѣятельности у людей и у животныхъ и изучать ихъ по отношенію къ органическимъ условіямъ, то самое естественное будетъ — начать съ животныхъ. Сравнительная простота организмовъ и ихъ проявленій ручается за то, что психологія животныхъ служитъ лучшимъ введеніемъ въ психологію человѣка. Я уже показалъ (въ своемъ предисловіи къ *Вопросамъ о жизни и духѣ*), что въ 1860 году я началъ собирать матеріалы; но болѣе глубокія соображенія показали мнѣ, что намѣреніе мое неисполнимо. Чтобы показать въ чемъ состоитъ неудобство, я приведу отвѣтъ, данный мною одному русскому критику, г. Вырубову, который (*Philosophie Positive*, 1874, p. 106) упрекаетъ меня въ томъ, «что я грѣшу противъ научнаго метода» тѣмъ, что я въ своихъ изслѣдованіяхъ не восхожу отъ явленій простыхъ и общихъ къ болѣе частнымъ и сложнымъ. Онъ полагалъ, что я долженъ былъ изложить болѣе простые мозговые явленія у животныхъ, прежде чѣмъ представлю болѣе сложные явленія этого рода у человѣка. Я и самъ былъ этого мнѣнія, пока опытъ не указалъ

мнѣ на нѣкоторыя неудобства. Я нашелъ, что я постоянно впадалъ въ ошибки антропоморфическихъ объясненій. Оказалось невозможнымъ дать хотя бы приблизительныя объясненія, прежде чѣмъ не будутъ установлены главныя черты человѣческихъ особенностей. Напр. наблюдая пчелъ за работой, мы видимъ, что онѣ не трогаютъ пчеловода, но жалятъ посторонняго, который мѣшаетъ имъ. Толкованіе наше таково, что онѣ *знаютъ* своего хозяина и *сердятся*, когда имъ мѣшаютъ. Видя, что онѣ поступаютъ, какъ поступаемъ мы при сходныхъ обстоятельствахъ, мы толкуемъ ихъ дѣйствія, какъ бы наши собственныя. Однако это очевидная ошибка: приписывать имъ знанія и эмоціи, *подобныя* нашимъ, сравнивая условія въ человѣческомъ механизмѣ и опытѣ съ тѣми, которыхъ пчелы не могутъ имѣть. Если мы говоримъ, что пчелы *знаютъ* своего пчеловода, то мы прилагаемъ къ организму насѣкомыхъ человѣческой словарь. Согласно этому словарю, знаніе есть формула чувствованія. Пчелы же, безъ сомнѣнія, тоже имѣютъ чувства, но не имѣютъ точно такой же чувствительной организаціи, какую имѣемъ мы, слѣдовательно не имѣютъ одинаковыхъ съ нами чувствъ и ихъ формулъ. Предполагая даже, что пчелы имѣютъ дѣятельности чувства, которыя можно назвать знаніемъ и разсерженностью, несомнѣнно, что онѣ иного свойства, чѣмъ у насъ, и пока мы не достигли яснаго пониманія тѣхъ специальныхъ условій, которыя дѣйствуютъ въ человѣческихъ дѣятельностяхъ, будетъ вполне безнадежно — даже приблизительно опредѣлить свойства дѣятельностей, спеціальныя условія которыхъ намъ совершенно неизвѣстны. Есть общее сходство въ чувствительности пчелъ и человѣка, между волненіемъ и побоями, какъ *симптомами* раздраженнаго человѣка, и между ужаленіемъ раздраженной пчелы, но причины,

вызывающія волненіе, не одинаковы въ обоихъ случаяхъ, поэтому и дѣйствіе не можетъ быть одинаково. И если мы станемъ говорить о волненіи пчелы и будемъ называть его разсерженностью, это ничто иное, какъ антропоморфизмъ. Разрѣжьте пчелу на двое, ея задняя часть будетъ наносить такіе же сильные уколы, какъ и прежде: значитъ ли это, что эта часть будетъ испытывать разсерженность? Я допускаю, что эта часть чувствительна и подлежитъ рефлекторному движенію, производящему уколы. Но между чувствительностью и эмоціей — между мозговымъ раздраженіемъ и разсерженностью — разница очень велика *).

94. Приписывать пчеламъ знаніе и эмоціи, — значитъ говорить метафорами или слѣдовать классификаціи по наружнымъ признакамъ. И то, что вѣрно для этого случая, касается одинаково всѣхъ объясненій чувствованій у животныхъ. Антропоморфизмъ неизбѣженъ до тѣхъ поръ, пока мы руководствуемся исключительно внѣшними признаками, не касаясь ихъ причинъ. Такимъ образомъ, неразвитый человѣкъ видитъ во всѣхъ явленіяхъ природы отраженіе своихъ собственныхъ состояній: вѣтеръ «воетъ», а ручеекъ «журчитъ», громъ

*) Эта-то разница постоянно и упускается изъ виду. Такъ, въ одномъ новѣйшемъ извѣстномъ фзіологическомъ сочиненіи, чувствительность части тѣла пчелы принимается за доказательство того, что „chaque segment paraît conserver pour son propre compte la faculté de sentir, de se mouvoir volontairement, *sciemment et meme de s'irriter*. Chaque groupe ganglionnaire partiel ainsi formé devient un centre partiel qui se suffit et possède les principales propriétés et facultés de l'ensemble. Que va dire la Métaphysique? Une *intelligence* qui se coupe à coups de ciseaux!“ Читая эти строки, метафизикъ навѣрное замѣтитъ на это, что нигдѣ свойства цѣлаго не встрѣчаются въ отдѣльной части; „способности“ и ихъ общее обозначеніе „интеллигенція“ не могутъ принадлежать одному органу, точно такъ, какъ литература не можетъ быть принадлежностью паровика, который двигаетъ скоропечатной машиной.

«гремятъ», а планеты «притягиваютъ» другъ друга. Но когда умъ нашъ переходитъ отъ внѣшнихъ признаковъ къ причинамъ, тогда становится ясно, какъ нераціонально ожидать однихъ и тѣхъ же дѣйствій отъ совершенно отличныхъ, одна отъ другой, причинъ. Анатомическія изслѣдованія, открывающія передъ нами глубокія различія между человѣческимъ и животнымъ организмомъ, подкрѣпляются, еще болѣе, психологическими изслѣдованіями, обнаруживающими значительную разницу между опытностью человѣка и животныхъ, такъ что, несмотря на нѣкоторое основное сходство, ихъ душевныя состоянія специфически разнятся между собою.

95. Чтобы наблюденія надъ животными были дѣйствительно полезны, необходимо отвергать всѣ вѣроятныя различія и останавливаться только на свойствахъ, общихъ человѣку и животнымъ. Это уже, само по себѣ, трудная задача; и если ее выполнить, то она потребуетъ ручательства въ приложимости. Мы должны выражать результаты своего изслѣдованія не иначе, какъ въ самыхъ общихъ терминахъ; намъ не слѣдуетъ добиваться точности въ утвержденіяхъ. Я хочу сказать: если мы приписываемъ чувствительность человѣку и животнымъ, то мы не должны приписывать имъ одинаково-сложныя чувства. Разсерженность пчелы или предусмотрительность лисицы сходны съ такими же чувствами въ человѣкѣ такъ, какъ зрѣніе моллюска похоже на зрѣніе птицы, или какъ математическія способности дикаря, который не можетъ считать дальше пяти, сходны съ способностями ученика, одолѣвшаго вычисленіе.

96. Ясно, что мы никогда не могли бы вѣрно понять жизненныхъ явленій, еслибъ мы начинали ихъ изученіе съ наблюденій надъ простѣйшими явленіями изъ жизни животныхъ. Мы можемъ понять жизнь амёбы или полипа

только благодаря свѣту, который бросаетъ на нихъ изученіе человѣка. Также ясно, что мы никогда бы не могли составить себѣ ни малѣйшаго понятія о душевныхъ состоявіяхъ животныхъ, еслибъ не имѣли теоріи ихъ въ человѣкѣ; и такая теорія должна быть построена не только на классификаціи признаковъ, но и на основаніи приведенія этихъ признаковъ къ ихъ причинамъ.

Это, повидимому, не было понято многими изъ выдающихся писателей, которые пытались создать психологію животныхъ. Ихъ изслѣдованіями управляло тайное желаніе: установить *тождественность* между природой человѣка и животныхъ — желаніе очень естественное, явившееся реакціей противъ нераціональныхъ усилій теологовъ и метафизиковъ, которые рѣзко отдѣляли человѣческую природу отъ природы животныхъ, не признавая между ними ничего *общаго*. Въ противность ученію, что животныя ничто иное, какъ бездушныя машины, они упорно настаивали на существованіи интеллигенціи у животныхъ и просмотрѣли существенныя различія въ условіяхъ и результатахъ. Такой ошибки они не сдѣлали относительно фیزیологіи. Они знали, что рыба не можетъ бѣгать, не имѣя ногъ, что кошки не могутъ летать, не имѣя крыльевъ; а чтобы быть послѣдовательными, они должны были знать, что животныя не могутъ проявлять извѣстныхъ психическихъ дѣятельностей, вслѣдствіе отсутствія надлежащихъ фیزیологическихъ и соціологическихъ условій. Животное безъ языка неспособно къ отвлеченному мышленію и не можетъ обладать тѣмъ, что мы называемъ интеллектомъ, точно такъ, какъ безъ крыльевъ оно не можетъ летать. Вращаясь въ соціальной средѣ, которая вызываетъ мысли и чувства, душевный организмъ человѣка пріобрѣтаетъ органы, способности, невозможные для жи-

вотныхъ, измѣняющіе собою весь опытъ человѣка. И, такимъ путемъ, намъ чрезвычайно трудно составить себѣ даже приблизительное понятіе о душѣ животнаго, потому что мы должны объяснить его душевныя явленія съ собственной точки зрѣнія, не имѣя яснаго понятія объ условіяхъ, дѣйствующихъ въ данномъ случаѣ. Даже когда мы въ состояніи опредѣлить различія, мы еще не можемъ указать на результаты, которые изъ нихъ вытекаютъ: — нагляднымъ примѣромъ этаго служить невозможность опредѣлить точно: какой душевный результатъ вызываетъ врожденная глухота или слѣпота.

97. Значительные успѣхи, сдѣланные, благодаря развитію сравнительной фізіологіи, подали надежду, что соотвѣтственные этому успѣхи будутъ сдѣланы и въ изученіи сравнительной психологіи. Анатомы открыли общій планъ въ строеніи организмовъ, а фізіологи соотвѣтственную общность въ функціяхъ, такъ что животное царство обнаружило передъ нами рядъ формъ, переходящихъ изъ простыхъ въ болѣе сложныя. Сложныя формы стали намъ понятны вслѣдствіе нашего пониманія простѣйшихъ формъ; почему психологи поспѣшили сдѣлать изъ всего этаго заключеніе, что коль скоро душевныя функціи суть органическія отправленія, ихъ можно также, съ успѣхомъ, изучать путемъ сравнительнаго метода. Всѣ животныя, обладающія нервной системой, должны непременно проявлять чувствительныя функціи этой системы; но система, сама по себѣ, будучи менѣе сложна, должна представлять и функціи, менѣе сложныя *).

*) „Если психическая способность въ своихъ существенныхъ элементахъ будетъ исключительно приписываться человѣку, то животное царство уничтожится и самъ человѣкъ останется неразрѣшимой загадкой“, — вѣрное замѣчаніе, но оно сопровождается далѣе нерѣшеннымъ еще воп-

98. Мысль эта оболястила меня точно также, какъ она оболястила и многихъ другихъ. И я приписываю этому не малую долю моего скептицизма относительно классическихъ взглядовъ на мозгъ, какъ на единственный органъ мысли и чувства, потому что сравнительное изученіе, подтвержденное опытомъ, не оставляетъ сомнѣнія, что животныя, не имѣющія ничего похожаго на мозгъ (развѣ только принимая слово это въ самомъ обширномъ смыслѣ), тѣмъ не менѣе проявляютъ много функцій, которыя подходятъ подъ категорію чувствованія и даже ума и обозначаются весьма неопредѣленнымъ терминомъ — инстинкта. И хотя сравнительное изученіе принесло мнѣ много пользы, давъ мнѣ возможность составить себѣ понятіе о чувствующемъ механизмѣ, оно рѣшительно ни къ чему не привело меня въ изученіи условій опыта. Я не могъ избѣжать ошибокъ антропоморфизма, и это объясняетъ: — почему изученіе сравнительной психологіи не можетъ быть поставлено на одинъ уровень съ изученіемъ сравнительной фізіологіи. Анатомъ и фізіологъ имѣютъ одинаковые способы изслѣдованія и провѣрки, одинаковые при изученіи организма человѣка и животныхъ. Выходы и органы, выдѣленія и другія проявленія жизненной дѣятельности, представляютъ собою объективные факты, которые не требуютъ ни субъективнаго контроля, ни субъективнаго толкованія. Что мышцы собаки, лошади, кролика, лягушки, или рыбы имѣютъ свойство сокращаться, что слизистыя оболочки собаки, лошади,

росомъ: „если же сводить только все къ человѣку и къ животнымъ, то растительное царство будетъ еще болѣе необъяснимой тайной.“ Tilo Vignoli: *Saggio di Psicologia Comparata*, 1877, p. 69. Изъ этого слѣдуетъ, что для того, чтобы мы могли правильно понимать душу человѣка, мы должны также изслѣдовать душу растений.

кролика и лягушки имѣютъ свойство отдѣлять жидкости, что животныя двигаются посредствомъ сокращенія мускуловъ и перевариваютъ пищу посредствомъ выдѣленія жидкостей — это факты, не допускающіе сомнѣнія. Совершенно иное дѣло, когда психологъ сравниваетъ между собой явленія чувствительности у человѣка и у животныхъ. Внѣшніе признаки ихъ могутъ быть очень сходны, но какое же ручательство въ томъ, что внутреннія чувства каждаго изъ нихъ сходны? Собака травитъ крысу, крыса защищается и кусается, собака приспособляетъ всѣ свои движенія къ каждому движенію своей добычи, рычитъ отъ ярости, пожираетъ и перевариваетъ мясо, отбрасывая непереваримыя части: волосы, когти и проч. Мы объясняемъ дѣйствія собаки посредствомъ подобныхъ же дѣйствій, извѣстныхъ намъ по отношенію къ самимъ себѣ. Мы предполагаемъ, что собака имѣетъ чувства, подобныя нашимъ, и что чувства эти вызываютъ и сопровождаютъ ея движенія. Предположеніе наше основывается на знаніи большаго сходства между органами и тканями, завязанными въ дѣйствіяхъ собаки и человѣка. По объективному сходству дѣйствій мы заключаемъ о субъективномъ сходствѣ причинъ и обратно: изъ сходства въ органическихъ причинахъ мы дѣлаемъ заключеніе о сходствѣ субъективныхъ чувствъ. До сихъ поръ все ясно. Но разсмотримъ теперь полипа, проглатывающаго червяка или водянаго жука, одолевашаго своего врага и вводящаго жертву въ свою внутренность, а потомъ, высосавъ удобоваримыя части, выдѣляющаго неудобоваримую скорлупу или кожу. Дѣйствія его съ внѣшней стороны чрезвычайно похожи на дѣйствія собаки, овладевающей крысой, и результаты сходны. Должны-ли мы заключить изъ этого, что полипъ чувствуетъ тоже, что

и собака? Можемъ ли мы вывести отсюда сходство въ чувствованіяхъ, объясняющее сходство въ дѣйствіяхъ? Приступая къ провѣркѣ вывода, мы должны сознаться, что заключеніе наше было поспѣшно. Изъ нѣкотораго объективнаго сходства мы вывели, что эти два случая сходны во всѣхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ и зритель, наблюдающій механическую утку Вокансона, которая съ виду очень похожа на живую, можетъ придти къ заключенію, что вслѣдствіе сходства ихъ механическихъ условій, онѣ должны быть сходны и въ жизненныхъ условіяхъ; онъ можетъ даже предполагать, что утка Вокансона живое существо и обладаетъ чувствительностію. Онъ сразу пойметъ свою ошибку, какъ только узнаетъ, что движенія вокансоновой утки зависятъ отъ механическихъ пружинъ и колесъ, а не отъ живыхъ мышцъ и нервовъ. Знаніе жизненныхъ условій дастъ ему возможность распознать, что наблюдаемое сходство ограничивается механическимъ проявленіемъ, тождественнымъ въ обоихъ случаяхъ. Тоже самое мы видимъ при сравненіи дѣйствій полипа и собаки; знаніе органическихъ условій того и другаго удержитъ насъ отъ ошибочнаго умозаключенія, которое мы могли вывести изъ наблюденія. Условія значительно различны въ обоихъ случаяхъ. Строеніе тѣла собаки и полипа имѣютъ только самое общее сходство, ихъ механизмъ и опытность такъ различны другъ отъ друга, что только при обширномъ знаніи подробностей и обширной теоріи органическаго развитія, мы можемъ привести ихъ къ одной общей рубрикѣ. Затрудненіе этимъ еще не заканчивается. Разсмотримъ чувствительное растеніе, до волосковъ котораго дотрогивается насѣкомое; насѣкомое поймано, оно защищается напрасно, оно раздавливается, втягивается внутрь мѣшка, выдѣляющаго соки,

и насѣкомое переваривается точно также, какъ крыса переваривается собакой, а водяной жукъ полипомъ, и непереваримыя части его точно также отбрасываются. Должны ли мы и здѣсь признать присутствіе чувствъ, сходныхъ съ чувствами собаки и съ нашими собственными? Есть весьма достойные писатели, которые приписываетъ душу растеніямъ точно такъ, какъ и животнымъ. Гипотеза эта лежитъ внѣ всякаго опроверженія, потому что она лежитъ внѣ возможности быть доказанной. Но я утверждаю, что если мы станемъ надѣлать растенія и полипы душой, то мы обязаны отрицать, что душа эта *похожа* на нашу собственную; тождество будетъ заключаться только въ томъ общемъ сходствѣ, ихъ организма и нашего, которое обнаружится при разложеніи обоихъ на дифференцирующуюся протоплазму. Приписывая чувствительность всѣмъ живымъ организмамъ, мы имѣемъ ту выгоду, что, такимъ образомъ, мы связываемъ въ одно цѣлое всѣ наши понятія объ органическихъ явленіяхъ; но признавая это общее единство, мы не должны упускать изъ виду значительныя различія въ органическихъ явленіяхъ и тѣ особенности, которыя вытекаютъ изъ дифференціаціи чувствительности, зависящей отъ сложности условій. Признавъ разъ, *что каждое явленіе есть функція его условій*, вы признаете, что замѣтныя измѣненія органическихъ условій, обнаруживающіяся при разнообразномъ строеніи животныхъ, должны производить рѣзкія различія въ явленіяхъ чувствованія. А потому, мы à priori убѣждены, что растеніе или полипъ не можетъ имѣть одинакія чувствованія съ собакой и человѣкомъ; даже признавая ихъ за первыми, для насъ остается вполне непонятнымъ, *какого* они свойства.

99. Здѣсь, какъ и всюду, мы имѣемъ только поло-

жительныя данныя объективнаго наблюденія, непровѣренныя субъективнымъ контролемъ. На сколько субъективное объясненіе животныхъ дѣйствій можетъ быть ошибочно, очевидно изъ того обыденнаго факта, что даже и люди могутъ съ объективной стороны обнаруживать одинаковыя проявленія въ тѣхъ случаяхъ, когда внутреннія состоянія ихъ чувствованія совершенно иныя: они могутъ смѣяться и плакать въ силу центральныхъ возбужденій, не имѣя передъ собою никакого смѣшнаго, или трогательнаго предмета; — бороться и кричать, не чувствуя ничего того, что въ нормальномъ состояніи возбуждаетъ подобныя проявленія. Мы знаемъ, что это такъ, потому что намъ сообщаютъ объ этомъ, потому что это извѣстно намъ изъ собственнаго опыта. Но животныя не могутъ сообщить намъ — какими чувствами вызваны у нихъ ихъ проявленія. И какъ скоро мы имѣемъ несомнѣнную увѣренность въ томъ, что, во первыхъ, объективные факты не всегда могутъ быть истолкованы одними и тѣми же терминами чувствованія, во вторыхъ, что всякое чувствованіе есть функція извѣстныхъ условій чувствительности и измѣняется съ измѣненіемъ условій — кто рѣшится точно опредѣлить умственное состояніе обезьяны, даже высшей породы? Ея механизмъ во многихъ подробностяхъ разнится отъ нашего механизма; это уже само по себѣ обусловливаетъ несходство въ условіяхъ чувствительности, степень котораго не можетъ быть опредѣлена. Но еще большая разниа существуетъ между ея опытомъ и нашимъ; и влияніе этого фактора нельзя совершенно вычислить.

100. По этимъ причинамъ, мы можемъ отвести сравнительной психологіи только второстепенное мѣсто. Несомнѣнно, что она имѣетъ свое мѣсто и снабжаетъ объективный анализъ весьма важными данными, а иногда

служить намъ руководящимъ и въ субъективномъ анализѣ. Но она можетъ часто сбивать насъ въ изслѣдованіяхъ, если границы ея строго не опредѣлены и если мы станемъ произвольно истолковывать дѣйствія животныхъ, рассматривая ихъ съ точки зрѣнія сознанія человека. Психологія животныхъ можетъ быть проще психологіи человека, но она несомнѣнно менѣе понятна намъ. Мы же знаемъ, что настоящій способъ изслѣдованія не тотъ, который восходитъ отъ простѣйшихъ явленій къ сложнымъ, но тотъ, который отъ болѣе доступнаго явленія переходитъ къ менѣе доступному — отъ болѣе извѣстнаго — къ менѣе извѣстному. Этотъ принципъ опредѣляетъ выборъ фізіологическаго изслѣдованія механизма въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ явленія болѣе доступны, а наведенія легче подлежатъ провѣркѣ, чѣмъ путемъ анализа нашего опыта; и *vice versa*.

Поэтому нашъ методъ, *pari passu*, и объективный, и субъективный. Животная психологія доставляетъ обширное поле для эксперимента и провѣрки: она богата данными по части отравленій, но мало даетъ для знанія способностей. Животная психологія доставляетъ намъ извѣстные анализы, сдѣланные, такъ сказать, безъ всякаго расстройства въ организмѣ, но она не можетъ стать выше человѣческой психологіи, а ея факты — не могутъ быть понятными прежде, чѣмъ мы не объяснимъ ихъ душевной жизнью человека.

РАЗЛИЧІЯ МЕЖДУ ЖИВОТНЫМЪ И ЧЕЛОВѢЧЕСКИМЪ.

101. Великій Аристотель изучалъ жизнь животныхъ съ тонкой оцѣнкой основнаго сходства и специфическаго различія между ними и человекомъ. Впослѣдствіи, тео-

логическіе догматы приостановили изслѣдованіе этой отрасли знанія, а метафизическія ученія укрѣпили предразсудки. Къ разрѣшенію этого вопроса Декартъ присоединилъ свой вѣскій авторитетъ и впервые высказалъ мысль, что животныя ничто иное, какъ машины, одаренныя чувствомъ, но не разумѣніемъ, потому что у нихъ нѣтъ души. По духу и концепціи это знаменитое объясненіе проявленій жизни животныхъ ошибочно; но оно подмѣтило двѣ вѣрныя и важныя стороны вопроса: во первыхъ, допуская дѣйствіе механическихъ началъ, во вторыхъ, опредѣляя, въ чернѣ, огромное различіе между природой животнаго и человѣка. То, что его послѣдователи такъ скоро забыли и что рѣдко достаточно понимали его противники, Декартъ вполне признавалъ: по его мнѣнію, механизмъ животный есть чувствующій механизмъ. Это сразу опровергаетъ нелѣпое ученіе, что животныя — машины, и потому не могутъ чувствовать. Можно допустить предположеніе, что животныя, если и обладаютъ чувствительностью, то сознаютъ мало или совсѣмъ не сознаютъ, хотя провѣрить это мнѣніе — невозможно. Этимъ я хочу сказать, что ихъ дѣйствія могутъ имѣть чувствующій механизмъ, но притомъ никогда не развиваются до вторичной стадіи разумнаго чувствованія. Нельзя не признать, что животныя видятъ предметы; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы собственныя ихъ впечатлѣнія могли стать для нихъ объектами мышленія. Слышать звукъ — значитъ испытать ощущение; обратить вниманіе на производящій его предметъ внѣшняго міра — значитъ замѣтить этотъ предметъ; но сознавать звукъ, перешедшій въ область собственнаго мышленія или самую операцію разумѣнія — это совсѣмъ другой и болѣе сложный процессъ. Нѣтъ указаній на то, чтобы животныя имѣли эту способность, и если мы ограничимъ соз-

нательность такими случаями, то мы должны отказать животнымъ въ сознаниі. Іезуиты Бонжанъ (Bonjean) и Дармансонъ (Darmanson) поняли мысль Декарта съ ея самой нераціональной стороны. Первый объявилъ, что всѣ отправления животныхъ, похожія на операціи духа, ничто иное, какъ дѣйствія сатаны; послѣдній же (*La Bête transformée en machine*, 1684) настаивалъ на слѣдующей дилеммѣ: если животныя обладаютъ чувствами и страстями, то нѣтъ Бога; а если они имѣютъ душу, то эта душа не бессмертна: слѣдовательно и наша душа смертна. (Carus. *Vergleichende Psychologie* 1866. S. 20.)

102. Не ранѣе половины послѣдняго столѣтія возвысился серіозный голосъ въ защиту животныхъ. Этотъ голосъ принадлежалъ Реймарусу, другу Лессинга. Даже въ настоящее время его сочиненіе представляетъ много интереснаго, хотя онъ занимается скорѣе инстинктами животныхъ, чѣмъ высшими явленіями. Въ то же самое время, Джоржъ Леруа написалъ маленькую книжку, очень занимательную, обогащенную личнымъ опытомъ охотника. За нимъ послѣдовалъ Фредерикъ Кювье въ 1825 году, а въ 1840 г. Шейтлинъ попытался сдѣлать полный обзоръ всего предмета. Недавно мы приобрѣли драгоценныя наблюденія и коллекціи Гузо (Houzeau), Брэма и великаго Дарвина*). Всѣ эти сочиненія не устраниютъ

*) Reimarus: *Allgemeine Betrachtungen über die Triebe der Thiere*, — 1760. (Реймарусъ: Общія разсужденія объ инстинктахъ животныхъ). Georges Leroy: *Lettres Philosophiques sur l'Intelligence et la Perfectibilité des Animaux*, 1762. (Жоржъ Леруа: Философскія письма о понятливости животныхъ и объ ихъ способности совершенствоваться. Англійскій переводъ Г-жи Ричардъ Конгривъ). Scheitlin: *Versuch einer vollständigen Thierseelenkunde* — 2 тома 1840. (Шейтлинъ: Опытъ полной психологии животныхъ). Houzeau: *Etudes sur les Facultés mentales des Animaux*, 2 vol. 1872. (Гузо: Изслѣдованіе умственныхъ способностей жи-

возраженій, изложенныхъ въ §§ 98 и 99. Впрочемъ я здѣсь ограничу свои замѣчанія послѣднимъ и постараюсь въ короткихъ словахъ выяснитъ положеніе психологіи человѣка.

103. Никто изъ читателей не предположитъ, что выдвигая чисто человѣческія явленія, я хочу отрицать или уменьшать общность, существующую между человѣкомъ и животными. На основаніи началъ эволюціи мы ожидаемъ найти ясныя различія и видовыя градаціи. Слѣдя за видовымъ различіемъ, или дѣлая общій обзоръ органическихъ явленій, мы преимущественно обращаемъ наше вниманіе на сходство; когда же мы раздѣляемъ на разряды и описываемъ, насъ главнымъ образомъ интересуютъ различія. Для достиженія своей цѣли, Дарвину было необходимо придать особенное значеніе слѣдующему положенію: «между душевными способностями человѣка и высшихъ животныхъ не существуетъ фундаментальнаго различія» (стр. 35). Намъ, для достиженія нашей цѣли, необходимо указать на то, что хотя нѣтъ фундаментальнаго различія въ ихъ функціяхъ, но есть явная и основная разница въ разившихся способностяхъ (согласно опредѣленію § 16-го), такъ какъ часто у животныхъ мы не замѣчаемъ даже зачатковъ многихъ способностей, которыми обладаетъ человѣкъ. Увѣреніе Конта, что нѣтъ тѣхъ качествъ, зародыши которыхъ не нашлись бы у животныхъ, требуетъ объясненія. Можно сказать, что животныя обладаютъ зародышами нашей нравственной и умственной жизни на столько, на сколько змѣи имѣютъ зачатки нашихъ членовъ. Если біологъ

животныхъ). Brehm: *Das Thierleben*, (Бремъ: Жизнь животныхъ, послѣднее изданіе 1877). Darwin: *The Descent of Man*. (Дарвинъ: Происхожденіе человѣка).

признаетъ многочисленныя точки соприкосновенія въ животныхъ организмахъ, зоотомъ съ своей стороны не премѣнно долженъ настаивать на различіяхъ и не можетъ допустить такого вывода: такъ какъ члены — принадлежности позвоночнаго столба, они всегда существуютъ тамъ, гдѣ есть этотъ столбъ. Если психологъ и не отрицаетъ у всѣхъ животныхъ основныхъ фактовъ чувствительности, онъ не можетъ не сомнѣваться въ томъ, всѣ ли животныя выражаютъ тѣже виды чувствительности. На этомъ основаніи онъ долженъ объяснить положеніе: — такъ какъ человѣкъ обладаетъ такими же чувствами, какъ и низшія животныя, то его основныя интуитивныя понятія должны быть тѣже — объяснить его въ томъ смыслѣ, что, во первыхъ чувства не *тождественны*, а только болѣе или менѣе *похожи*; во вторыхъ, что мы почти не имѣемъ точныхъ способовъ для опредѣленія степени сходства и, наконецъ, что эти интуитивныя понятія относятся къ чувству, а не къ органамъ чувствъ. Возьмемъ для примѣра органъ обонянія у человѣка, волка и собаки. Онъ построенъ по одному и тому же типу и весьма схожъ въ подробностяхъ. Тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что волкъ и собака чувствительны къ впечатлѣніямъ, для человѣка совершенно незамѣтнымъ, и относятся вполне равнодушно къ ароматамъ, сильно дѣйствующимъ на человѣка. Для этихъ животныхъ внѣшній міръ является непрерывнымъ рядомъ запаховъ, точно также, какъ для человѣка онъ представляется рядомъ образовъ. Они преслѣдуютъ невидимую добычу по обонянію, между тѣмъ какъ мы по зрѣнію. Мы видимъ, а они обоняютъ, приближающуюся или удаляющуюся добычу. Итакъ, ощущеніе обонянія имѣетъ для ихъ чувствилища другое значеніе и производитъ другое на него впечатлѣніе. Теперь перейдемъ

къ органу зрѣнія. Онъ, какъ оптичeskій аппаратъ, весь-ма сходенъ у человѣка и у собаки; но оптичeskій опытъ ихъ обоихъ такъ различенъ, что чрезвычайно сомнительно, обладаетъ ли собака свойствомъ, равносильнымъ нашему воспріятію цвѣтовъ, независимо отъ степени ихъ способности отражать свѣтъ. Доказанный фактъ, — что и въ человѣкѣ тонкое различіе цвѣта есть продуктъ развитія, — придаетъ вѣроятіе этому умозаключенію. Животныя отличаютъ окрашенные предметы по получаемымъ ими свѣтовымъ впечатлѣніямъ: но ничѣмъ еще не доказано, что они умѣютъ различать цвѣта. Всѣ наблюденія естествоиспытателей относительно того, что цвѣта привлекаютъ птицъ и насѣкомыхъ, нуждаются въ провѣркѣ. Эти факты могутъ быть объяснены иногда различіемъ въ отражательной способности предметовъ, а иногда запахомъ пигментовъ *).

*) Сущетвуютъ, какъ намъ кажется, достовѣрныя извѣстія, что слѣпо-рожденные иногда отличаютъ окрашенные предметы по ихъ запаху, (Goethe: *Gesh. d. Farbenlehre*, W. XXXIX, стр. 355), а другіе, по осязанію. Также вѣрно, что дальтониcты, не способные отличать зеленого отъ краснаго, не смѣшиваютъ окрашенные въ эти цвѣта предметы. Какимъ образомъ птицы и насѣкомыя отличаютъ предметы — мы не знаемъ. Съ тѣхъ поръ какъ написана эта книга, одинъ изъ корреспондентовъ „Nature“ (Окт. 18-го 1877 года, стр. 522), сообщилъ наблюденія, доказывающія, что не цвѣтъ растений притягиваетъ насѣкомыхъ, а ихъ аромать. Пчела, опустившаяся на пунцовый гераніумъ, не перелетитъ на цвѣтокъ другаго рода или разновидности, а обращаетъ вниманіе лишь на эту породу, безъ различія цвѣта, будь то красный, розовый или бѣлый и никогда не переходитъ отъ пунцовой герани къ другому пунцовому цвѣтку, даже если они соприкасаются. Другіе сотрудники вышеупомянутаго журнала отрицаютъ этотъ фактъ, но мнѣ кажется: — они доказываютъ только, что насѣкомыя могутъ отличать степени яркости цвѣтовъ. Этотъ предметъ очень теменъ. Имъ занимался Сэръ Джонъ Леббокъ (*Linnean Society's Journal*, т. XII и XIII) со свойственнымъ ему терапіемъ и остроуміемъ; но его наблюденія также мало доказываютъ, что насѣкомыя обладаютъ способностью различать цвѣтъ, какъ однородныя на-

104. Не развивая дальше этихъ взглядовъ мы въ правѣ сказать, что, если даже допустить болѣе близкое сходство между органами и функціями животныхъ и человѣка, чѣмъ это можетъ быть доказано, намъ все-же придется согласиться, что существуетъ замѣтное различіе. Даже полная тождественность этихъ сродственныхъ механизмовъ не устранила огромную разницу въ ихъ *опытѣ*; а онъ-то и опредѣляетъ свойства функцій и, въ значительной степени, качества чувствованій. Весьма поучительно замѣчаніе Конта, что наблюдатели очень преувеличили низкую степень душевной жизни животныхъ, вслѣдствіе того, что не умѣли достаточно отличать между индивидуальными способностями и социальными результатами. Спускаясь внизъ по разрядамъ организмовъ, мы находимъ, что опытъ и механизмъ становятся проще и проще, пока, дойдя до низшихъ видовъ, мы не наталкиваемся на такіе организмы, къ которымъ уже возможно приложить гипотезу о чувствующихъ машинахъ. Движимые лишь непосредственными стимулами и всегда однимъ и тѣмъ же образомъ, они неспособны на то, что мы подразумеваемъ подъ словомъ «опытъ», они ощущаютъ и реагируютъ, но никогда не выучиваются путемъ опыта измѣнять свои реакціи и предвидѣть будущіе результаты. Наблюдайте за улиткой: какъ всѣ ея реакціи похожи на дѣйствія машины. Затѣмъ, поднимемся повыше, къ рыбѣ. Рыба чувствуетъ крючекъ и бросается назадъ; но избавившись отъ раздраженія, снова неоднократно возвращается къ

блюденія убѣждаютъ насъ въ ихъ чувствительности къ *звуку*, потому только, что они реагируютъ подъ вліяніемъ колебаній, которыя передаются намъ въ видѣ звуковъ. Насѣкомыя не могутъ получать такіе же впечатлѣнія, какія въ насъ производятъ колебанія воздуха: они не имѣютъ слуховаго органа, и еще менѣе чувствилище человѣка.

приманкѣ, не смущаясь воспоминаніемъ объ испытанномъ ощущеніи и израненнымъ ртомъ. На сколько иначе дѣйствуетъ собака! Если она, стараясь удовлетворить которой нибудь изъ своихъ потребностей, испытала боль, она уже съ осторожностью подходитъ къ причинившему ее предмету или, можетъ быть, и вполнѣ подавляетъ свое желаніе, боясь возвращенія боли. Собака научается; рыба совсѣмъ не способна научиться. Въ словахъ, сказанныхъ о животныхъ Бюфономъ, въ подражаніе Декарту, есть доля правды, если примѣнить ихъ къ рыбамъ и къ животнымъ низшей организаціи. «Животное», говоритъ Бюфонъ, «существо чисто матеріальное, которое не мыслить и не разсуждаетъ, а между тѣмъ дѣйствуетъ и, повидимому, способно принимать рѣшенія». Ошибка начинается, когда онъ прибавляетъ: «нѣтъ сомнѣнія, что принципъ рѣшимости въ животномъ есть дѣйствіе чисто механическое и вполнѣ зависящее отъ его организаціи». Дѣйствительно, это свойство вполнѣ зависитъ отъ организаціи; но *поэтому* самому оно уже не чисто механическое, такъ какъ и вся организація не исключительно механическая. Насколько дѣйствія зависятъ отъ организаціи, они у животныхъ не принадлежатъ къ другому разряду, чѣмъ у человѣка. Точка отправленія — это опытъ, истекающій изъ болѣе сложной организаціи.

105. Важнымъ слѣдствіемъ этого болѣе сложнаго опыта является развитіе того принципа разсудочности, обыкновенно называемаго сознательностью, того внутренняго чувства, которое Кантъ называетъ отличительнымъ свойствомъ человѣка: — дѣлать изъ собственныхъ душевныхъ движеній предметы мышленія. (Werke I, 17). На сколько животные раздѣляютъ эту способность размышлять о томъ, что происходитъ въ нихъ самихъ, обдумы-

вать собственныя дѣйствія и отличать ихъ объективныя и субъективныя стороны — опредѣлить невозможно; но всѣ вѣроятія противъ того, чтобы они имѣли болѣе, чѣмъ самые незначительные задатки этихъ опытовъ. Каждый психологъ долженъ сознавать громадное вліяніе способности размышленія и отдѣленія собственнаго я отъ окружающаго міра, предметовъ отъ чувствованій.

106. Настоячивое признаніе разнообразныхъ точекъ различія не должно ослѣплять насъ относительно многочисленныхъ точекъ общности. Животныя и люди сходны, хотя и различны въ строеніи, и по функціямъ. Чувства, инстинкты, первоначальныя способности сходны; точно также органы питанія, органы возрожденія, чувствъ и движенія: изъ всего этого будетъ весьма рационально заключить соотвѣтствующее сходство функцій. Едва ли можно отрицать, что животныя чувствуютъ и комбинируютъ свои чувства согласно такимъ же основнымъ законамъ, какіе руководятъ и человѣкомъ; но не менѣе вѣрно и то, что ощущенія ихъ и результаты соединенія этихъ ощущеній болѣе или менѣе различны. Они не могутъ имѣть такихъ же интуицій, если чувствительные элементы этихъ интуицій несходны. Если животныя и обладаютъ логикой, то ужъ конечно не логикой знаковъ, которая сгущаетъ идеи въ символы; дѣйствіе ихъ логики разработываетъ матеріалы опыта, свойственнаго каждому организму, и гораздо болѣе ограниченнаго въ своемъ объемѣ, чѣмъ у человѣка. Животныя имѣютъ эгоистическіе импульсы и едва ли они обладаютъ альтруистическими побужденіями, кромѣ полового и родительскаго. Они выказываютъ извѣстную нѣжность къ маленькимъ и молодымъ животнымъ (вѣроятно, слѣдствіе родительскаго же инстинкта). Но эта нѣжность исчезаетъ въ нихъ при появленіи какого ни-

будь эгоистическаго импульса. Дарвинъ указываетъ на мартышку Брэма, сердце которой было такъ широко, что она не только усыновляла молодых обезьянъ, но даже воровала щенятъ и котятъ, съ которыми постоянно нянчилась. Однако ея доброта не доходила до того, чтобы она дѣлила пищу со своимъ пріемышемъ, что очень удивляло Брэма, такъ какъ его обезьяны всегда все дѣлили поровну со своими дѣтенышами. Здѣсь мы видимъ, на сколько первенствуетъ эгоистическій импульсъ. У женщины-матери альтруизмъ возвысилъ бы материнскій инстинктъ до материнскаго чувства, вслѣдствіе умственной оцѣнки правъ безпомощнаго существа: она бы накормила усыновленнаго ею ребенка прежде, чѣмъ насытится сама. Еще случай: эту мартышку однажды оцарапалъ ея воспитанникъ — котенокъ. «Весьма удивленная, она осмотрѣла его лапы и безъ дальнихъ околичностей откусила ему когти». Это указываетъ на присутствіе ума, но не того просвѣщеннаго опытомъ ума, который сознаетъ, что котенку необходимы когти и что его можно научить не царапать ими свою нареченную мать. Мартышка не одарена способностью говорить, которая собираетъ въ одно опытъ другихъ и сообщаетъ извѣстные результаты тѣмъ, кто не испыталъ ихъ; мартышка могла пользоваться только своимъ собственнымъ опытомъ, состоящимъ въ томъ, что она испытала царапающее свойство когтей.

107. Животное ухаживаетъ за своимъ больнымъ дѣтенышемъ; дикарка старается вылечить своего страдающаго ребенка; цивилизованный человѣкъ посвящаетъ дни труда тому, чтобы помочь каждому больному, ходить за раненымъ солдатомъ, принадлежащемъ чужому племени и съ увлеченіемъ ищетъ врачебные методы, приложимые ко всевозможнымъ страданіямъ. Индивидуа-

лизмъ—законъ животной дѣятельности, а девизъ его: «каждый для себя, противъ всѣхъ». Идеаль человеческой дѣятельности альтруизмъ, который говоритъ: «каждый съ другими, всѣ для каждаго». «Помогать страждущимъ—дѣло и обязанность каждаго», говорилъ Тургото. Но перечисляя разнообразныя нравственныя блага соціальной жизни, мы не должны оставлять безъ вниманія ея темныхъ сторонъ. Невѣдѣніе животнаго, по крайней мѣрѣ, свободно отъ ига суевѣрія, и счастье его не разстраивается множествомъ превратныхъ понятій, которыя портятъ людей. Его эгоизмъ не включаетъ въ себя развращающаго вліянія тщеславія и всѣхъ пороковъ, до которыхъ испорченное воображеніе унизило человеческія страсти. Исторія человечества, съ ея темной стороны, представляетъ ужасный рядъ жестокостей и разврата, подобныхъ которымъ не находится въ исторіи животныхъ. Правда, у животныхъ нѣтъ добродѣтелей, такъ какъ добродѣтель—подавленіе нашихъ эгоистическихъ импульсовъ для содѣйствія благосостоянію другихъ; животныя же не способны на такое пониманіе. Инстинкты ихъ ведутъ прямо къ дѣйствіямъ, а никогда не къ мыслямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, хотя они наравнѣ съ человѣкомъ обладаютъ половымъ инстинктомъ, но не имѣютъ понятія о любви. Съ другой стороны, животныя испытываютъ эпидеміи болѣзни и страха, но одинъ человѣкъ способенъ заражаться безуміемъ; для него заблужденіе также прилипчиво, какъ болѣзнь. Чтобы высказанное мною не показалось недостойной насмѣшкой надъ человеческой природой, я прибавлю, что только одинъ человѣкъ поддается заразѣ энтузіазма, славы, добродѣтели. Если животное не такъ страдаетъ, потому что оно не мучается неутомимой погоней за счастіемъ и идеалами и не знаетъ суевѣрныхъ страховъ, его

судьба менѣ завидна, такъ какъ оно не испытываетъ духовныхъ желаній...

„For who would lose,
Though full of pain, this intellectual being,
These thoughts which wander through eternity?“
. *)

108. Можетъ быть, намъ возразятъ, что въ вышеприведенныхъ замѣчаніяхъ человѣкъ является уже въ состояніи полного развитія, послѣ того какъ вѣка культуры измѣнили его организмъ, а не въ первобытномъ и даже не въ дикомъ состояніи, и что, поэтому, сравненіе его съ животными до извѣстной степени не справедливо. Но моя цѣль была выдвинуть на первый планъ дѣйствіе соціального фактора и заняться человѣкомъ въ періодъ развитія, какъ лучшимъ образцомъ силы этого фактора. Отличительный характеръ психологіи человѣка тотъ, что къ тремъ великимъ факторамъ — организму, внѣшней средѣ и наслѣдственности — общимъ ей съ психологіей животныхъ, она присоединяетъ еще четвертый, — а именно, отношеніе къ соціальной средѣ съ ея продуктомъ, общимъ духомъ (см. слѣдующую главу). Вполнѣ очевидно, даже если ограничить нашъ сравнительный обзоръ человѣческимъ родомъ, насколько важна эта соціальная среда. Наружный видъ дикаря и всѣ его функціи ни чѣмъ не отличаются отъ цивилизованнаго человѣка. Замѣтное различіе ихъ душевныхъ явленій происходитъ отъ болѣе сложныхъ соціальныхъ отношеній и отъ проистекающаго изъ нихъ расширенія опыта. Далѣе замѣтимъ, что историческія свидѣтельства о развитіи чувствъ и способностей опровергаютъ,

*) „Кто захотѣлъ-бы утратить духовное бытіе, хотя оно и полно страданія, и тѣ мысли, что проходятъ сквозь вѣчность?“

какъ метафизическое ученіе о врожденныхъ чувствахъ и идеяхъ, такъ и френологическую доктрину о томъ, что эти чувства и способности имѣютъ свои органы въ очертаніяхъ мозга.

109. Хотя слѣдуетъ отнести знаніе къ опыту, тотъ опытъ, который отыскиваетъ въ себѣ средства къ непрерывному развитію, обязанъ этимъ языку, т. е. свойству, какимъ не владѣетъ ни одно животное. Языкъ распредѣляетъ, обобщаетъ, сравниваетъ опыты и сгущаетъ ихъ въ формулы, представляющія собою умственную монету. Посредствомъ его, личныя отношенія возрастаютъ до безличныхъ понятій; нравственная жизнь становится жизнью соціальной. Животное, какъ я говорилъ ранѣе, одарено чувствомъ симпатіи и симпатическими импульсами; но они никогда не бываютъ альтруистическими; животное не преслѣдуетъ, сознательно, отдаленныхъ цѣлей. Наша нравственная жизнь — сочувствіе нашимъ ближнимъ, трудъ для другихъ, независимо отъ всякой личной выгоды, кромѣ удовлетворенія этого соціальнаго импульса. Просвѣщенные интуитивнымъ сознаніемъ нашей общей слабости, мы мысленно раздѣляемъ горести всего міра. Наслажденіе, все болѣе и болѣе разширенное возможностью обмѣна, дѣлается синонимомъ общежитія.

110. Приобрѣтая, посредствомъ разговора, пониманіе операций соціальнаго фактора, мы можемъ приблизительно опредѣлить какихъ душевныхъ явленій нельзя найти у животныхъ. Но благодаря смѣшенію этого фактора съ другими и происходящему отъ этого измѣненію въ чувствахъ, одно отвлеченіе соціальной среды не ставитъ еще насъ лицомъ къ лицу съ чувствительностью животныхъ. Если это отвлеченіе и даетъ намъ возможность утверждать, какихъ чувствъ не могутъ имѣть животныя, оно

все же не объясняетъ на сколько присущія имъ чувства похожи на наши; а эта неспособность весьма ощутима въ случаяхъ эмоцій сложнаго порядка. «Всѣ животныя испытываютъ *удивленіе*», говоритъ Дарвинъ, «и многія изъ нихъ выказываютъ *любопытство*». Для насъ не ясно, на сколько названныя чувства похожи на наши. Мы замѣчаемъ, что вниманіе животныхъ обращено на извѣстныя событія и также, что ихъ волнуютъ извѣстныя впечатлѣнія. Брэмъ и Дарвинъ рассказываютъ, «что обезьяны, движимыя свойственнымъ имъ страхомъ змѣй, не могли удержаться, чтобы не поднять крышку ящика, въ которомъ находились ихъ враги и не посмотреть на нихъ». Этотъ поступокъ такъ напоминаетъ образъ дѣйствія дѣтей и вообще организмъ обезьяны такъ похожъ на дѣтскій, что изъ всего этого мы должны заключить объ извѣстной общности въ душевныхъ состояніяхъ. Что животныя разсуждаютъ, т. е., группируютъ опыты, составляютъ мнѣнія, выводы — рѣдко оспаривается компетентными наблюдателями. Замѣчательный фактъ, что чѣмъ болѣе естествоиспытатель изучаетъ привычки какого нибудь животнаго, тѣмъ болѣе онъ придаетъ значенія разуму, а не природнымъ инстинктамъ. Рейгеръ приводитъ два разительныхъ примѣра: когда онъ въ первый разъ предложилъ своимъ обезьянамъ яйца, они разбили ихъ въ дребезги и, такимъ образомъ, лишили себя большей части содержимаго; впоследствии, онѣ слегка ударяли однимъ концомъ яйца о какой нибудь твердый предметъ и счищали кусочки скорлупы пальцами. Имъ часто давали куски сахара, завернутые въ бумагу. Рейгеръ иногда пускалъ въ пакетъ живую осу, которая жалила обезьянъ, когда тѣ спѣшили развернуть подачку; но послѣ того, какъ это случилось разъ, онѣ всегда подносили пакетъ къ уху,

чтобы узнать: нѣтъ ли въ немъ какого движенія. Въ этихъ примѣрахъ мы замѣчаемъ явные результаты опыта; но многія изъ низшихъ животныхъ, пресмыкающіяся и рыбы, въ продолженіе всей своей жизни не измѣнились бы вслѣдствіи такого лишенія пищи или страданія при ея добываніи. Мнѣ случилось видѣть, что обезьяна, получившая орѣхъ, который она не могла разгрысть, возвратила его назадъ. Если тутъ не было разсужденія, то я незнаю — что заслуживаетъ этого названія. Однако, хотя логическій процессъ въ этомъ случаѣ и тождественъ съ тѣмъ, который проявляется въ высшихъ сферахъ разума, его можно назвать логикой чувства, а не логикой знаковъ. Сравнивая способности обезьяны и человѣка, мы должны помнить, что понятіе «обезьяна» включаетъ въ себѣ всѣ условія ея обезьяньей жизни; слѣдовательно, мы можемъ быть также спокойны и увѣрены, какъ Сидней Смитъ, судя по его словамъ, что синелица мартышка никогда не сдѣлается нашей соперницей въ философіи, наукъ и искусствахъ. Представимъ себѣ полную картину человѣческаго совершенства, положимъ: въ изученіи и теоріи небесныхъ свѣтилъ, въ пониманіи химическихъ пропорцій, въ объясненіи древнихъ лѣтописей, точномъ вычисленіи отдаленныхъ явленій и въ той удивительной, идеальной ткани, сплетенной изъ религіи и поэзіи, соединившей въ одну величественную, духовно-двигательную силу прошедшее, настоящее и будущее:—сравненіе этой картины съ представленіемъ о самой высшей жизни мартышки является такой полной нелѣпостію, что оправдываетъ презрѣніе, съ которымъ обширные умы отвернулись отъ гипотезы, искавшей объясненія для человѣческаго ума въ органическихъ функціяхъ, общихъ человѣку и животнымъ, безъ прибавленія инаго дѣятеля.

111. Психологу предстоитъ открыть этотъ агентъ. Дарвинъ, резюмируя свои замѣчанія, говоритъ: «Я полагаю, теперь уже доказано, что человѣкъ и высшія животныя имѣютъ нѣсколько общихъ инстинктовъ. Всѣ они обладаютъ одинаковыми чувствами, интуиціями и ощущеніями» — (вмѣсто *одинаковыми* читай *похожими*) «сходными страстями, аффектами, эмоціями, не исключая и болѣе сложныхъ; они испытываютъ удивленіе и любопытство, одарены тѣми же свойствами подражанія, вниманія, памяти, воображенія и разсудка, хотя и въ очень различной степени. Несмотря на это, многіе авторы настаивали на томъ, что человѣкъ отдѣленъ отъ всѣхъ низшихъ животныхъ непреодолимой преградой, его душевными способностями (стр. 48).

Я согласенъ съ этими авторами. Я, конечно, того мнѣнія, что душевныя способности человѣка выработались изъ тѣхъ духовныхъ функцій, которыя онъ раздѣляетъ съ животными; но эти способности, уже развитыя, составляютъ такую же широкую пограничную линію, какъ и та, которая раздѣляетъ позвоночное отъ безпозвоночнаго строенія. Нравственныя и высшія умственныя способности человѣка также мало могутъ быть объяснены одною ссылкой на животныя функціи, какъ полетъ птицъ можетъ быть объясненъ пресмыканіемъ гадовъ, хотя то и другое сводится къ механическимъ и фізіологическимъ началамъ. Точно такъ, какъ птица имѣетъ крылья, человѣкъ владѣетъ языкомъ. Крылья доставляютъ птицѣ свою особую способность двигаться по воздуху; языкъ даетъ человѣческому разсудку и страстямъ свойственный имъ характеръ разума и чувства. Самый языкъ есть соціальный продуктъ, совершенно особаго рода; онъ зависитъ не отъ одного строенія голосовыхъ органовъ: вѣдь нѣкоторыя птицы могутъ

артикулировать и даже подражать нашимъ словамъ; но ни одна птица не пользуется этими артикуляціями для выраженія идеи. Языкъ происходитъ не отъ одного существованія общества; пчелы и муравьи живутъ въ общинѣ и многія животныя собираются въ группы. Такъ называемыя общины животныхъ очевидно ничто иное, какъ сборище индивидуумовъ, съ извѣстнымъ раздѣленіемъ труда. Среди ихъ не существуетъ ни подчиненія, ни равноправія — одна совмѣстная дѣятельность; нѣтъ ни личностей, ни разрядовъ, имѣющихъ власть надъ другими, ни приказаній, ни повиновенія, ни отрѣченія отъ личныхъ правъ и притязаній; но что всего важнѣе, они никогда не создали ничего похожего на семейство — какъ соціальную единицу, и преданіе — какъ социальный опытъ. «Душевные силы, замѣчаетъ Дарвинъ, должны были быть болѣе развиты уже въ одномъ изъ первыхъ прародителей человѣка, чѣмъ въ любой изъ существующихъ нынѣ обезьянъ, даже прежде, чѣмъ самый несовершенный способъ рѣчи вошелъ въ употребленіе; и можно быть вполне увѣреннымъ, что продолжительное упражненіе и развитіе этой силы реагировали на умъ, давая ему возможность и смѣлость создавать длинныя ряды мыслей». Но зачѣмъ обезьянѣ *желать* создавать такія сцѣпленія идей? Вотъ въ этомъ-то и вся задача. Вслѣдствіе своей организаціи, человѣку удалось овладѣть развитіемъ способности произношенія, которой лишена обезьяна, менѣе счастливая, чѣмъ сорока и попугай, хотя она и умнѣе ихъ. Относительно же самой функціи — способность выговаривать слова у дикаря такая же, какъ и у философа; между тѣмъ — умственный и нравственный перевѣсъ дикаря надъ обезьяной ни въ какомъ случаѣ не такъ значителенъ, какъ степень превосходства, существующая между высоко-обра-

зованнымъ современнымъ дѣятелемъ и дикаремъ. Причины этого превосходства мы должны искать въ дѣйствіяхъ и реакціяхъ общественной среды. |

ПРАВСТВЕННОЕ ЧУВСТВО.

112. То, что составляетъ отличительное свойство разсудка, различимо и въ сознаніи: и тотъ и другое — социальные продукты. Наслѣдственная передача организованныхъ побужденій, вмѣстѣ съ различіемъ между функціей и способностью, даютъ намъ возможность примирить апріористическую интуицію съ опытной теоріей. Если мы допустимъ, что умъ животныхъ — зачаточный интеллектъ, мы можемъ также допустить, что душевныя движенія ихъ — зачатки нравственнаго чувства. Въ стремленіяхъ къ самоукрощенію, порождаемыхъ въ птицахъ и разумныхъ млекопитающихъ половымъ и родительскимъ инстинктами, въ ихъ способности привязываться помимо прямой физической связи, мы можемъ узнать тѣже самые зародыши, которые въ человѣкѣ общественная жизнь развила до степени преданной любви, страстнаго сочувствія и самоотверженнаго попеченія.

113. Мы учимъ нашихъ домашнихъ животныхъ также, какъ мы приучаемъ нашихъ дѣтей дѣлать это и избѣгать того-то, выражая имъ свое одобреніе и неодобреніе ласками и ударами. Мы видимъ, что они до извѣстной степени восприимчивы и поддаются воспитательному вліянію той нравственной силы, которая, постепенно дѣйствуя на человѣка, вылилась въ форму обычая, закона, общественнаго мнѣнія. Но если мы подъ названіемъ «нравственное чувство» будемъ подразумѣвать способность отличать правое и неправое, то это свойство такъ

же недоступно для животнаго, какъ и умѣніе различать ариметическія пропорціи; хотя и здѣсь, животное можетъ тоже выказать извѣстную зачаточную способность регулировать свои поступки пониманіемъ различія: «какъ будто» оно на самомъ дѣлѣ рассчитываетъ. Нельзя даже уверждать съ точностью, чтобы въ человѣкѣ его нравственное чувство было врожденно иначе, чѣмъ прирожденъ музыкальный вкусъ; оно на столько же мало приноситъ съ собой понятій о томъ, что справедливо и что несправедливо, на сколько любовь къ музыкѣ рождаетъ симфонію Бетховена. То, что оно даетъ намъ — не болѣе извѣстныхъ органическихъ предрасположеній, по своей волѣ или по подчиненію проявляющихся въ благодѣтельной формѣ тѣхъ дѣйствій, которыя общественный опытъ причисляетъ къ разряду правильныхъ. Но въ менѣе одаренныхъ обрачкахъ нашей расы, даже въ предѣлахъ культуры, отвѣтъ на нравственные требованія общества, въ видѣ доктринъ или учреждений, бываетъ гораздо рѣже, чѣмъ столкновеніе противоположныхъ апетитовъ или узда, налагаемая эгоистическимъ страхомъ на эгоистическія желанія. Уже большой шагъ впередъ: отъ страха животнаго передъ плакой — до страсти къ одобренію, достигающей такой идеальной высоты, что законы общества, или обычай и уваженіе соотечественниковъ, постоянно оказываютъ сдерживающее и руководящее вліяніе. Даже въ этихъ границахъ мы видимъ, что человѣческое чувство доходитъ до степени, вполнѣ недоступной для самаго разумнаго изъ нашихъ бессловесныхъ товарищей, для собаки. Но нравственные наклонности людей имѣютъ разнообразныя причины, и много хорошихъ поступковъ совершалось весьма обыкновенными существами вслѣдствіе здоровыхъ импульсовъ и подъ руководствомъ фактовъ, безъ помысленія о под-

нятой палкѣ: точно такъ, какъ по всему свѣту люди питались пищей, поддерживающей жизнь, а не ядомъ, и изобрѣтали подходящія для работы орудія. Къ этому то первобытному чувству и постепенно видоизмѣняющемуся пониманію того, что ведетъ къ благосостоянію, что, по старинному изрѣченію «согласно съ природой», мы и должны отнести начало тѣхъ общественныхъ правилъ, которымъ одобреніе и неодобреніе, законъ и его санкція служатъ формой и дополненіемъ. Правда, сначала суевѣріе оказываетъ свое безобразное вмѣшательство въ понятія и привычки, достойныя довѣрія, и что развивающійся строй нравственной дѣятельности даетъ просторъ не только разширенію истиннаго и идеальнаго добра, но также и развращающему вліянію тщеславія, стремленію къ преобладанію и себялюбивой жадности, во всѣхъ ея видахъ. Такимъ образомъ, соціальный законъ, или общественное мнѣніе каждаго вѣка, даже среди самыхъ цивилизованныхъ общинъ, то смотрѣли съ своей могущественной улыбкой, то грозно хмурились на самые несходные ряды дѣйствій: — что въ одномъ мѣстѣ и въ одно время признавалось за добро, въ другомъ мѣстѣ и въ другое время считалось отвратительнымъ. Это наблюденіе приводитъ насъ къ поразительному антитезу, представляемому развитіемъ человѣчества, а именно, что нравственное чувство, которое сперва складывалось подъ вліяніемъ внѣшняго одобренія и порицанія, въ избранныхъ членахъ даннаго поколѣнія выливается наконецъ въ форму протеста и сопротивленія, отреченія отъ непосредственнаго сочувствія, ради предвидящагося въ будущемъ общаго блага, нравственнаго вызова матеріальной силѣ и разнаго рода мученичества.

114. На этой точкѣ намъ удобно будетъ оглянуться и убѣдиться, что насъ недалеко поведетъ одно изученіе

жизни животныхъ для пониманія нравственной жизни человѣка, сотканной изъ безконечнаго количества тѣсно-сплетенныхъ нитей чувства и знанія. Тѣмъ не менѣе, такое сведеніе сочувственной или нравственной жизни къ ея первобытнымъ проявленіямъ не только полезно, но и необходимо для настоящаго анализа и естественной исторіи нравовъ. Безъ него едва-ли возможна разумная оцѣнка того вліянія, какое имѣютъ на направленіе человѣческой дѣятельности импульсъ, сознаніе и привычка. Въ пойнтерѣ мы наблюдаемъ дѣйствіе дрессированнаго импульса, природное стремленіе, обузданное и подготовленное для особаго рода дѣйствій, посредствомъ виѣшняго вліянія или предьявленія мотива. Тотъ же самый разрядъ элементовъ, развившійся подъ вліяніемъ человѣческихъ условій, переходитъ въ руководящую интуицію, т. е. такое нравственное чувство, которое представляетъ пониманіе правильнаго образа дѣйствій, совокупно съ болѣе или менѣе непосредственнымъ расположеніемъ къ подходящей практикѣ. Пропорціи, въ которыхъ соединены, такимъ образомъ, сознательное сужденіе и непосредственный импульсъ, на столько значительно измѣняются вслѣдствіе продолжительнаго вліянія наслѣдственности и воспитанія, что мы получаемъ, съ одной стороны, внезапный порывъ героическаго великодушія и самоосуждающей справедливости, на подобіе нравственнаго рефлекса, а съ другой — жестокую борьбу между сознанной обязанностью, или альтруистическимъ пониманіемъ послѣдствій, и могучими побужденіями эгоистическихъ желаній. Только оцѣняя, какъ слѣдуетъ, эту необходимую кооперацію импульса и пониманія эмоціональнаго и умственнаго элемента въ развитіи нравственности, мы достигнемъ настоящаго пониманія заблужденій человѣческой выучки и практики и тѣхъ благо-

дѣтельныхъ сочувственныхъ реакцій, которыя, какъ мы видимъ изъ исторіи общинъ, противустоятъ этимъ заблужденіямъ и исправляютъ ихъ.

114. Отвлеченныя понятія — добро и зло — становятся, въ общественномъ воспитаніи, центромъ, вокругъ котораго немедленно группируются эмоціи; такъ же быстро, какъ стальные опилки пристають къ магниту. Эти понятія служатъ сигналомъ для актовъ воли, хотя въ нихъ самихъ нѣтъ и рѣчи о тѣхъ специфическихъ дѣйствіяхъ, которыя они вызываютъ. Кромѣ того, въ людяхъ съ низшей душевной жизнью, они никогда не пріобрѣтають другаго, болѣе широкаго, значенія, чѣмъ «то, что одобряется и неодобряется», и то, «за что караютъ, и за что награждаютъ». Вслѣдствіе этого мы видимъ, что даже члены цивилизованныхъ общинъ также различно воспринимають такъ называемыя религіозныя и нравственныя ученія, какъ различно опредѣляются привычки разныхъ животныхъ. «Если бы», говоритъ Дарвинъ, «мы допустили тотъ крайній случай, что люди воспытавались бы при такихъ же условіяхъ, какъ пчелы, едва ли подлежить сомнѣнію, что наши незамужнія женщины, какъ рабочія пчелы, считали бы священнымъ долгомъ убивать своихъ братьевъ, а матери старались бы уничтожать своихъ плодоносныхъ дочерей, и никому и въ голову-бы не пришло вмѣшиваться (стр. 73)». Чтобы сдѣлать сравненіе яркимъ, надо закрыть глаза на невозможность для человѣческихъ организмовъ — подвергаться тѣмъ же условіямъ, какъ пчелы. И намъ нѣтъ надобности искать далѣе человѣческой сферы, чтобы замѣтить тѣ безсмысленныя и зловредныя дѣйствія, которыя проповѣдуются и приводятся въ исполненіе подъ именемъ «добра», иногда подъ видомъ выраженія божественной воли, или какъ средство для избавленія отъ грядущаго

зла. Но превыше всѣхъ вліяній является общественная санкція, одобреніе или неодобреніе, посредствомъ которыхъ мнѣніе общества проникаетъ въ жизнь своихъ членовъ, начиная съ очага и до судебной палаты, отъ азартной игры, которой они развлекаются въ часы досуга, и до поля сраженія, на которомъ они встрѣчаютъ смерть. Взглядъ на всякое государство покажетъ намъ торжество этой силы, даже тогда, когда она приходитъ въ столкновеніе съ освященными мистическими вѣрованіями и ужасами, съ попеченіемъ о любящихъ и любимыхъ. Возьмемъ вопросъ о дуэли. Человѣкъ можетъ ясно сознавать, что этотъ обычай, со стороны пользы, нелѣпъ, что его сопровождаютъ жестокія послѣдствія, что онъ прямо нарушаетъ его религіозныя вѣрованія; но непосредственный ужасъ передъ презрѣніемъ общества за поступокъ, заклеянный названіемъ трусости, пересиливаетъ страхъ смерти и божественнаго гнѣва, мольбы семьи и громы церкви. Единственная сила, которой удалось уничтожить этотъ обычай, это — переворотъ общественнаго порицанія. «Если, само по себѣ и въ отдѣльности, сила обычая велика, говоритъ Бэконъ, насколько же могущественнѣе эта сила, когда всѣ ея стороны дѣйствуютъ сообща, коллективно и совокупно: ибо тогда насъ учитъ примѣръ, подкрѣпляетъ общество, соревнованіе оживляетъ и возвышаетъ слава».

Здѣсь мы видимъ различія, которыя прикрываются тождественностью именъ, хотя эта тождественность, можетъ быть, и указываетъ на настоящее сродство. Мы можемъ сказать, что мы воспитываемъ нашихъ собакъ въ средѣ, то одобренія, то порицанія; тоже опредѣленіе подходитъ и къ соединенію понужденія и сочувствія, доразвившаго человѣка до созданія такихъ поэмъ, которыя потрясали жизнь цѣлыхъ поколѣній, до науки,

которая все болѣе и болѣе вторгается въ область невидимаго и переносить его въ область опытнаго изслѣдованія.

Прогрессивныя измѣненія въ значеніи термина «правственность» могутъ быть пояснены пониманіемъ «раскаянія». Собака, которая убѣгаетъ и прячется послѣ сознательнаго проступка и потомъ не прибѣгаетъ на ласковый зовъ хозяина, такъ какъ она болѣе боится палки, нежели вѣрить въ прощеніе — не совсѣмъ несоотвѣтственное сравненіе для той степени человѣческаго раскаянія, когда преступникъ только страшится заслуженнаго имъ небеснаго мщенія. Для нравственнаго чувства человѣка, на этой низкой степени развитія, существуетъ лишь слабое и неясное впечатлѣніе того, что называется несправедливостью и преступленіемъ; на прощеніе онъ смотритъ, какъ на средство, уничтожающее всякое зло. Но въ душѣ, въ которой воспитанное пониманіе вредныхъ для другихъ послѣдствій зла соединено съ сочувствіемъ, при представленіи о ихъ страданіяхъ, угрызенія совѣсти не имѣютъ никакого отношенія къ внѣшнему источнику наказанія за совершенное зло: это ничто иное, какъ мучительное чувство, созерцаніе, полное сокрушенія, раны, нанесенной ближнему. Вордсвортъ описалъ раскаяніе такого рода: —

„Feebly must they have felt
Who, in old time, attired with snakes and whips
The vengeful Furies. Beautiful regards
Were turned on me — the face of her I loved;
The wife and mother, pitifully fixing
Tender reproaches, insupportable!“ *)

*) Слабы должны были чувства тѣхъ, которые въ древнія времена украшали метильныхъ Фурій змѣями и бичами. Прекрасный взглядъ остановился на мнѣ. Это было лицо той, кого я любилъ. Жена и мать жалостно смотрѣли на меня, съ вѣжнымъ, нестерпимымъ упрекомъ.

Та санкція, которая когда-то выражалась осязаемымъ бичемъ, превратилась во внутреннюю муку сочувствія.

115. Но и на промежуточныхъ степеняхъ, которыя скорѣе можно сравнить съ проявленіями животныхъ, мы видимъ, что въ то время, какъ страхъ направлень на внѣшнее мщеніе боговъ или человѣка, нравственное воспитаніе человѣка стремится, посредствомъ все болѣе и болѣе раціональной классификаціи дѣйствій, въ смыслѣ ихъ правильности и неправильности, къ окончательному отождествленію божественной воли съ высшимъ долгомъ къ человѣчеству и къ постоянному возвышенію общественнаго мнѣнія до самой высшей степени чувства, просвѣщеннаго знаніемъ.

Разныя стороны человѣческаго опыта, сліяніемъ своимъ создающія нравственное чувство, различно дѣйствуютъ на индивидуальный духъ; поэтому бываетъ, что нѣкоторыя формулы идеальныхъ мотивовъ, чрезвычайно реальныя для одного, имѣютъ лишь небольшое значеніе для другаго, хотя бы нравственный уровень, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, былъ одинаково высокъ. Прекрасное изрѣченіе Канта:—«человѣкъ отказывается осквернять въ своей собственной особѣ человѣческое достоинство», быть можетъ, и представляетъ прочный и исчерпывающій отвѣтъ для пониманія данной особи, ключъ, если можно такъ выразиться, къ которому принаровлены всѣ ея другія чувства. Въ сужденіяхъ своихъ о благѣ и въ выборѣ его, подобный человѣкъ поддерживается могущественнымъ презрѣніемъ къ злу, принимаемому имъ обыкновенно въ самомъ широкомъ смыслѣ.

116. Итакъ, хотя человѣкъ въ своихъ нравственныхъ начинаніяхъ и выказываетъ очевидное сходство съ животными, жизнь которыхъ, какъ и его собственная, управляется желаніями и смышленностью; но тѣмъ не менѣе

онъ стоитъ особнякомъ, вслѣдствіе своей способности достигать нравственныхъ понятій и организованныхъ этическихъ стремленій, весьма правильно названныхъ моральными интуиціями. Въ этихъ интуиціяхъ мы находимъ оправданіе апріористической доктрины интуицій; но объясненіе ихъ заключается въ опытныхъ началахъ. Наши представленія о добрѣ и злѣ — ничто иное, какъ интуиціи извѣстной послѣдовательности, которую мы приобрѣли, либо собственнымъ опытомъ, или путемъ передачи намъ этого опыта отъ другихъ. Нѣкоторые писатели, склонные къ преувеличиванію дѣйствія наслѣдственности, полагаютъ, что извѣстныя, полезныя для общества, свойства, приобрѣтенныя специфическимъ опытомъ предковъ, переходятъ въ организмъ потомковъ и, такимъ путемъ, передаются въ формѣ инстинктовъ. Имѣя передъ собою доказанныя чудеса наслѣдственности, было бы преждевременно: назначать предѣлы могущимъ со-держаться въ ней специфическимъ побужденіямъ; но несомнѣнная передача, посредствомъ языка и другихъ общественныхъ учрежденій, значительно затемняетъ очевидность въ этомъ направленіи.

И С Т О Р І Я.

116^a. Намъ не нужно продолжать этотъ обзоръ различія между психологіей человѣка и животныхъ. Его выводы таковы: хотя наблюденіе животныхъ и можетъ доставить намъ цѣнныя матеріалы, оно должно быть ведено съ большою осторожностью, и только въ видѣ побужденій къ экспериментальному анализу, а, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ служить посылкою для заключеній, заходящихъ за его предѣлы. Объективныя данныя

психологіи доставляютъ намъ зоологія и исторія; изъ физиологіи и соціологіи мы почерпаемъ ея законы. Для ея изученія недостаточно ни внѣшняго, ни внутренняго наблюденія; необходимъ анализъ и провѣрка посредствомъ синтеза:—необходимъ и опытъ. Кто-то удобно называлъ болѣзнь «опытомъ, произведеннымъ природой», такъ какъ разстройство каждаго органа, усиливая или уменьшая его работу, выдвигаетъ впередъ ту роль, которую этотъ органъ играетъ въ дѣятельности всего организма. Точно также мы можемъ назвать исторію опытомъ, произведеннымъ обществомъ, такъ какъ она представляетъ замѣтныя измѣненія умственныхъ реакцій, при измѣняющихся соціальныхъ условіяхъ, и въ широкихъ размѣрахъ показываетъ намъ развитіе чувствованій и понятій, начиная съ самыхъ зародышей опытовъ, въ мірѣ мысли и душевныхъ движеній. Исторія развертываетъ передъ нами лѣтописный списокъ духовнаго развитія: подъ отличительными признаками науки и сознанія можно найти скрытыя черты болѣе первобытныхъ состояній: въ чувствахъ—мы узнаемъ первобытныя аффекты, въ нравственности—соціальныя нужды, превращающія первоначальныя личныя желанія въ безличныя цѣли, такъ что чужеземецъ становится уже не врагомъ (*hostis*), а товарищемъ по труду и страданіямъ. Исторія показываетъ: какимъ образомъ индивидуальный опытъ дѣлается общей собственностью, а личный трудъ—богатствомъ; какъ отдѣльные факты превращаются въ науку и промыслы—въ торговлю. Постоянно измѣняющаяся панорама исторіи представляетъ безостановочное движеніе, преданіе, болѣе ясное и полное, чѣмъ устное, интенсивную сознательность болѣе широкой жизни.

117. Такъ какъ соціологія объясняетъ психологію, а опытъ, по большей части, развивается вслѣдствіе со-

ціальныхъ условій, мы не можемъ не принимать во вниманіе исторіи. Она, вмѣстѣ съ обществомъ, имѣетъ тотъ же отличительный характеръ прогресса: она постоянно пускаетъ новые ростки, постоянно находится въ развитіи. Физиологъ распознаетъ тѣ же органы и функціи въ дикарѣ и въ цивилизованномъ человѣкѣ, у грека, индійца, у древняго германца и у современнаго европейца; но не тѣ же мысли и чувства. Мозгъ образованнаго англичанина нашихъ временъ, сравнительно съ мозгомъ грека временъ Перикла, не представилъ бы замѣтной разницы; между тѣмъ, въ нравственной и интеллектуальной дѣятельности вѣроятно нашлось бы не мало значительныхъ различій. Эти различія нельзя приписывать организму и его функціямъ. Координація чувствительныхъ процессовъ въ мозгу грековъ, безъ сомнѣнія, была также совершенна, какъ въ мозгу англичанина; но качество нравственныхъ чувствъ и размѣры понятій, насколько мы можемъ судить о нихъ объективно, должны были быть весьма различны. Англичанинъ воспитанъ на продуктахъ цѣлыхъ столѣтій; его чувствованія и мысли сформировались подъ условіями, вполне неизвѣстными греку:—то, что доставляетъ наслажденіе одному, было бы мученіемъ для другаго. Видъ раненнаго чужестранца, волнующаго англичанина настолько, что одна мысль о немъ побуждаетъ его выносить лишенія и опасности, стремясь облегчить муки страдальца, возбудило бы сочувствіе грека не болѣе, чѣмъ видъ избитой собаки. Вся Агора была бы потрясена взрывами насмѣшливаго хохота при одномъ предложеніи — снабдить раненныхъ критянъ деньгами, пищей, одеждой и медицинской помощью. Точно также, трактатъ объ алгебрѣ, который теперь легко одолѣетъ каждый школьникъ, показался бы Пифагору и

Гиппарху свиткомъ чародѣя. Аристотель, при всемъ своемъ знаніи и геніальности, оказался бы ребенкомъ въ лабораторіи Либиха. Такъ широко разрослось развитіе нравственнаго чувства и научныхъ понятій.

Итакъ, между тѣмъ какъ законы чувствительныхъ функций составляютъ предметъ фізіологіи, исторія занимается изученіемъ чувствительныхъ способностей, а въ особенности нравственныхъ и умственныхъ. Истинная логика науки становится вполне ясна лишь въ исторіи науки. Если мы прослѣдимъ развитіе мысли въ широкихъ предѣлахъ исторіи, то увидимъ, какъ духъ пріобрѣтаетъ, вмѣстѣ съ новыми понятіями, новыя силы и способности. Мы замѣтимъ, также, какимъ образомъ онъ переходилъ отъ частныхъ конкретныхъ фактовъ къ общимъ выводамъ и отвлеченіямъ и спускался съ высоты отвлеченія для открытія подробностей. Другими словами, мы наблюдаемъ естественный способъ духовной операціи, называемой индукціей и другой способъ, которому мы даемъ имя дедукціи. Формулируя эти два способа, мы вступаемъ въ вѣчную область двухъ законовъ логики. Если бы мы и не имѣли историческаго свидѣтельства, убѣждающаго насъ въ томъ, что эти законы даже не подозрѣвались за тысячу лѣтъ, хотя, конечно, они дѣйствовали съ самого начала вѣковъ,—мы все таки бы предположили, что они были вполне свойственны и присущи каждому мыслящему уму. Такъ было и съ другими законами душевной жизни. Исторія открываетъ намъ: какъ духъ переходитъ отъ удивленія передъ чудеснымъ къ различенію порядка, отъ колдовства къ наукѣ (переходъ, формулированный Контомъ въ видѣ закона трехъ стадій), какъ мышленіе начинается съ неяснаго пониманія всемірнаго анимизма, или приписыванія каждому предмету отдѣльной воли, и истекающаго отсюда вѣ-

рованія въ произволъ событій, предоставляя, такимъ образомъ, воображенію полную свободу живописать себѣ прошедшее и будущее въ какихъ угодно комбинаціяхъ. Исторія показываетъ: какъ постепенно это вѣрованіе подкапывается сомнѣніями, по мѣрѣ того, какъ наблюденіе убѣждаетъ человѣка въ томъ, что событіями руководятъ причины, а не случай; пока наконецъ доходятъ до закона причинности и порядокъ событій признается неизбѣжнымъ. Съ этой поры, знакомство съ точными описаніями и демонстраціями создаетъ такой строй мышленія, для котораго чудеса немыслимы и произволъ, въ послѣдовательности событій, нелѣпъ. Въ настоящее время, всѣ наши опыты и объясненія подчиняются твердому убѣжденію въ существованіи неизмѣннаго порядка, и всѣ наши усилія направлены на то, чтобы опредѣлить, каковъ этотъ порядокъ. Для организованнаго, этимъ путемъ, человѣческаго духа, колеблющееся вѣрованіе нашихъ предковъ въ случай и произволъ похоже на лепетъ ребячь. Этотъ ходъ душевнаго развитія, такъ ясно выраженный нами, встрѣчается не въ одной наукѣ; подобное же движеніе можно выслѣдить и въ искусствѣ. — Развиваются новыя чувствительности и природа является полной новыхъ символовъ. Въ поэзіи Гете и Вордсворта есть гармоніи, какъ ритмическія, такъ и нравственныя, которыя показались бы Софоклу или Данте диссонансомъ или темными загадками. Фуга Баха или симфонія Бетговена произвели бы на Перикла впечатлѣніе безумнаго хаоса. Въ развитіи промышленности и механическихъ искусствъ, умъ не только пріобрѣлъ новыя силы, но и способности, равняющіяся новымъ чувствамъ.

Если очевидно, что индивидуальный человѣческій духъ постоянно двигался впередъ, то еще понятнѣе тотъ

фактъ, что общій духъ, или то, что мы называемъ «культурой вѣковъ», ничто иное, какъ историческій ростъ. «Передъ глазами нашими въ исторіи культуры медленно создается новый разумный міръ; мы, живущіе въ настоящее время, пользуемся наслѣдствомъ, накопленнымъ минувшими вѣками. Однако есть фундаментальная разница между путемъ, какимъ эти результаты дошли до насъ, и тѣмъ, какимъ они первоначально организовались. Для ребенка, начинающаго изучать какой нибудь языкъ, всѣ его части кажутся одинаково трудными; прилагательныя, нарѣчія, предлоги и глаголы имѣютъ для него одинаковый авторитетъ и значеніе. Эта внѣшность обманчива; благодаря ей легко предположить, что слова не члены того организма, въ которомъ и изъ котораго они развились. Мы можемъ возвратиться къ такому моменту, когда было мало или даже совсемъ не было различія между элементами, когда языкъ не былъ развитъ, какъ теперь, до безконечнаго ряда точекъ, а напротивъ, его предѣлы были весьма узки. Эти слова могутъ точно также относиться и къ мысли*).

118. Итакъ, психологъ долженъ включить психогенію въ свои изслѣдованія, а фізіологъ эмбриогенію. Исторія показываетъ какимъ образомъ человѣческій духъ: изъ трехструнной лиры, съ которой можно сравнить его на зарѣ цивилизаціи, съ успѣхами образованія превратился въ семиструнную. Слѣдовательно, относительно образованія духа, невозможно допустить притязаній интроспективнаго метода. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы надо было принять приговоръ Грина**) утверждающаго,

*) Wallace: *The Logic of Hegel*, (Валласъ: Логика Гегеля). 1874. р. LXXXIV.

**) Green: *Introduction to Hume*, § 9, as cited by Caird, *op. cit.* (Гринъ: Введеніе къ Юму, приведенное Кердомъ).

что самонаблюденіе духа надъ собственнымъ происхожденіемъ — вѣнецъ нелѣпости спекулятивнаго размышленія, такъ какъ ничего нельзя наблюдать, пока наблюдатель ставитъ свою собственную развитую сознательность на мѣсто той неразвитой сознательности, которую онъ наблюдаетъ. Затрудненіе, на которое намѣкаетъ авторъ, относится исключительно къ методу самонаблюденія. Объективный анализъ поможетъ психологу изучить развитіе духа, точно также, какъ онъ содѣйствуетъ физиологу наблюдать развитіе зародыша. Первый показываетъ намъ мѣрило развитой сознательности, къ которой стремятся всѣ уже наблюденныя стадіи, тогда какъ второй является съ развитымъ организмомъ, къ которому, равнымъ образомъ стремятся всѣ предъидущія ступени. Далѣе, объективный анализъ даетъ намъ отвѣты на затруднительные вопросы, которые многимъ кажутся неразрѣшимыми, именно, что духъ нельзя принимать за функцію матеріальнаго организма, потому что «переходить за предѣлы разума, чтобы объяснять его, это все равно, что — отрѣзать у себя подъ ногами ту почву, на которой мы стоимъ». На это можно отвѣтить слѣдующее: что духъ *можетъ* быть объясненъ, какъ функція матеріальнаго организма — доказывается тѣмъ фактомъ, что онъ *дѣйствительно такъ* объясненъ. А возраженіе, такъ настоятельно поднятое противъ этого объясненія, точно также относится и ко всѣмъ теоріямъ космическихъ явленій: — вѣдь мы знакомимся съ ними лишь въ промежуточныхъ состояніяхъ, и выражаемъ ихъ только въ терминахъ чувствованія. Мы наблюдаемъ жизнь, какъ функцію организма, измѣняющуюся вмѣстѣ съ нимъ. Имѣя это ясное понятіе о функціи, мы спокойны относительно ея неизвѣстныхъ количествъ. Тоже самое и съ духомъ. Мы наблюдаемъ его, какъ функцію,

и его измѣненія среди измѣняющихся социальныхъ условій. Такимъ образомъ, выработавъ себѣ ясный взглядъ на организмъ и социальныя вліянія, мы имѣемъ всѣ необходимыя данныя для объясненія его развитія въ томъ исключительномъ смыслѣ, въ которомъ это объясненіе для насъ доступно.

ГЛАВА IX.

О Б Щ І Й Д У Х Ъ.

119. Замѣчанія, какими мы заключили предшествующую главу, готовятъ къ разбору фактора, который рѣдко ясно понимается, хотя всегда подразумевается въ теоретическихъ разсужденіяхъ о психологическихъ вопросахъ. Я говорю о вліяніи опыта расы на опытъ каждого индивидуума, т. е. о направленіи, даваемомъ универсальной душевной жизнью, чувствамъ и мнѣніямъ отдѣльныхъ личностей. Это вліяніе проглядываетъ въ частомъ употребленіи такихъ терминовъ, какъ: умъ, здравый смыслъ, коллективное сознаніе, мышленіе (*Das Denken*), разумъ, духъ времени и т. д. Очевидно, что эти названія указываютъ на нѣчто высшее, чѣмъ индивидуальный умъ, нѣчто, превосходящее его границы и исправляющее его недостатки. Ясно и то, что существованіе этого фактора требуетъ болѣе серьезнаго метода, чѣмъ интроспекція, такъ какъ черезъ нее мы не можемъ достигнуть прямого изученія явленій, находящихся внѣ нашего личнаго наблюденія.

Предметъ изысканій составляетъ общечеловѣческій, а не единичный умъ. Психологія разъясняетъ мои или ваши мысли, наши способы реагировать лишь настолько, насколько они представляютъ примѣры нормальныхъ

реакцій идеальной души. Наука формулируетъ общіе законы и отвлеченныя понятія, а не отдѣльные факты и идіосинкразіи. Изъ быстрыхъ измѣненій отдѣльной личности она выдѣляетъ и собираетъ общія имъ характерныя черты; точно также, какъ изъ множества различій индивидуальныхъ организмовъ она выводитъ группу признаковъ, свойственныхъ всѣмъ этимъ организмамъ. Наука находитъ, что чувствительный организмъ различно реагируетъ въ дѣтствѣ, въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости; реакціи эти измѣняются изъ года въ годъ, изъ дня въ день, изъ часа въ часъ. Но среди этихъ измѣненій остаются прочныя черты, и итоги этихъ чертъ, сливаясь въ одно цѣлое, образуютъ отвлеченное понятіе, духъ.

120. Сочетаніе индивидуальнаго и общаго ведетъ къ слѣдующему результату. Между тѣмъ, какъ душевныя функціи суть функціи индивидуальнаго организма, ихъ продуктъ «духъ» — болѣе, чѣмъ индивидуальный продуктъ. Точно также, какъ его великое орудіе, языкъ, онъ имѣетъ, и индивидуальный, и соціальный характеръ. Каждый человѣкъ говоритъ, не только въ силу даннаго ему отправления — выражаться голосомъ, но также и въ силу соціальной необходимости сообщенія. Слова, высказываемыя имъ, не его созданіе; но и онъ долженъ усвоить ихъ себѣ посредствомъ процесса, который можно назвать творческимъ, прежде, чѣмъ онъ ихъ пойметъ. Человѣкъ повторяетъ то, что говорятъ его соплеменники; но слова ихъ, въ его устахъ, становятся не простымъ отголоскомъ: онъ долженъ снова передумать ихъ. Точно также, онъ можетъ усвоить себѣ ихъ опыты, лишь сливая ихъ со своими. Онъ только тогда сочувствуетъ ихъ эмоціямъ, когда самъ испытываетъ ихъ. Онъ не можетъ передумать ихъ мыслей до тѣхъ

поръ, пока его собственные опыты не сгустятся въ созданные ими символы. Но онъ обладает такими же голосовыми функціями и запасомъ словъ, какъ и всѣ, и потому можетъ воспроизводить новыя сочетанія звуковъ и понимать тѣ, которыя онъ слышитъ впервые. Такъ какъ онъ испытываетъ одинаковыя со всѣми впечатлѣнія, то и новыя сочетанія мыслей, созданныя окружающими, становятся ему понятными; присваивая себѣ и то и другое, онъ расширяетъ предѣлы своего участія въ общечеловѣческой жизни. Кромѣ круга ощущеній, потребностей и желаній, непосредственно относящихся къ его личнымъ нуждамъ, каждый человѣкъ имѣетъ болѣе широкій кругъ чувствованій и мыслей, соединяющій его личныя нужды съ потребностями его ближнихъ, и обнимающій прошедшее и будущее. Этотъ кругъ и составляетъ значительную долю строя его мыслей.

121. Языкъ принадлежитъ преимущественно той общинѣ, среди которой и для которой онъ созданъ; точно также мысль составляетъ существенную принадлежность человѣчества. Совершенно такъ, какъ каждое высказанное слово предполагаетъ разумнаго слушателя, — каждое понятіе указываетъ на существованіе безличнаго разума, представляющаго вполнѣ безличныя отношенія. Изолированный человѣкъ можетъ чувствовать, мыслить и хотѣть; но для него также невозможно было бы превратить эти чувства, мысли и желанія въ понятія, т. е. въ формулы своего знанія, какъ и выразить ихъ словами.

Далѣе, впечатлѣнія каждаго отдѣльнаго лица появляются и исчезаютъ; они исправляютъ, расширяютъ, уничтожаютъ другъ друга, оставляя за собой извѣстный осадокъ, который, сжатый въ интуиціи и формулированный въ принципы, направляетъ и измѣняетъ всѣ бу-

душіе опыты. Сумма ихъ и называется индивидуальнымъ духомъ. Общій духъ, осадокъ опыта, общаго всѣмъ — истекаетъ изъ подобнаго же процесса. Посредствомъ языка отдѣльная личность пріобрѣтаетъ возможность пользоваться общимъ фондомъ, который, такимъ образомъ, превращается въ безличное, объективное вліяніе. Каждый къ нему обращается. Всѣ мы усвоиваемъ себѣ извѣстную часть его матеріала и содѣйствуемъ увеличенію его запаса. Мы не только становимся лицомъ къ лицу съ природой, съ строемъ которой мы должны сообразоваться, но и съ обществомъ, подчиняющимъ насъ своимъ законамъ. — Мы должны изучить сущность и дѣйствіе природы, мысли и стремленія нашихъ ближнихъ; и если наши дѣйствія не будутъ согласоваться съ нашими выводами, или выводы наши окажутся не вѣрными, то мы будемъ безпощадно наказаны.

122. Обращая вниманіе на общій духъ, намъ кажется не лишнимъ предостеречь нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей отъ метафизическаго заблужденія. Абстракція — «духъ», разъ она отдѣлена отъ конкретныхъ фактовъ чувствительности, — въ силу логической необходимости, — невещественна, проста, едина, такъ какъ она такой же символъ, какъ добродѣтель, причина, число и т. п. Какъ символъ, ея признаками служатъ конкретныя реальности; но этого сознанія недостаточно для тѣхъ, которые, олицетворивъ абстракцію, признаютъ ее за *res completa*, которую можно изучать отдѣльно отъ ея составныхъ частей. И не въ однихъ изслѣдованіяхъ индивидуальнаго духа — который въ такомъ случаѣ изучается особо отъ организма — попадалась такая ошибка, но также, хотя и не такъ часто, относительно общаго духа, который отдѣляли отъ душевныхъ индивидуумовъ, не только, какъ отлеченіе, но и какъ *res completa*. Та-

кимъ образомъ міровой процессъ приписывался какой-то всемірной душѣ.

Здѣсь не мѣсто разбирать такіе метафизическіе вопросы. Для нашей цѣли достаточно, если мы признаемъ, что есть люди, и есть человѣчество, что существуютъ душевныя жизни, и, кромѣ индивидуальнаго духа, есть общій духъ. Мы всегда должны присоединять общую точку зрѣнія къ индивидуальной. Тогда-то мы и замѣтимъ недостатки и особенности различныхъ мышленій, и подобныя наблюденія будутъ намъ весьма полезны при анализѣ. Но признавая эти особенности за исключенія, мы должны выкинуть ихъ изъ состава общаго духа, совершенно такъ, какъ ошибки, хотя бы они получились логическимъ путемъ, исключаются изъ логики. Разъ мы, переходя отъ отдѣльныхъ фактовъ къ общимъ, получаемъ эти обобщенія, мы уже прилагаемъ ихъ ко всѣмъ частностямъ, чтобы узнать, насколько эти частности согласуются съ обобщеніями. Только тогда, когда это примѣненіе вполне совпадаетъ и новая частность подведена подъ общіе итоги, мы считаемъ ее вполне объясненною, если же новый фактъ несовмѣстимъ съ общимъ опытомъ, мы ищемъ причины этой несовмѣстимости въ какихъ нибудь исключительныхъ подробностяхъ. Напримѣръ, общій фактъ, что баранина прекрасная пища для человѣка, ведетъ насъ, безъ всякихъ колебаній, къ заключенію, что перваго встрѣтившагося намъ голоднаго человѣка можно безопасно накормить бараниной; но иногда случается, что именно для этого голоднаго человѣка баранина — ядъ. Мы не должны относиться къ подобнымъ случайностямъ съ невниманіемъ, или отбрасывать ихъ; необходимо отыскать точки различія въ органическихъ условіяхъ, и найденныя, такимъ образомъ, разновидности составятъ новое обобщеніе. Тоже самое

и съ умственными различіями. Мы испытываемъ сами и наблюдаемъ въ другихъ извѣстныя послѣдовательности ощущеній и мыслей, которыя мы выдѣляемъ, какъ единообразія (законы чувствительности и логики). Распространяя наши изысканія на различныя расы и эпохи, мы наталкиваемся на кажущіяся противорѣчія этимъ единообразіямъ. Тогда мы заключаемъ, что люди не всегда испытываютъ одинаковыя ощущенія, при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ*). Въ нихъ можетъ неокказаться нѣкоторыхъ чувствительныхъ свойствъ, и поэтому они будутъ иначе относиться къ стимуламъ. Или они могутъ быть лишены извѣстнаго опыта, вслѣдствіе чего останутся равнодушными къ тому, что глубоко потрясаетъ другихъ. Замѣчая эти исключенія, мы стремимся отыскать ихъ условія, которыя въ свою очередь даютъ намъ

*) „Чтеніе сочиненій, написанныхъ за границей о нервныхъ болѣзняхъ, нерѣдко наводило меня на мысль о нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ въ предѣлахъ сравнительной патологіи, посвященныхъ изученію измѣненій, могущихъ произойти, смотря по климату, національности и расѣ, въ типахъ такого рода, которые при этомъ однако не теряли своей самобытности. Вѣроятно, при подобныхъ изслѣдованіяхъ встрѣчались бы лишь тонкіе оттѣнки; но, можетъ быть, иногда уклоненіе выразилось бы и въ болѣе значительныхъ измѣненіяхъ, хотя бы изысканія касались только пограничныхъ странъ, находящихся подъ градусами широты, гдѣ сравненіе допустимо. Приведу одинъ примѣръ, который недавно еще былъ у меня передъ глазами (я предполагаю заняться когда нибудь разработкой этого вопроса):—истерическая невроза въ Англіи, конечно, разнится отъ формы этой болѣзни во Франціи и часто въ очень опредѣленныхъ симптоматическихъ чертахъ. Между прочими разновидностями, достойными вниманія, полная эмѵанестезія и также жестокая болѣзнь, эпилептическая истерика—явленія, которыя, можно сказать, у насъ такъ обыденны, рѣдко наблюдаются по ту сторону пролива, между тѣмъ какъ упорныя сведенія членовъ и многіе другіе признаки того же рода, обозначаемые иногда у нашихъ сосѣдей подъ именемъ „мѣстной гистеріи“, составляютъ у нихъ явленіе обыкновенное“—Ш а р к ѳ. Предисловіе къ переводу *Болѣзней нервнои системы, Розенталя*.

новыя обобщенія. А эти условія возводятся въ единообразія, и изъ всѣхъ этихъ единообразій образуется понятіе объ общечеловѣческой душевной жизни.

123. Наше отыскиваніе условій, специальныхъ и общихъ, можетъ быть или біологическимъ, или соціологическимъ. А такъ какъ люди скорѣе расходятся въ своихъ соціальныхъ, чѣмъ фізіологическихъ отношеніяхъ, то надо искать въ первыхъ объясненіе умственныхъ и нравственныхъ отличій, не относящихся прямо къ разницѣ строенія. Но и здѣсь мы найдемъ не мало единообразій. Люди, всегда живущіе въ группахъ, кооперируютъ подобно органамъ въ организмѣ. Всѣ ихъ дѣйствія имѣютъ одинъ общій импульсъ и общую цѣль, ихъ желанія и мнѣнія носятъ общій отпечатокъ безличнаго направленія. Многое въ частной жизни этихъ людей принадлежитъ всему обществу. Дороги, базарныя площади и храмы находятся въ общемъ пользованіи; опыты, догматы и ученія существуютъ для всѣхъ и каждаго. Являются обычаи и формулируются законы для сдерживанія всѣхъ. Обычаи, порожденные обстоятельствами, вытекающими изъ общественныхъ условій, сознательно выдѣляются и предписываются, какъ правила жизни; каждое новое поколѣніе, родившееся въ этой соціальной средѣ, должно принаравливаться къ установленнымъ уже формамъ. Общество, не смотря на то, что оно состоитъ изъ индивидуумовъ, могущественно реагируетъ на каждаго изъ своихъ членовъ. «Въ дѣтствѣ народовъ, говоритъ Монтескье, человѣкъ создаетъ государство; въ періодъ ихъ зрѣлости — государство образуетъ человѣка». Такимъ же образомъ, коллективный опытъ расы формируетъ опытъ отдѣльнаго лица. Онъ заставляетъ человѣка признавать то, что для него непонятно и повиноваться тому, чему онъ не вѣритъ. Мысли человѣка только отчасти состав-

ляютъ его собственность; онѣ также и мысли всѣхъ. — Его поступками руководить воля другихъ; онѣ не забываетъ о ней даже при возмущеніи. Его нравственное знамя находится внѣ его самого. То лишь истина, что подтверждаютъ всѣ люди и что не опровергается ничѣмъ опытомъ: *consensus gentium*. Если человѣкъ не можетъ признать этой истины, его превозглашаютъ не нормальнымъ и сумасшедшимъ. Если онѣ не чувствуетъ такъ, какъ чувствуютъ всѣ другіе, его мнѣніе не принимается во вниманіе и приводится, какъ ненормальность.

124. Такъ какъ наши личные опыты ограничены и личная самодѣятельность слаба, то насъ поддерживаетъ и обогащаетъ усвоеніе опыта другихъ. Нація, племя, секта составляетъ среду индивидуальнаго духа точно также, какъ море, рѣка или прудъ — среду рыбы; этимъ путемъ индивидуальный духъ соприкасается съ внѣшнимъ міромъ и подвергается его вліянію; прямые направленія его дѣятельности возвращаются въ этомъ кругѣ. Народъ вліяетъ на секту, секта — на отдѣльную личность. Нельзя сказать, чтобы отдѣльная личность оставалась пассивною; ее только направляютъ, а она въ свою очередь реагируетъ на секту и народъ, содѣйствуя созданію раздѣляемой ею соціальной жизни. Законы человѣческой природы составляютъ соціальныя механизмы, аналогичный уже, измѣненному опытомъ, индивидуальному механизму. Цивилизація есть накопленіе опытовъ, и такъ какъ эти собранныя богатства составляютъ преданіе расы, мы можемъ согласиться съ Контомъ, что прошедшее все болѣе и болѣе господствуетъ надъ настоящимъ, совершенно такъ, какъ у отдѣльнаго лица сознательный опытъ все болѣе и болѣе опредѣляетъ чувства и мысли.

125. Человѣческое знаніе отличается, преимущественно, отъ знанія животныхъ именно этимъ коллективнымъ опытомъ. Я никогда не испыталъ на самомъ себѣ дѣйствія яда; но я присвоилъ себѣ опытъ другихъ, включилъ его въ мою систему знанія и дѣйствую на основаніи его съ довѣріемъ. Я никогда не видалъ Ганга и не измѣрялъ діаметра земли; но свѣдѣнія объ этихъ предметахъ входятъ въ составъ моего опыта и точно также руководятъ моими дѣйствіями, какъ мое прямое знакомство съ Трентомъ или съ количествомъ десятинокъ въ моемъ имѣніи. То, что я испыталъ непосредственно, черезъ чувственное соприкасаніе, составляетъ лишь небольшую долю моего духовнаго богатства, и даже эта малая доля въ значительной степени упрочилась благодаря опыту другихъ. На меня безостановочно дѣйствуетъ совокупная мысль, закрѣпляющаяся въ социальныхъ формахъ, въ научныхъ теоріяхъ, въ произведеніяхъ искусства, а всего болѣе, въ языкѣ. Идеи — силы: существованіе одной обусловливаетъ въ насъ воспріятіе остальныхъ. Каждое свѣжее впечатлѣніе должно быть принаровлено къ имѣющейся уже массѣ осадковъ отъ впечатлѣній; каждое новое заключеніе, привитое къ старымъ, должно слиться съ ними въ одно цѣлое и вполнѣ гармонизировать со всей системой мышленія. Въ громадномъ итогѣ коллективнаго опыта — также, какъ и въ индивидуальномъ — нелѣпыя извращенія и дикія фантазіи уживаются вмѣстѣ съ точными соотношеніями чувства и факта и съ непоколебимыми истинами. Этотъ опытъ, — измѣняющаяся масса правды и заблужденія, постоянно совершенствующаяся и организуемая въ прочныя созданія, либо развивающіяся и плодоносныя, либо бесплодныя до окаменѣлости. Наша душевное добро представляетъ *bris à bras* предразсудковъ, рядомъ съ предме-

тами минутной моды; наши мнѣнія состоятъ изъ туманныхъ ассоціацій, смутныхъ воспоминаній, отголосковъ чужихъ словъ, въ связи съ реакціями нашей собственной чувствительности. Такимъ образомъ, большое количество безсвязныхъ и необдуманыхъ посылокъ производитъ давленіе на очевидность каждаго новаго мнѣнія, каждаго свѣжаго факта: вотъ то неразличимое мѣрило, которое обусловливаетъ рѣшеніе. Самый раціональный человѣкъ примѣшиваетъ къ весьма логически объяснимымъ посланкамъ такія неясныя посланки, въ которыхъ онъ не можетъ дать себѣ отчета. Только въ точныхъ наукахъ заключенія являются отчетливо обдуманными. Изучающій математику приступаетъ къ ней нетронутымъ, въ томъ смыслѣ, что онъ не приноситъ съ собой предвзятыхъ понятій, противныхъ духу этой науки, и могущихъ помѣшать его выкладкамъ. Мы видимъ, что каждый его шагъ впередъ состоитъ только въ записываніи того, что уже получено путемъ демонстраціи или интуиціи, въ связи съ новыми данными, которыя тоже легко могутъ быть доказаны тѣми же способами; въ посланкахъ этихъ нѣтъ ни неясности, ни колебанія, слѣдовательно не можетъ быть ни того, ни другаго въ заключеніяхъ. Но не то мы видимъ въ изученіи общественныхъ наукъ или въ пониманіи всеневныхъ дѣлъ. Здѣсь очевидность фактовъ сложна и неточна; посылокъ приходится искать, отчасти среди темныхъ опытовъ прошедшаго, отчасти въ сужденіяхъ, сложившихся поспѣшно, или по наслышкѣ, и превратившихся въ тенденціи, вслѣдствіе продолжительной привычки. Такимъ образомъ, изслѣдователь, который, чтобы составить себѣ новое мнѣніе, вполне добросовѣстно разрабатываетъ предложенные ему факты и всюду ищетъ данныхъ, въ сущности все время только объясняетъ всѣ эти данныя, согласно съ своимъ,

уже сформированнымъ, убѣжденіемъ. Если онъ началъ свои поиски съ вѣрою въ чудесное, онъ охотно подбираетъ всѣ подтверждающія эту вѣру подробности, отбрасывая остальное, какъ не совмѣстимое съ его знаніемъ. Если же онъ приступилъ къ работѣ съ убѣжденіемъ, что чудеса невозможны, никакая масса доказательствъ не будетъ въ состояніи поколебать его: онъ просто признаетъ очевидность недостаточной. Глубокая жажда прямого доказательства загробной жизни заставила сотни людей повѣрить грубѣйшимъ лжеученіямъ «спиритизма», лжеученіямъ, противорѣчащимъ самымъ многочисленнымъ опытамъ расы и не имѣющимъ иной поддержки кромѣ преобладанія эмоціональнаго легковѣрія, дѣйствующаго при полномъ отсутствіи знанія. Потому, что люди не знали какимъ образомъ производились эти явленія, — такъ какъ отъ нихъ старательно скрывалась возможность добыть это знаніе, — они съ готовностью принимали объясненіе, которое подходило къ ихъ предвзятымъ понятіямъ, не смотря на несоотвѣтствующія и часто унижительныя обстоятельства, которыя иначе оттолкнули бы ихъ довѣріе. Что это такъ — доказать не трудно. При отсутствіи точныхъ свѣдѣній о томъ: почему вертѣлись столы и какимъ образомъ появлялись цвѣты и огни, не было причины заключать, что всѣ эти явленія производились духами. Какія мы имѣемъ данныя для того, чтобы предположить, что духи занимаются такими дѣлами? Всѣ эти люди отвергли бы гипотезу, что двигателемъ при этомъ былъ невидимый драконъ, не потому, что они болѣе знакомы съ духами, чѣмъ съ драконами, но потому что мысль о драконѣ не связывается съ ихъ предвзятыми понятіями и желаніями.

126. Понятіе, разъ усвоенное общимъ духомъ, становится «необходимостью мышленія» для отдѣльной лич-

ности, все равно какъ разъ учрежденныя желѣзныя дороги становятся необходимыми способами передвиженія. Правила ариѳметики поздно появились въ умственномъ движеніи человѣчества, и до сихъ поръ не понятны для большинства, но они формулированы общимъ духомъ и включены въ его предѣлы; дѣти легко заучиваютъ ихъ, а философы превозглашаютъ «необходимостями мышленія». Ученіе объ эволюціи дѣлается также «необходимостью мышленія»; а еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторые изъ ея нынѣшнихъ защитниковъ были ея злѣйшими противниками. Наши предки также мало догадывались объ идеѣ прогресса, какъ и о существованіи магнетизма. Изъ отвлеченности меньшинства она перешла въ общее мѣсто массы.

Что понятія, укрѣпившіяся въ общемъ духѣ, становятся силами, которыя угнетаютъ отдѣльную личность, явствуетъ изъ ужаснаго дѣйствія идеи «спасенія душъ». Эта фикція спекулятивной логики разсѣяла сокровища греческой и мавританской культуры, на цѣлыя столѣтія остановила исканіе истины; оно провозгласило, что сомнѣніе есть грѣхъ и поставило изученіе природы наравнѣ съ бѣсовскимъ навожденіемъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Послѣдователи этой идеи отравляли, и до сихъ поръ отравляютъ, жизнь тѣхъ, которыхъ они намѣревались спасти и дѣлали все возможное, чтобы осуществить на землѣ адъ для тѣхъ, кто осмѣливался не раздѣлять ихъ вѣрованій. Къ счастью, способность къ образованію понятій не ограничена одними роковыми заблужденіями, но простирается и на благодѣтельныя истины. Если нераціональныя понятія дѣлали человѣка несчастнымъ и удерживали его въ невѣжествѣ, разумные взгляды сдѣлали его менѣе жалкимъ и болѣе мудрымъ. Наша настоящая потребность понимать явленія того міра, въ которомъ мы

живемъ, принудила насъ поддерживать исканіе истины. Появились новыя и болѣе широкія представленія о природѣ человѣка и его судьбѣ. Медленно измѣняя строеніе общаго духа, они мѣняють и выражающія его соціальныя формы, и реагируютъ на отдѣльную личность.

Замѣтимъ въ скобкахъ громадную перемѣну въ понятіяхъ о мірѣ и человѣкѣ, произведенную открытіями Коперника и Кюве, замѣнившихъ слово «твореніе» словомъ «развитіе». За изученіемъ всемірной исторіи послѣдовала исторія духа. Каждая маленькая подробность, говорящая объ душевномъ состояніи первобытныхъ расъ — имѣетъ теперь для насъ громадную цѣнность. Прежде люди раскапывали развалины городовъ и древнія гробницы, чтобы добывать золотыя украшенія или произведенія искусства; теперь они еще съ большимъ усердіемъ ищутъ кремневыхъ снарядовъ и грубыхъ орудій доисторическихъ племенъ потому, что эти предметы бросаютъ свѣтъ на развитіе духа.

ГЛАВА X.

ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ.

127. Весьма можетъ быть, что поклонники Канта увидятъ въ признаніи коллективнаго опыта и врожденныхъ наклонностей образовательными элементами личнаго опыта — иллюстрацію его доктрины о формахъ мышленія или *апріорныхъ* составныхъ частяхъ духа. Кантъ утверждалъ, что всякое знаніе происходитъ въ личномъ опытѣ, но не всякое — изъ него. Есть другіе факторы, и они трансцендентальны и апріорны, а не вызваны опытомъ, такъ какъ они составляютъ необходимыя условія послѣдняго и поэтому предшествуютъ ему. Эти факторы независимы отъ организма и не сводимы къ терминамъ чувствованія; они являются составными частями духа, прежде чѣмъ духъ приходитъ въ соприкосновеніе съ природой, а это соприкосновеніе и называется опытомъ.

Первоначальная цѣль Канта состояла въ изложеніи не психологическаго ученія, а метафизической теоріи знанія. Онъ хотѣлъ опредѣлить границы изслѣдованія, указывая предѣлы возможнаго знанія. Но такъ мало и бѣдно было его психологическое изысканіе, даже и тогда, когда онъ имѣетъ дѣло съ осязательными фактами, что онъ относитъ ихъ не къ чувству, какъ къ такому и не

къ его развитію, а только къ его связи съ познаваніемъ. Онъ начинается съ развитыхъ продуктовъ и никогда не останавливается, чтобы изучить ихъ происхожденіе — фізіологическое или психологическое. Онъ беретъ душевную жизнь взрослого и образованныхъ классовъ. Въ нихъ онъ находитъ извѣстный образъ дѣйствія, опредѣляющій возможные поступки, какъ анатомъ признаетъ извѣстныя формы строенія, опредѣляющія тѣлесныя функціи. Эти формы интуиціи и правила разсудка, какъ неумолимые условія, образуютъ нашъ опытъ и опредѣляютъ наше знаніе; мы также мало можемъ мыслить въ противорѣчій съ ними, какъ растворъ можетъ кристалizоваться круглыми углами.

128. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мы видимъ послѣдствія дѣйствій надъ отвлеченіями безъ яснаго и прочнаго пониманія тѣхъ положительныхъ величинъ, которыя они символизируютъ. Одно изъ этихъ отвлеченій — духъ, отдѣльный отъ природы; другое — опытъ. Первое есть метэмпирическая фикція, если она не логическая обстракція; второе, сведенное къ конкретамъ его, есть совокупность извѣстныхъ классовъ явленій, обнаруживаемыхъ живымъ организмомъ. Слѣдовательно этотъ опытъ заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, чувствующій механизмъ, имѣющій извѣстные способы реакціи; съ другой — внѣшнюю среду, обладающую извѣстными стимулами. Опыты такого организма суть видоизмѣненія, которымъ онъ подвергается. Они-то и обобщаются отвлеченнымъ терминомъ — опытъ. Что всѣ явленія имѣютъ свои условія — тавтологія; но эти условія дѣйствительно *имманентны* результатамъ, и только въ теоріи *предшествуютъ* имъ. Нѣтъ отдѣльно существующихъ условій и вызванныхъ ими результатовъ; но условія, идейно выдѣленные въ видѣ составныхъ частей, вы-

ражаются въ результатахъ. Мы можемъ мысленно отдѣлить организмъ и его унаслѣдованные способы реагировать—отъ всѣхъ рѣшительно особенныхъ стимуловъ, на которые онъ реагируетъ, и въ такомъ смыслѣ смотрѣть на реагирующій организмъ, какъ на условіе реакціи, а на реакцію, какъ на условіе исходнаго ощущенія или движенія. Мы знаемъ куда ведутъ подобныя различенія. Но предположить, что опыты, т. е. результаты стимуловъ и реакцій, имѣютъ какія либо другія составныя части — важная ошибка. Отдѣленіе опыта отъ организма является лишь уловкой изложенія; между тѣмъ, наука не можетъ допустить, даже какъ уловку, отдѣленія отъ организма его способовъ реакціи и возведенія ихъ въ формы мышленія, не имѣющія физическаго основанія.

129. Ни одинъ фізіологъ не будетъ отрицать, что у организма есть наслѣдственное строеніе, которое побуждаетъ его реагировать извѣстнымъ образомъ, и что это строеніе опредѣляется прародительскими видоизмѣненіями. Этимъ я хочу сказать, что способы реакцій предковъ содѣйствуютъ образованію такихъ же реакцій у отдѣльныхъ личностей, и послѣдующія поколѣнія обогащаются коллективнымъ опытомъ, накопленнымъ вѣками. Эта организація является условіемъ, настолько важнымъ для приобрѣтенія индивидуальной личностью опыта, что безъ нея всѣ реакціи послѣдней были бы другими. Кантъ сперва отдѣляетъ опытъ отъ конкретныхъ фактовъ, которыхъ опытъ служить отвлеченнымъ выраженіемъ, отдѣляетъ его отъ организма и способовъ реакціи, принадлежащихъ къ наслѣдственному строенію, и потомъ доказываетъ, что опытъ невозможенъ безъ реакцій, представляемыхъ пространствомъ и временемъ. Находя, что такія общія формы чувствительности не могутъ быть

даны въ индивидуальных ощущеніяхъ, которыя предполагаютъ существованіе первыхъ, онъ доказываетъ, что эти проявленія не могутъ быть отнесены ни къ области ощущеній, ни къ чувствующему механизму, а *смыслодовательно* принадлежатъ къ *апріорнымъ* основамъ духа.

130. Это ученіе произвело странное обояніе на чловѣческіе умы, и я не могу пропустить его безъ возраженія. Психологъ имѣетъ такое же право выводить законы мысли или формы душевной жизни, какъ физикъ — законы движенія или природы. И тотъ и другой должны бы знать: что они выводятъ и зачѣмъ они это дѣлаютъ. Но люди, по большей части, такъ мало отдаютъ себѣ въ этомъ отчета, что они истолковываютъ эти абстрактныя выраженія, какъ условія и опредѣлители конкретныхъ явленій, отъ которыхъ отвлечены эти выраженія, эти отвлеченія. По этому объясненію, законы пре-существуютъ, а движеніе и другія явленія проистекаютъ изъ нихъ. Такимъ образомъ, кромѣ самихъ движеній существуютъ еще и ихъ законы; движенія, присоединенныя ко всѣмъ условіямъ движеній. Выраженная въ такой грубой формѣ, обманчивость этого положенія очевидна. Мы выдѣляемъ изъ бесконечно-измѣняющихся условій нѣсколько постоянныхъ моментовъ, которымъ мы придаемъ математическое выраженіе. Парабола, описываемая полетомъ пушечнаго ядра, затмѣніе планетной орбиты, кривая, образуемая волною и т. д., — все это — математическія выраженія: нелѣпо олицетворять ихъ, какъ двигательные агенты. Точно также, мы изъ разнообразіи чувствованія выдѣляемъ извѣстныя постоянныя проявленія, которыя мы называемъ законами чувствительности, формами мысли, правилами логики. Ихъ мы описываемъ и классифицируемъ точно такимъ же образомъ, какъ описываемъ и классифицируемъ плоскости

сѣченія кристалловъ. Но предположить, что эти законы обладают *априорной* независимостью и дѣлаютъ наши чувствованіе и знаніе возможными — значило бы тоже самое, что вообразить себѣ плоскости сѣченія плавающими въ космосѣ и спускающимися на извѣстные растворы для превращенія ихъ въ кристаллы.

131. Канту было вмѣнено въ огромную заслугу то, что онъ отдѣлилъ форму знанія отъ его содержанія и поставилъ первую — априорнымъ условіемъ и знанія, и опыта. Въ этомъ его подвигѣ я не вижу ничего кромѣ весьма обыкновенной ошибки, вслѣдствіе которой смѣшиваются логическія отличія съ реальными, и возстановленія аристотелевой доктрины о формѣ и матеріи, упраздненной успѣхами науки. На мой взглядъ, знаменательно то, что Кантъ нигдѣ не затрогиваетъ вопроса — обладаютъ ли животныя этими же формами мышленія, какъ априорными условіями ихъ опытовъ и навыковъ. Отрицая существованіе у животныхъ этихъ формъ, онъ долженъ бы былъ, вслѣдствіе того, отказать имъ въ пониманіи отношеній времени и пространства. Но такъ какъ мы не можемъ приписывать ему такого недѣльного мнѣнія, намъ не остается иного выбора, какъ предположить, что онъ признавалъ за животными эти формы. Принимая это предположеніе, намъ остается справиться: дѣйствительно ли онъ думалъ, что животныя имѣютъ душевную жизнь, независимо отъ ихъ организмовъ, или что ихъ духъ представляется только лишь дѣятельностью организмовъ? Послѣднимъ выводомъ наносится жестокий ударъ его мнѣнію объ универсальности формъ мышленія, потому что если интуиціи пространства и времени суть дѣйствія организма, то въ человѣкѣ и животныхъ онѣ должны быть настолько различны, насколько тотъ и другіе различны по строенію. Изъ этого слѣдуетъ, что

животныя, обладающія болѣе простой организаціей чѣмъ наша, могутъ понимать и интуировать пространство только въ двухъ измѣреніяхъ, между тѣмъ какъ существа съ болѣе совершеннымъ, чѣмъ наше, строеніемъ могли бы понимать пространство четырехъ, пяти или *n* протяженій — заключеніе, возможность котораго доказываютъ воображаемая геометрія Лобачевскаго, Римана и Гельмгольца.

Но Кантъ старательно избѣгаетъ всякаго намека на органическое строеніе. Онъ устраняетъ всѣ конкретныя условія и даже не хочетъ признавать вліянія предковъ. Его формы — чистыя абстракціи: онъ отказывается признать въ нихъ какія либо свойства кромѣ ихъ апріорности и универсальности. Онъ смотритъ на формы, какъ на факты, и отбрасываетъ всякую попытку привести ихъ къ ихъ факторамъ. Ему представлялась возможность смотреть на душевную жизнь, какъ на функцію организма, а на формы мышленія, какъ на особенные виды реакціи, организованныя въ прародительскихъ видоизмѣненіяхъ. Онъ отвергаетъ это и даже не хочетъ признавать врожденныхъ идей *).

*) Однако многіе изъ его доводовъ обнаруживаютъ нѣчто, весьма похожее на признаніе ихъ. Какъ разительный примѣръ, замѣтимъ его объясненіе крика и усилій новорожденного ребенка. „Не страданія“, говоритъ онъ „выражаютъ они, а ярость на то, что ребенокъ желаетъ двигаться; а между тѣмъ *чувствуетъ* свою неспособность и принимаетъ её, какъ ограниченіе, лишающее его свободы.“ (*Anthropologie* стр. 323, примѣчаніе) Гегель идетъ дальше. Онъ видитъ въ ревѣ и усиліяхъ дитяти „проявленія высшей природы человѣка“. Такою дѣятельностью младенецъ выказываетъ самого себя „проникнутымъ сознаніемъ своего права — требовать отъ внѣшняго міра удовлетворенія своихъ потребностей, и то, что *независимость этого внѣшняго міра* исчезаетъ въ присутствіи человѣка и превращается въ рабское ничтожество. Вотъ причина буйнаго, повелительнаго това“ (*Encyclopaedia* W. vii 93).

132. Наблюденіе показало, что мы, при появленіи нашемъ на свѣтъ, не приносимъ съ собой опредѣленныхъ интуицій пространства, и что наши первыя сознательныя впечатлѣнія тоже не вызываютъ этихъ интуицій; онѣ образуются лишь медленнымъ путемъ. Возразить на это, что мы приносимъ съ собой отвлеченную форму пространства, которая даетъ возможность развиться конкретнымъ пространственнымъ опытамъ — значитъ: предпосылать общее понятіе тѣмъ подробностямъ, которыя оно обобщаетъ. Въ примѣненіи къ нашимъ двигательнымъ интуиціямъ, — заблужденіе явно. Никто, въ виду того, что мы при рожденіи не обладаемъ опредѣленными интуиціями, для управленія движеніями нашихъ членовъ, не будетъ утверждать, что мы приносимъ съ собой форму движеній, которая есть ничто иное, какъ абстрактное выраженіе для всѣхъ двигательныхъ условій, теперь присущихъ организму. Теорія опыта требуетъ, чтобы существовалъ механизмъ, готовый отвѣчать на стимулы; а по теоріи механизма необходимо, чтобы вмѣстѣ съ стимулами появлялся и опытъ какого нибудь рода. Никакое соприкосновеніе съ предметами внѣшняго міра не вызвало бы пониманія пространства, если бы мы, уже при появленіи на свѣтъ, не были одарены чувствомъ пространства. Но ошибочно было бы выдѣлять эту способность, олицетворять ее и называть ее чистою формой ощущеній пространства, предшествующей стимуламъ и механизму, которые обусловливаютъ эти ощущенія, и независимой отъ нихъ.

133. Въ видѣ заключенія, мы можемъ принять фразу Канта, что «всякое знаніе беретъ свое начало *изъ* опытѣ, но не всякое — *изъ* этого опыта», въ томъ случаѣ, если мы отдѣляемъ опытъ отъ чувствующаго механизма и его унаслѣдованныхъ способовъ реакцій, или если мы будемъ

только то считать опытомъ, на что самъ индивидъ значительно реагировалъ. Въ послѣдней главѣ мы показали какъ способность усваивать опыты другихъ составляетъ великое преимущество человѣка. Наши чувствованія суть продукты нашихъ лучныхъ стимуляцій, остатковъ прародительскихъ стимуляцій; знаніе же наше — продуктъ нашихъ собственныхъ опытовъ, или накопленныхъ опытовъ нашихъ ближнихъ. Каждый отдѣльный дикарь не имѣетъ понятія о законѣ причинности, потому что не можетъ существовать способности понимать его до тѣхъ поръ, пока эта способность не пріобрѣтется опытомъ и не займетъ своего мѣста въ коллективномъ мышленіи расы. Нельзя заставить дикаря думать, что не можетъ быть измѣненій въ событіи, пока породившія его условія остаются неизмѣнными. Необходимость причинной связи для него непонятна, потому что его опытъ повидимому ей противорѣчитъ. Но то, что для него необъяснимо, современемъ такъ организуется въ общечеловѣческомъ мышленіи, въ видѣ несомнѣнной аксіомы, что находятся мыслители, которые превозглашаютъ ее апріорнымъ закономъ духа.

ГЛАВА XI.

АНАЛИЗЪ И СИНТЕЗЪ.

134. Сознвая, что для метода необходимо совмѣстное дѣйствіе внутренняго и вѣшняго наблюденія, при собираніи и сличеніи данныхъ, мы должны, далѣе, опредѣлить объемъ и границы, присущіе производству анализа. Исходя изъ того положенія, что все познаваемое должно находиться въ предѣлахъ опыта, мы смотримъ на каждое выраженіе, которое не можетъ быть приведено къ болѣе простымъ терминамъ, какъ на первичный фактъ отвлеченія; и это мы принимаемъ только въ предположеніи, что въ будущемъ настанетъ тотъ день, когда и ихъ можно будетъ привести къ еще болѣе простымъ терминамъ. Сила есть первичный фактъ, и чувствительность есть первичный фактъ. Ни та, ни другая не сводится къ болѣе простымъ терминамъ: мы можемъ только сказать, что онѣ дѣйствительно то, что *значатъ*. Но опытъ не есть первичный фактъ; поэтому его — въ идеѣ — можно, посредствомъ анализа, разложить на его составныя части. И сознаніе не первичный фактъ, если его принимать за особый видъ чувствительности.

Слѣдовательно, психологъ не предложитъ вопроса: «что такое чувствительность?», точно также, какъ физикъ не спроситъ: «что такое электричество?» Описывая то, что

электричество *производитъ*, физикъ тѣмъ самымъ объясняетъ намъ, что оно *есть*; онъ можетъ классифицировать его проявленія и выразить ихъ въ законахъ. Психологъ долженъ быть одинаково сдержанъ. Отмѣчая факты, онъ долженъ, посредствомъ наблюденія и опытовъ, отыскивать тѣ изъ ихъ условій, которыя можно доказывать, но не искать ихъ «внѣ поля явленій». Чтобы добраться до условій, онъ долженъ обратиться къ искусству анализа, долженъ дѣлать то, что самопроизвольно дѣлаетъ ребенокъ со всѣмъ, что попадаетъ ему подъ руку, а именно стараться разбить его въ куски, чтобы узнать «изъ чего оно сдѣлано». Но этотъ образъ дѣйствія требуетъ поправки. Душевная жизнь *не* состоитъ изъ дѣлимыхъ кусковъ; каждая часть ея имѣетъ значеніе лишь по отношенію къ другимъ.

135. Даже при физическихъ изслѣдованіяхъ анализъ, который разлагаетъ цѣлое на нѣсколько составныхъ частей, долженъ всегда сопровождаться синтезомъ, снова создающимъ цѣлое; этотъ синтезъ, возстановляя, такимъ образомъ, всѣ устраненныя условія и соединяя то, что было временно разрозненно, разсматриваетъ части въ свѣтѣ, проливаемомъ цѣлымъ. Ни одинъ фактъ нельзя объяснить исчисленіемъ или выставленіемъ его факторовъ, въ видѣ *разобщенныхъ* элементовъ; онъ становится объяснимымъ только вслѣдствіе ихъ сліянія или взаимной зависимости. Контъ виновенъ въ недосмотрѣ, утверждая, что задача химика состоитъ въ томъ, «чтобы опредѣлять свойства составовъ по свойству ихъ составныхъ частей»: это — задача неразрѣшимая. Невозможно опредѣлять свойства воды, перечисляя свойства водорода и кислорода; ни одна соль не чувствуется ни въ ея кислотѣ, ни въ ея основаніи. Свойства составовъ узнаются посредствомъ наблюденія надъ реакціями этихъ составовъ.

Мы можемъ разложить соединенія на ихъ составныя части, но тогда получатся новыя тѣла, уже потерявшія всѣ качества, присущія имъ при соединеніи съ другими частями состава. Такъ кислородъ уже не водянистъ. Только снова создавъ соединеніе, т. е. возобновивъ связь разсѣянныхъ анализомъ элементовъ, мы получаемъ воду. Мы разобрали ее по частямъ; но не зная *всѣхъ* составныхъ частей и способа ихъ сліянія, мы не можемъ увидать цѣлаго въ его частяхъ.

Еще значительнѣе затрудненіе въ психологическихъ изслѣдованіяхъ. Здѣсь всегда наблюдаются результаты, *никогда* — составныя части. Настоящій анализъ, такой, какъ у химика, здѣсь невозможенъ. Составныя части не имѣютъ существованія, подлежащаго наблюденію; онѣ только подразумѣваются. Этимъ я хочу сказать, что чувствованіе нельзя разбить на части, какъ соль, и нельзя изучить каждую изъ этихъ частей, сперва отдѣльно, потомъ въ соединеніи. Всѣ стадіи процесса должны быть пройдены прежде, чѣмъ получится чувствованіе; оно не можетъ назваться такимъ въ *одной* только стадіи. Стало, раздѣленіе этихъ стадій и анализъ отдѣльныхъ элементовъ этого чувства можетъ произойти только въ идеѣ. Кромѣ того, каждый изъ этихъ идейныхъ элементовъ имѣетъ свою исторію. Элементы неорганическаго тѣла, моменты динамическаго процесса неизмѣнны, т. е., кислородъ, выдѣленный изъ ржавчины, изъ воды или изъ животной ткани появляется въ неизмѣнныхъ и неизмѣнимыхъ чертахъ, послѣ каждой новой комбинаціи. Но не то мы видимъ въ основахъ чувствованія: даже самыя ткани, служащія имъ физическимъ основаніемъ, безпрерывно измѣняются.

136. Намъ приходится не разъ напирать на то, что органическія функціи не похожи на отправленія машинъ,

происходящихъ отъ соединенія элементовъ, не имѣющихъ между собою естественной и неразрушаемой связи. Организмъ развивается: одна часть его вытекаетъ изъ другой, и всѣ части находятся во взаимной зависимости. Функции организма являются только спеціализаціями свойствъ, общихъ всѣмъ его частямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что чувствительность и ея виды, принадлежація къ многочисленнымъ спеціализаціямъ жизненности, не можетъ сравниваться съ паромъ, или съ какимъ либо другимъ внѣшнимъ двигателемъ; точно также, опытъ не можетъ быть приравненъ къ какой нибудь совокупности частей, взятыхъ вмѣстѣ: это не мозаика изъ различныхъ элементовъ, а живое, развивающееся, разнообразное цѣлое. Но признавая это, мы все же принуждены обращаться съ такимъ цѣлымъ, въ которомъ его части могли бы разсматриваться отдѣльно. Такъ, мы говоримъ о впечатлѣніяхъ, какъ о событіяхъ, отдѣльныхъ отъ ощущеній; объ ощущеніяхъ, какъ будто они могутъ существовать независимо отъ чувственныхъ волненій, называемыхъ эмоціями и распознаваніемъ. Можно разсматривать впечатлѣніе, отдѣльно, какъ первую стадію сложнаго процесса, вторую и третью стадію котораго составляютъ ощущеніе и воспріятіе, тоже взятая, въ этомъ смыслѣ, отдѣльно. Въ сущности же, разбирая впечатлѣніе, какъ психологическое явленіе, необходимо наблюдать его въ отношеніи къ предшествующей ему чувственной реакціи. Но и ощущеніе не можетъ появиться безъ основныхъ функцій, которыя мы аналитически приписываемъ мышленію. Вслѣдствіе этого является коренное смѣшеніе въ той доктринѣ, по которой мысль есть *преобразованное* ощущеніе — смѣшеніе, аналогичное той еще болѣе глубокой и распространенной ошибкѣ, по которой ощущеніе есть пресуществленіе физическаго движенія.

137. Если бы сенсуалистическая школа обращала больше вниманія на біологію, она была бы въ состояніи настолько провѣрить свою гипотезу, что все душевныя явленія разсматривались-бы какъ виды общей чувствительности. Тогда бы эта школа съ радостью приняла помощь анализа, хотя и признавая его искусственность. Она бы не оставила безъ вниманія отношеніе органа къ организму, части къ цѣлому, не впала бы въ ошибку, разсматривая организмъ, какъ *мозаику*, или собраніе органовъ, построенное по кускамъ и дѣйствующее также урывками: — ошибка, послѣдствія которой замѣтны въ понятіи о духѣ, какъ о смѣси впечатлѣній, какъ о мозаикѣ изъ опытовъ. Біологія говоритъ намъ, что организмъ, хотя онъ и дифференцированъ въ органы, всегда составляетъ цѣлое, дѣйствующее посредствомъ своихъ частей; каждый органъ получаетъ значеніе вслѣдствіе своихъ отношеній къ остальнымъ, и ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ функціей, независимой отъ остальныхъ. Такъ и духъ. Понятіе о *tabula rasa*, на которую чувства заносятъ свои впечатлѣнія, — антибіологическое понятіе. Прежде чѣмъ впечатлѣнія могутъ перейти въ воспріятія, долженъ существовать организмъ, способный воспринимать ихъ. Въ пресловутомъ примѣрѣ Кондильяка о статуѣ, которая могла бы ощущать запахъ розы (онъ говоритъ, что это *былъ бы* самый запахъ) есть недоговоренная посылка организма, принаровленного къ воспріятію этого ощущенія. Въ отсутствіи подобнаго воспринимающаго фактора было бы также неправильно предположить, что статуя можетъ нюхать розу, какъ то, что она можетъ переваривать говядину.

138. Читатель, вѣроятно, такъ мало расположенъ опровергать эти замѣчанія, что даже будетъ, пожалуй, недоволенъ тѣмъ, что я такъ напираю на нихъ. Од-

нако, какъ бы искренно онъ съ ними ни соглашался, при внимательномъ разсмотрѣніи, онъ убѣдится, что нѣтъ заблужденія, болѣе распространеннаго, какъ то, на которое мы указываемъ. Факты постоянно смѣшиваются съ однимъ или болѣе изъ ихъ отдѣльныхъ факторовъ, дѣйствія приписываются одному условію изъ цѣлой группы, упраздняются и не возстановляются посылки, органамъ присваиваютъ исполненіе такихъ дѣйствій, въ которыхъ они играютъ лишь второстепенную роль. Въ слѣдующихъ выпускахъ намъ еще не разъ случится указывать на это.

Разъяснивъ себѣ, разъ на всегда, родъ пользы, приносимой анализомъ, мы спокойно можемъ обратиться къ этому приему. Мы, въ идеѣ, разлагаемъ организмъ на его органы, духъ на его функціи и способности, которыя мы, въ свой чередъ, раздѣляемъ на ихъ составныя части, физическія, физиологическія и психологическія. Мы изучаемъ стимулы, механизмъ и опытъ, т. е. дѣйствіе вѣншей среды на организмъ, реакціи этого организма и чувствованіе, которое есть субъективный видъ этой реакціи. Организмъ, хотя онъ является системою силъ, заключающей въ себѣ своего фактора (§ 79), находится въ связи съ вѣншими силами и отъ нихъ получаетъ первый толчекъ къ дѣйствію. Напримѣръ, движеніе воздуха нарушаетъ равновѣсіе слуховаго аппарата, имѣющаго свой собственный способъ реакціи, а этотъ аппаратъ, въ свою очередь, тревожитъ общій центръ или чувствилище. Всѣ эти три стадіи одного нервнаго процесса, раздѣляемыя въ идеѣ, могутъ быть изучены отдѣльно, хотя всѣ три являются необходимыми элементами: если случится въ которомъ нибудь изъ нихъ измѣненіе, то получится соотвѣтствующая перемѣна въ окончательномъ результатѣ. Безъ колебаній воздуха не

будеть звука, безъ раздраженія аппарата нѣтъ звука; и безъ чувствилища нѣтъ звука.

139. Строго говоря, предшествующее положеніе вѣрно только относительно первоначальной и нормальной производительности ощущеній. Оно требуетъ объясненія, если принять во вниманіе послѣдующія реакціи *уже измѣненнаго* чувствилища. Здѣсь опытъ является факторомъ. Черезъ него могутъ получиться ощущенія, безъ содѣйствія нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ условій производительности. Тогда мы имѣемъ «субъективныя ощущенія», вызванныя другими стимулами, чѣмъ тѣ, которые производятъ органы чувствъ, возстановленіе осадковъ, получившихся отъ дѣйствія этихъ органовъ.

139^a. Но не для того, чтобы останавливаться на этомъ, укажемъ на научное преимущество, представляемое изученіемъ физической стадіи процесса, данныя которой измѣримы и легко поддаются демонстраціи. Психологическая ступень не обладаетъ этимъ преимуществомъ; но она, какъ мы уже сказали, за недостатокъ *точности*, вознаграждаетъ своею *достоверностью*. Если мы никогда не въ состояніи опредѣлить чувствованія количественно, то мы знаемъ его качественно съ несомнѣнной вѣрностью. И благодаря этой точности съ одной стороны, и этой достоверности съ другой, оказалось возможнымъ ввести количественныя отношенія между стимулами и ощущеніями; появилась новая вѣтвь науки, психофизика. Что же касается до промежуточной или фізіологической стадіи, въ ней мы въ настоящее время не замѣчаемъ ни этой точности, ни этой вѣрности. То, что происходитъ въ нервной системѣ, подъ именемъ стимула и реакціи, не доступно ни свидѣтельству чувствъ, ни интуитивному различенію. Это есть, и долго останется, гадательнымъ. Такой приговоръ можетъ показаться жестокимъ.

для тѣхъ, кто опирался на гипотезу о вибраціяхъ, волнообразныхъ движеніяхъ, химическихъ и электрическихъ процессахъ, функціяхъ клѣтки, особыхъ мѣстахъ ощущеній, эмоцій, актовъ воли и мысли. Но такой приговоръ подтвердить каждый, кто серіозно обслѣдовалъ состоятельность подобныхъ гипотезъ. Исслѣдователь хорошо сдѣлаетъ, если будетъ смотрѣть на все то, что получило право гражданства по этому предмету, какъ на предварительно-воображаемое, могущее помочь его изложенію, а не какъ на данныя, изъ которыхъ можно вывести заключеніе. Гипотезы — не термины науки, но только термины, которыми мы пополняемъ пробѣлы нашего знанія. Математическая точность оптики и акустики ограничивается физическими стадіями процессовъ слуха и зрѣнія; при переходѣ же отъ физическаго къ физиологическому, процессъ — ускользаетъ отъ наблюденія. Между извѣстными намъ физическимъ и физиологическими моментами является нервный моментъ, измѣненіе въ чувственномъ направленіи: но *какая* эта перемѣна — мы не знаемъ. Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что этотъ процессъ не тождественъ съ физическимъ отправленіемъ, такъ какъ его движенія не могутъ быть тождественны съ движеніями внѣшняго стимула. Физикъ, съ помощью призмы, разбиваетъ лучъ свѣта и измѣряетъ каждую волнообразную полосу составляющихъ его цвѣтовъ: каждая изъ этихъ полосъ представляетъ различныя степени возбужденія. Изъ этого вытекаетъ заключеніе, что каждый цвѣтъ есть продуктъ отдѣльной волнообразной полосы. Мы узнаемъ, что дѣйствіе 450 билліоновъ толчковъ въ секунду поражаетъ ощущеніе краснаго, 589 билліоновъ — зеленаго, 790 бил. — фіолетоваго цвѣта. Все это кажется совершенно удовлетворительнымъ до тѣхъ поръ, пока мы не убѣдимся, что хотя эти колебанія и произ-

водятъ такія ощущенія, но лишь съ помощью посредствующаго агента, который не дрожить, подобно первымъ, а напротивъ способенъ вызывать ощущенія такими вибраціями, которыхъ отличіе съ вышеприведенными можно доказать. Это ясно видно изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ. Во первыхъ, изъ того факта, что фіолетовый цвѣтъ, который, согласно со скалою спектра, равняется 790 билліонамъ — получается также черезъ сліяніе краснаго и синяго, т. е., изъ 450 и 589 билліоновъ; а бѣлый, содержащій въ себѣ все цвѣта спектра, производится черезъ смѣшеніе зеленовато-синяго съ ярко-краснымъ, или зеленовато-желтаго съ фіолетовымъ, или желтаго съ ультрамариномъ. Особенно замѣчательно то, что бѣлый цвѣтъ, полученный такими различными способами, вполне одинаковъ, по производимому имъ ощущенію, но различенъ относительно физическихъ реакцій. Негативъ, на который падаетъ бѣлый лучъ, составленный изъ краснаго и зеленовато-синяго цвѣта, даетъ черную реакцію, между тѣмъ какъ при желтовато-зеленой и фіолетовой комбинаціи она чрезвычайно ярка. Предметы, освѣщенные этими двумя разнородными бѣлыми лучами, принимаютъ и различную окраску. Второй примѣръ есть фактъ *субъективныхъ* цвѣтовъ.

140. Далѣе, ощущеніе только съ помощью фізіологическаго посредника точно согласуется съ физическимъ стимуломъ; мы видимъ, что цвѣтъ предметовъ измѣняется, смотря по части сѣтчатой оболочки на которую онъ падаетъ. Цвѣтокъ гераніума, ярко-красный въ серединѣ, по краямъ едва отличается отъ его зеленыхъ листьевъ. Въ формѣ предметовъ, какъ и въ ихъ цвѣтѣ, происходитъ субъективное измѣненіе. Оптический образъ дома, отражающійся на камерѣ-обскурѣ или на сѣтчатой оболочкѣ глаза, не похожъ на тотъ, который образуется

въ душѣ: первый чрезвычайно малъ, перевернуть къ низу и имѣетъ только два измѣренія, между тѣмъ какъ душевный образъ дома большой, прямой и съ тремя измѣреніями.

Итакъ, мы видимъ, что ученые, которые, опираясь на физическій анализъ, не присоединяютъ къ нему разбора, требуемаго психологіей, впадаютъ въ ошибку, противуположную той, которую сдѣлалъ Гёте, когда онъ, основываясь исключительно на психологическомъ анализѣ, сталъ оспаривать физическую гипотезу Ньютона. И тотъ, и другой способъ необходимы. Вспомнимъ, что мы, пытаясь соединить ихъ посредствомъ молекулярныхъ измѣненій нервной системы, попадаемъ въ весьма мало изслѣдованную область. Между строеніемъ глаза или уха и вызываемыми ими ощущеніями существуетъ связь, которую легко доказать, такъ какъ самое незначительное измѣненіе организаціи сопровождается какимъ нибудь измѣненіемъ въ чувствованіи; поэтому второе справедливо признается функціей перваго. Между этими органами и центральной нервной системой также замѣчается ясная связь, малѣйшее нарушеніе которой ведетъ за собой остановку въ функціональной дѣятельности. До сихъ поръ явленія — доступны фізіологіи; но далѣе ея силы ослабѣваютъ. Между строеніемъ мозга, или какой нибудь другой части центральной системы, и ощущеніями, воспріятіями, идеями, которыя составляютъ его дѣятельность, не замѣтно подобной связи. Я хочу сказать, что намъ не извѣстны измѣненія въ мозговой организаціи, которыя бы постоянно соотвѣтствовали измѣненію въ чувствованіи. Возможно, что настанетъ день, когда откроютъ точныя отношенія между центральной организаціей и душевными управленіями, аналогичныя извѣстному намъ теперь соотношенію между строеніемъ глаза

и функціей зрѣнія. Но, какъ намъ кажется, до этого дня еще далеко. Все, въ чемъ можетъ насъ увѣрить современная фізіологія, состоитъ лишь въ томъ, что духъ есть функція организма и что, слѣдовательно, извѣстныя перемѣны въ организмѣ совпадаютъ съ измѣненіями въ душевныхъ состояніяхъ.

141. Во всемъ этомъ лежитъ необходимость постояннаго изученія организма, какъ непосредственно доступнаго намъ предмета, для опытовъ и наблюденій: по мѣрѣ того, какъ это изученіе становится обстоятельнѣе и точнѣе, факты, замѣченныя интроспекціей, являются болѣе понятными и объяснимыми. Кромѣ того, съ этимъ знаніемъ мы приобретаемъ силу собственнаго почина. Зная, что здорово-организованный глазъ необходимъ для нормальнаго зрѣнія и, что извѣстныя недостатки кристалика и стекловидной жидкости, оптическаго нерва или мозга порождаютъ пороки зрѣнія, мы уже находимся на пути къ отысканію средствъ для исправленія подобныхъ ненормальностей, которыя мы поправляемъ съ помощью стеколъ особенной формы или лекарствъ, имѣющихъ извѣстное дѣйствіе *).

142. И такъ, анализъ — сильное и необходимое орудіе; но слѣдуетъ умѣть имъ пользоваться. Мы смѣемъ надъ человѣкомъ, о которомъ рассказываетъ Героклъ, что онъ показывалъ кирпичъ, какъ обрачикъ своего дома; но смѣхъ нашъ не мѣшаетъ намъ выказывать такую же *naïveté*, принимая часті за цѣлое, отчуждая одинъ органъ отъ всего организма, и выдѣляя организмъ изъ его среды. Разъ подобныя заблужденія нами допущены,

*) Употребленіе подходящихъ очковъ тоже способствовало излеченію малозвѣстныхъ нервныхъ болѣзней, въ которыхъ никто и не подозревалъ отношенія къ недостаткамъ зрѣнія.

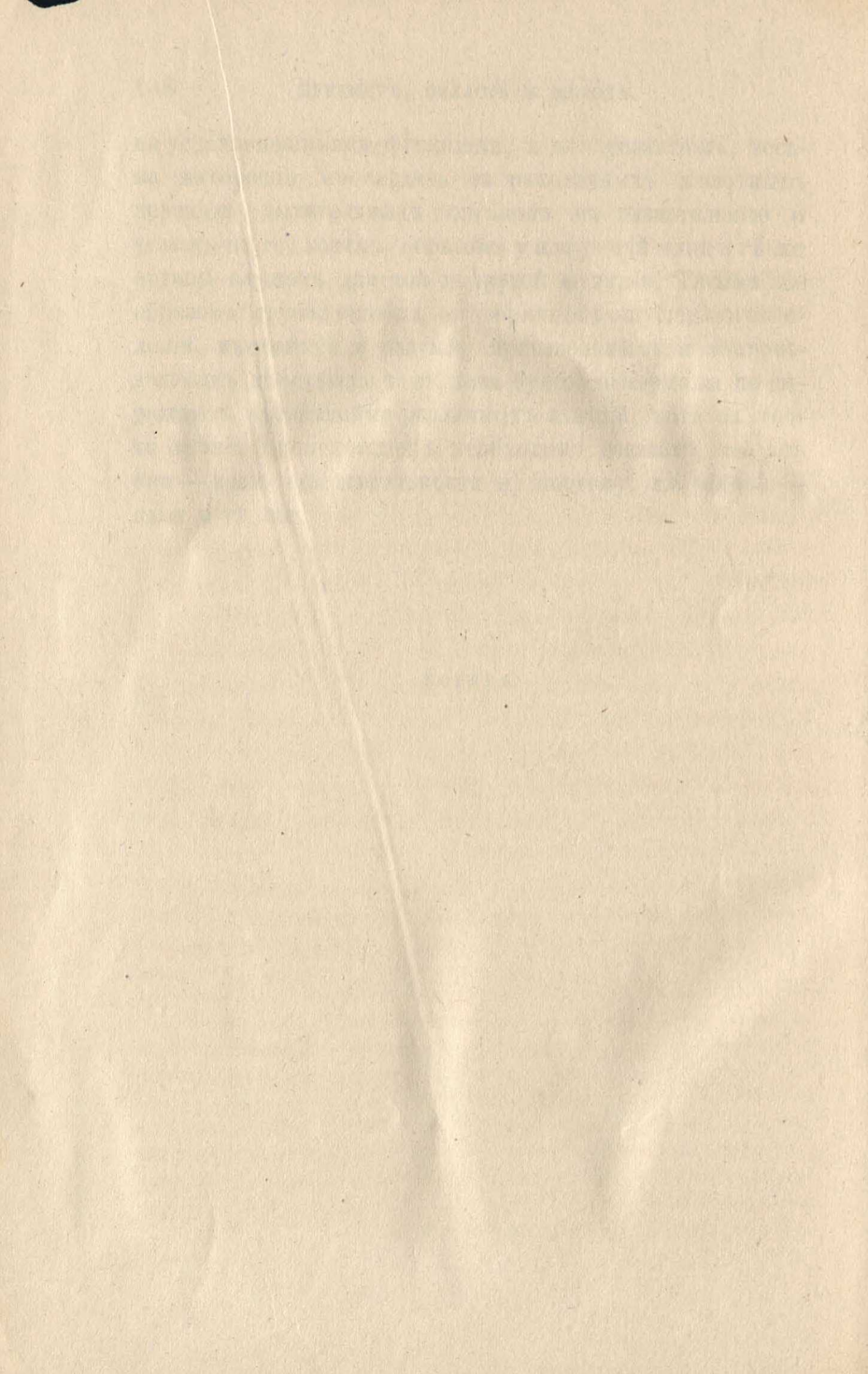
мы не должны удивляться ихъ расширенію; даже если они дойдутъ до того, что отдѣльныя клѣточки превратятся въ сѣдалища мышленія. Читая нѣкоторые фізіологическія положенія о локализациі душевныхъ функцій, я спрашивалъ себя: не дойдетъ ли современемъ эта скороспѣлая фізіологическая топографія до того, что укажетъ мѣстопробываніе жизни — въ сердцѣ, чувствительности — въ сердечной оболочкѣ, движенія — въ мускульныхъ тканяхъ? *)

Еще заключительное замѣчаніе. Предметомъ психологическаго анализа служить не только зрѣлый духъ съ приобрѣтенными имъ способностями, но и степени развитія, черезъ которыя онъ прошелъ. Многіе иногда смѣшиваютъ эти двѣ точки зрѣнія и стараются изгладить эти весьма опредѣленные различія въ явленіяхъ, указывая на то, какъ они вытекаютъ изъ общаго начала. Объяснимъ это примѣромъ. Никакія двѣ функціи не представляютъ для фізіолога такихъ ясныхъ различій, какъ дыханіе и плаваніе: если примѣнить къ одному слова, относящіяся къ другому, можетъ произойти только путаница. Для морфолога-же, который занимается

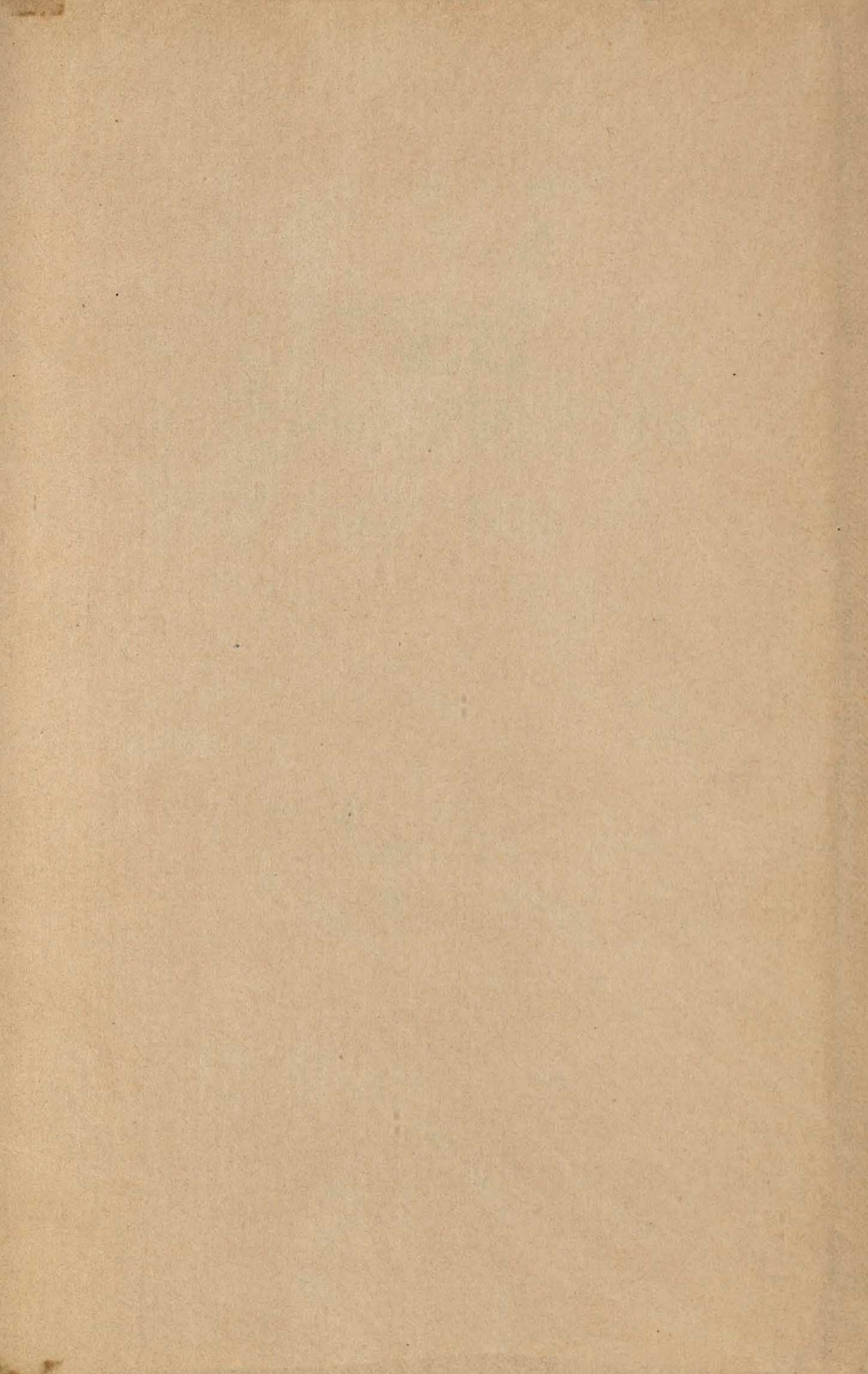
*) Какъ обращикъ чисто фантастическихъ гипотезъ, замѣтимъ то, что излагаетъ J ä g e r въ своемъ „*Handbuch der Zoologie*“ 1877, ii, 339: „Клѣточки мозговаго кортикальнаго вещества служатъ мѣстомъ ощущенія, такъ какъ ихъ много; но сѣдалище сознанія — невролгія, потому что она лежитъ между клѣточками и представляетъ недифференцированное вещество!“ — Вотъ еще образецъ того же направленія, съ прибавкою страннаго смѣшенія фізіологическихъ и психологическихъ терминовъ: обратите вниманіе на слѣдующія положенія, находящіеся въ *Rapport sur le Concours de 1868*, представленный медицинской академіи. „Nous admettons trois grands centres superposés l'un à l'autre, placés suivant une progression décroissante. Audessus de tout, le Moi; puis au dessous, les Instincts avec les facultés du second ordre; ensuite la Moëlle.“) Психологамъ извинительно, если они, читая такія мѣста, съ нетерпѣніемъ отвернутся отъ помощи, предлагаемой имъ фізіологами.

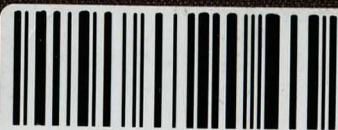
не установившимися функціями, а ихъ развитіемъ, весьма интересно прослѣдить въ раковидныхъ животныхъ переходъ дыхательныхъ органовъ въ плавательные и указать на то, какимъ образомъ у инфузорій одни и тѣ же органы служатъ для той и другой функціи. Такимъ же образомъ: грубая ошибка, — говорить объ ощущеніи и мышленіи, инстинктѣ и разумѣ, произвольныхъ и непроизвольныхъ дѣйствіяхъ такъ, какъ будто эти термины не выражаютъ чрезвычайно различныхъ явленій; хотя съ точки зрѣнія происхожденія необходимо доказать, что всѣ они — виды чувствительности и, поэтому, въ основѣ — одни и тѣ же.

КОНЕЦЪ.



прм
13





2007334418